

9201
1454

МЕТОДОЛОГИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

**О БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ
ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА**

Под редакцией
Ю. Я. ОЛЬСЕВИЧА, Т. ТРЕНДАФИЛОВА

Рецензент:

докт. экон. наук, проф. **В. С. Афанасьев**

Авторский коллектив: д. э. н., проф. Ольсевич Ю. Я. (предисловие, гл. I); д. э. н., проф. Трендафилов Т. (предисловие); д. э. н. Бехар Н. (гл. II); д. э. н. Хавина С. А., к. э. н. Христов С. (гл. III); к. э. н. Стулов А. А. (гл. IV); к. э. н. Кесельман Е. Ц. (гл. V); к. э. н. Суперфин Л. Г. (гл. VI); к. э. н. Жуков В. Н., к. э. н. Худокормов А. Г. (гл. VII).

Руководители авторского коллектива: д. э. н., проф. Ольсевич Ю. Я., д. э. н., проф. Трендафилов Т.

Ответственные редакторы: д. э. н., проф. Ольсевич Ю. Я., к. э. н. Стулов А. А.

Научно-вспомогательную работу выполнили м. н. с. Л. М. Гринфельд, А. А. Ежова, В. Г. Ионин, Л. И. Савинская.

В документах XXVII съезда КПСС и XIII съезда БКП указывается, что острое противоборство социалистической и буржуазной идеологий является существенной особенностью обстановки, в которой ведется сегодня идеологическая работа. Установка буржуазной идеологии — «всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс»¹.

В то же время враги марксизма-ленинизма всеми силами тщатся приукрасить капитализм, приписывают ему несуществующие преимущества перед социалистическим строем.

В основе современного обострения идеологической борьбы лежат объективные процессы углубления общего кризиса капитализма, агрессивный стратегический курс международного империализма, прежде всего США. Реакционные силы, находящиеся у власти в США и ряде других стран, делают ставку на политику социального реванша, на военно-силовое давление в международных отношениях. Существует серьезная опасность дальнейшего поправления политики, всей внутренней обстановки в некоторых капиталистических странах, что чревато последствиями и для международных отношений.

В этих условиях борьба на международной арене будет разворачиваться прежде всего вокруг вопросов политики, действительно способной разоблачить агрессивный курс империализма и сохранить мир.

В империалистической политике и пропаганде в ходу миф о советской, или коммунистической, «угрозе», который является важнейшей частью антикоммунизма, его «жалом». Идеологи империализма пытаются представить вопреки истине социализм как систему, подчиненную неким агрессивным целям либо порождающую агрессию.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 87.

«Особо надо сказать о таком опасном проявлении кризиса капитализма, как антикоммунизм и антисоветизм. Это не только политика внешняя. В современной системе империализма это и важнейшее направление политики внутренней, средство давления на все передовое и прогрессивное, что живет и борется в странах капитала, в не-социалистической части мира»¹. По мере того как растут успехи мирового социализма, идеологи буржуазии все большую ставку делают на военную силу, на полицейский аппарат принуждения. Современная жизнь наглядно показывает, что империализм не может выиграть у социализма в противоборстве идей.

Вот почему, как показано в Материалах XXVII съезда КПСС, фальсификация теории и практики реального социализма составляет важнейшую основу современной буржуазной идеологии, активно используется и для обоснования империалистической политики, и в антисоветской пропаганде. Эта фальсификация широко применяется в ведущейся империализмом «психологической войне», в идеологических диверсиях против стран социализма. Этим определяется острая актуальность научной критики антимарксистских взглядов на социально-экономическую природу социалистического общества, и в частности критического анализа методологических основ современно-го «социализмоведения».

Буржуазные и мелкобуржуазные концепции социализма имеют длительную историю, опираются на различные школы немарксистской политэкономии, используют значительный статистический и экономико-математический аппарат. Только в США изучение социально-экономических проблем СССР и других стран социализма ведется в 200 специализированных научных центрах тысячами подготовленных советологов и «специалистов по Востоку». Их работа координируется конгрессом США, Госдепартаментом, ЦРУ, Пентагоном. В международном масштабе «координатором» «социализмоведов» выступает и НАТО: выпускается обширная литература, проводятся региональные конференции, всемирные конгрессы. Выдвигаются все новые концепции, обновляется «аргументация» старых. В этих условиях важно, чтобы критика антимарксистских теорий социализма в полной мере отражала обострение идеологической борьбы на международной арене.

Актуальность этой задачи особенно ясна, если учесть, что научная критика буржуазных и мелкобуржуазных взглядов на теорию и практику социализма призвана дать веские теоретические аргументы нашей контрпропаганде, преподавателям общественных дисциплин, помочь прогрессивным зарубежным деятелям — противникам антисоветизма.

Наступательность критики в целом состоит в раскрытии исторических преимуществ социализма над капитализмом, не имеющим

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 13.

исторического будущего. На современном этапе центральное значение для наступательной критики имеет раскрытие объективной социально-экономической природы социализма, его отличительных черт, к которым относятся коллективизм и товарищеская взаимопомощь, торжество идей свободы, неразрывное единство прав и обязанностей каждого члена общества, достоинство личности, подлинный гуманизм, мирная направленность и интернационализм во внешней политике.

Задача углубления марксистско-ленинской критики, усиление ее наступательного характера тесно связаны с раскрытием несостоятельности методологических принципов буржуазного подхода к изучению экономических процессов. В целом методология «социализмоведения» характеризуется использованием различных течений идеализма, вульгарного материализма, методов буржуазной социологии и социальной психологии. Причем в зависимости от особенностей этапа развития социализма на первое место буржуазными авторами может выдвигаться какой-либо один принцип, с помощью которого они тщатся превратно истолковать реальные процессы социалистической экономики.

Буржуазное «социализмоведение» концентрирует свое внимание на противоречиях, нерешенных проблемах, негативных тенденциях в экономике СССР и других стран социализма. Критика методологических основ буржуазных концепций призвана дать дополнительный импульс марксистским исследованиям природы этих явлений и выработать конструктивных рекомендаций по их преодолению.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд КПСС выработали стратегический курс, характеризующийся ускорением социально-экономического развития, переводом экономики на интенсивный путь развития, развертыванием НТР, глубоким и всесторонним совершенствованием производственных отношений, хозяйственного механизма.

В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы КПСС намечены пути развития социалистического общества в СССР на срок, выходящий за пределы 2000 года; приняты Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Принципиальное значение как для практической реализации программы ускорения, так и для методологии научного анализа проблем и противоречий социализма имеют материалы январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, определившего пути демократизации общества, решительного преодоления отставания теоретического фронта на основе творческого развития марксизма-ленинизма.

Предлагаемая вниманию читателей монография является результатом совместного исследования советских и болгарских ученых: Института экономики АН СССР и Института современных социальных теорий БАН.

Авторы попытались дать системный критический анализ взглядов буржуазных экономистов на законы и категории политической экономики социализма: общественную собственность на средства производства, централизованное планирование, хозяйственный механизм и др.

Эти задачи предопределили структуру монографии. Вначале дается общая характеристика методологических принципов вульгарной политической экономики, раскрываются содержание и развитие ее кризиса с точки зрения эволюции методологических основ. Эти вопросы раскрыты на примере основных направлений современной буржуазной политической экономики: «неоклассического», неолиберального, кейнсианства и институционально-социологического.

Значительное внимание уделено критическому анализу буржуазных теорий экономической системы социализма (структурно-управленческих; телеологических (мотивационных), социально-институциональных). Показаны несостоятельность методологических корней буржуазной «компаративистики», ложность «нейтральных» критериев сравнения систем.

Затем подвергаются критике тезис о существовании «общей логики развития индустриального общества» и лежащий в основе этой концепции вульгарно-материалистический подход. Его более конкретное преломление рассмотрено при анализе буржуазных трактовок социально-классовой структуры социалистического общества и периодизации исторического пути развития СССР.

Большое внимание уделено показу социальной и гносеологической природы индивидуалистического метода, характерных его черт, направлений эволюции.

Наконец, в монографии раскрывается методологическая несостоятельность праворевизионистских и левацких концепций социализма. Рассматриваются и подвергаются системной критике такие характерные черты праворевизионистской методологии, как ее эклектический характер, вульгаризация марксистской методологии.

В целом предпринятый в монографии системный анализ используемых советологами методологических принципов является одной из первых попыток в нашей экономической литературе.

КРИЗИС ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛИЗМА

1. БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МЕТОД ВУЛЬГАРНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Современные буржуазные концепции экономики реального социализма в методологическом отношении опираются — в явной или завуалированной форме — на постулаты вульгарной буржуазной политэкономии, философии и социологии.

Сжатая характеристика вульгарной политэкономии (в отличие от классической) содержится в следующем определении К. Маркса: «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства... Эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными»¹.

Исходная «субстанция», с которой имеет дело вульгарная буржуазная политэкономия, — это не научные понятия, выведенные путем анализа реальности, а «обыденные представления» агентов буржуазного производства. Относительно того, как формируются эти представления, К. Маркс писал: «Поэтому тот порочный круг, в котором вращается носитель вульгарных взглядов, будь он теоретик капиталистического сознания или практический капиталист... — есть только *выражение того кругового движения*, в котором всеобщие законы противоречиво реализуются в действительном движении и на поверхности явлений»².

В указанных представлениях, таким образом, отражаются лишь поверхностные формы экономических отношений (формы реальные, но превращенные, находящиеся в объективном противоречии с их содержанием). Именно эти представления являются для представителей буржуазной политической экономии объектом «доктринерского истолкования», «систематизации» и «оправдания».

Сам предмет вульгарной экономической теории, ее цели предпопре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 383—384.

² Там же. Т. 26. Ч. III. С. 536.

деляют методологию, к которой она прибегает¹. Для этой методологии характерно сочетание грубого эмпиризма с метафизикой и схоластикой, идеализма с вульгарным материализмом.

Эмпиризм вульгарной политической экономии выражается в том, что ее категории и законы являются не результатом научного анализа и синтеза, а выступают как плоды наукообразной формализации представлений непосредственной хозяйственной практики. Поэтому категории вульгарной политэкономии расположены как бы в одной плоскости. Соответственно связи между экономическими категориями рассматриваются как «круговые», функциональность трактуется только как взаимозависимость, а не как проявление причинности. Структура экономической системы рассматривается с точки зрения ее поверхностно-рыночных либо вещественных форм или социальной организации; важнейшей характеристикой системы считается либо равновесие между ее элементами, либо, напротив, отсутствие такового.

Нетрудно видеть, что под «экономической системой» вульгарная буржуазная политэкономия имеет в виду не экономический базис общества, а лишь совокупность поверхностных форм хозяйственного механизма.

Поскольку вульгарная плоско-поверхностная «систематизация» экономических явлений не способна ни на научное абстрагирование, ни тем более на генетическое выведение конкретных явлений из абстрактных, она для истолкования хозяйственной практики прибегает к внеэкономическим факторам идеального либо грубо материального порядка. Так, появление и действие экономической системы и ее элементов «объясняются» этикой (в том числе религией), культурой, идеологией, психологией, правом, с одной стороны, и техникой, природой, демографией, с другой стороны.

Буржуазная мысль не только переворачивает с ног на голову соотношение между идеальными и материальными факторами, но и не способна уразуметь реального соотношения внутри материальных сил — между общественной и вещественной сторонами производства. Поэтому в вульгарных «истолкованиях» общественному фактору «вменяются» свойства вещественного, и наоборот. Так, продуктам труда, машинам приписываются в качестве их «естественных» свойств такие характеристики, которые присущи определенным общественным отношениям, и наоборот, общественным отношениям приписываются природные свойства вещей. «Грубый материализм экономи-

---

¹ В строгом смысле слова под «методологией» понимается наука о методе. Однако в экономической литературе этим термином обозначается также совокупность методов и инструментария исследования. Поскольку вульгарная буржуазная политэкономия не имеет единого метода, ее различные направления используют различные, к тому же нередко внутренне противоречивые методы; в этом смысле удобнее говорить о методологии вульгарной буржуазной политэкономии как совокупности приемов и инструментов описания, систематизации, истолкования хозяйственных явлений.

стов, рассматривающих общественные производственные отношения людей и определения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их»¹.

В марксистско-ленинской экономической литературе отмечались такие черты методологии современной буржуазной политэкономии, как идеализм и метафизический характер². Однако эти черты были присущи и научной, классической буржуазной политэкономии, у которой идеализм и метафизика противоречиво соседствовали со стихийно-материалистическим и стихийно-диалектическим подходом. Для выявления специфики методологии вульгарной буржуазной политэкономии (как качественно отличной от классической) явно недостаточно характеризовать ее как идеалистическую и метафизическую. Общей системой методологии вульгарной (в том числе современной) буржуазной политэкономии является сочетание эмпиризма со схоластикой. Одним из проявлений схоластичности вульгарного мышления является априоризм. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» назвал априоризм «старым излюбленным идеологическим методом», который состоит в том, что «свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета. Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием»³.

Методология современной буржуазной политэкономии явно или скрыто связана с философией разных школ неопозитивизма, экзистенциализма, неотомизма и вульгарного материализма⁴. Специфика метода буржуазных теорий социализма состоит в том, что они пытаются воспроизвести новую экономическую систему в понятиях, привычных для буржуазного сознания и отражающих поверхностные явления экономики и политики капиталистического общества. Поэтому на социализм в прямом либо «перевернутом» (негативном) виде переносятся поверхностные отношения экономики и политики капитализма⁵.

В то же время, если теории капитализма апологетически истолко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 198.

² Например см.: Рындина М. Н. Методология буржуазной политической экономии. М.: Мысль, 1969. С. 99—115.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 97.

⁴ Геде А. Философия кризиса. М.: Прогресс, 1978. С. 61, 62.

⁵ «Обычная судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 344).

вызывают агенту буржуазного хозяйства его собственные эмпирические представления о хорошо знакомых ему конкретных явлениях, то буржуазные теории социализма в значительной мере призваны «расширить» кругозор буржуа, повествуя на языке его собственных представлений о явлениях, находящихся вне пределов его собственной практики, но заведомо осуждаемых. Это открывает простор для целенаправленной «творческой деятельности» буржуазных теоретиков; в буржуазных концепциях социализма сам объект — совокупность конкретных форм хозяйственного механизма — подвергается заведомой деформации уже в самом процессе отбора, описания и систематизации «фактов».

Однако «доктринерское истолкование» социализма буржуазными теоретиками преследует цель не только дискредитировать социализм (и тем самым косвенно «оправдать» капитализм), но и выработать практические рекомендации для империалистических правительств на международной арене. Это обстоятельство вынуждает включать в буржуазный анализ социализма элементы реалистического подхода (в особенности в описании и анализе процессов роста производства и потребления, экономических пропорций, научно-технического прогресса и др.). Эти элементы реализма состоят, например, в попытках ряда «социализмоведа» рассматривать систему социализма, ее «институты», категории в движении и изменении, подходить к понятиям «эффективность» и «пропорциональность» с точки зрения динамики производства.

Реалистические элементы в применениях буржуазной методологии относятся к приемам описания отдельных сторон и процессов и находятся в противоречии с общим эмпирико-схоластическим подходом к их теоретическому истолкованию.

Методология современной вульгарной буржуазной политэкономии находит специфическое проявление в сфере экономических концепций социализма в следующих общих чертах.

Экономическая система социализма рассматривается грубо эмпирически как совокупность конкретных форм хозяйственного механизма. Возникновение этой системы истолковывается эмпирико-идеалистически — как результат действия более или менее случайной комбинации факторов культурного, идеологического и политического порядка, вне связи с законами и противоречиями капиталистического производства. Структура и функционирование экономической системы социализма трактуются с позиций вульгарного идеализма как взаимодействие «навязанной» идеологии, политики, воплощенных в государственных организациях, с одной стороны, и субъективной «хозяйственной» психологии индивидов, техники, традиций, с другой стороны.

Эволюция экономической системы социализма (которая ложно отождествляется с его конкретным хозяйственным механизмом) трактуется либо идеалистически (как диктуемая политическими

соображениями), либо вульгарно-материалистически (как определяемая изменениями в технике, демографии и т. п.), либо рассматривается одновременно с обеих позиций.

При истолковании нерешенных проблем, трудностей, противоречий развития социалистической экономики буржуазная методология состоит в том, чтобы противопоставить факторы технического порядка, а также субъективную психологию индивида, с одной стороны, и факторы культурно-исторического, идеологического и политического порядка, с другой стороны. При этом воздействие первой группы факторов оценивается как «прогрессивное», якобы требующее «эрозии» сложившейся системы, а воздействие второй — как «консервативное», «тормозящее» движение в «прогрессивном» направлении либо вызывающее изменения противоположного характера.

Метод как определенный способ отражения объекта в сознании непосредственно зависит от развития самого объекта и от эволюции мышления. Исторический процесс познания диалектичен, противоречив, особенно когда его объект — само общество, его экономические отношения. И при подлинно научном в целом подходе на отдельных этапах развития возможны преувеличение роли одних факторов и недооценка других, неверное понимание отдельных связей, а поэтому — выдвижение ошибочных гипотез. Однако научная методология, опираясь на критерий практики, преодолевает частичные заблуждения. И напротив, гносеологически возможные изъяны методологии (абсолютизация, односторонность, механистичность и т. д.) консолидируются, «затвердевают», превращаются в специфическую систему, когда это обусловлено интересами реакционных или полуреакционных классов и групп, которым «противопоказано» адекватное отображение реальности в теории, и, напротив, выгодно искаженное отображение. «Познание человека не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов)»¹. Реакционные интересы, паразитирующие на общих противоречиях человеческого познания, обусловленных как неисчерпаемой сложностью и динамизмом объекта, так и относительной ограниченностью в каждый данный момент сознания (отставание сознания от бытия), определяют существование наряду с подлинно научной и псевдонаучной методологии.

Таким образом, определяющее значение для формирования методологии в политэкономии имеет идеология, понимаемая как отражение (в системе понятий, взглядов, идей) интересов определенных классов и социальных групп. Воздействие классовых интересов на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 322.

методологию политэкономии является и непосредственным, и косвенным.

Прямое воздействие означает, что сами методологические и теоретические экономические взгляды отражают буржуазную идеологию, поскольку они отражают классовые интересы в определяющей сфере человеческой деятельности. В то же время взаимосвязанность форм сознания предопределяет глубокое воздействие на методологию политэкономии общефилософских и иных представлений, в которых также отражены классовые интересы¹.

В политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось: «Буржуазная идеология — идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего. Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры»².

Большинство буржуазных экономистов, которые ранее категорически отрицали связь своей «науки» с идеологией и высокомерно пытались третировать идеологию как «антинаучный» атрибут марксизма, ныне вынуждены открыто признать, что вся экономика пронизана идеологией.

Этот поворот обусловлен резким обострением противоречий общего кризиса капитализма и новым этапом кризиса вульгарной буржуазной политэкономии, для которого характерны, с одной стороны, наступление неоконсерватизма с его открытым требованием возродить «ценности» капитализма, а с другой стороны, активизация институционально-социологического течения с его явно провозглашаемой идеологией реформизма.

Американский буржуазный экономист У. Самуэлс (автор статьи «Идеология в экономической теории», помещенной в солидном «хрестоматийном» сборнике «Современная экономическая мысль») отмечает, что уже длительное время ведется «дискуссия об идеологическом происхождении и содержании экономической теории». Эта дискуссия, пишет Самуэлс, охватывает проблему ценностей в экономической теории, отношение экономического анализа к экономической аргументации, отношение «методологического индивидуализма» к «методологическому коллективизму», отношение экономической теории к политической экономии, само определение экономики и экономической теории. «Среди связанных областей дискуссии — характер экономической науки как теории познания, теории чистой науки по отношению к реальным действиям ученых (иначе говоря, идеология в сопоставлении с реальностью самой науки); природа и процесс

¹ Поверхностный, фетишистский характер укоренившихся буржуазных представлений о хозяйственной практике есть первичная питательная среда не только для вульгарной политэкономии, но и для различных течений вульгарной философии.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87.

изменения в науке и его специфика в экономической теории, включая природу и генерацию теоретического развития и революции; конфликт между абсолютивистской и релятивистской интерпретацией развития экономической мысли, особенно экономической теории и различных концепций истины»¹. Буржуазное понимание идеологии исходит из противопоставления ее науке, истине (само это противопоставление имеет различные варианты).

Определения понятия «идеология» в буржуазной литературе, по признанию Самуэлса, «многообразны и калейдоскопичны». «Возможно наиболее узкой, хотя и не бесполезной, является трактовка, согласно которой идеология — это иллюзорное и ложное представление о перспективах или общей картине мира, которого придерживаются индивиды, отстаивающие определенные классовые или групповые интересы»². Согласно самому Самуэлсу, идеология — это «обобщенная и более или менее координированная и интегрированная совокупность идей, верований и понятий, которая представляет более или менее последовательный взгляд на природу и структуру социально-экономической системы»³.

Итак, с одной стороны, Самуэлс отождествляет идеологию с содержанием экономической теории, сводя это содержание к «идеям, верованиям, понятиям»; с другой стороны, он объявляет ее «отраслью философии», постулаты которой ненаучны, а потому недоказуемы. «...Идеология — отрасль философии. Она имеет дело с высшими, абсолютными и универсальными понятиями относительно характера и нормативного статуса явлений, пытаясь представить некое конечное единство или содержательный синтез их значимости. Следовательно, в отличие от науки идеология имеет дело с тем, что невозможно доказать»⁴.

Иными словами, самими буржуазными экономистами признается, что экономическая теория, которая призвана была служить «научным» обоснованием буржуазных идеологических «ценностей», сама основывается на «ненаучной» идеологии; вместо «непредвзятого» подхода к анализу и выработке рекомендаций в интересах «всего общества» она предписывает рецепты, отвечающие заранее заложенным в нее «идеологическим» установкам определенных заинтересованных групп.

Сказанное, разумеется, не означает, что вульгарную буржуазную экономическую теорию можно свести к идеологии, отождествить

---

¹ Samuels W. J. Ideology in Economics // «Modern Economic Thought». Ed. by Sidney Weintraub. Oxford, 1977. P. 467—468. Существует русский перевод данной книги: Современная экономическая мысль / Под ред. С. Вайнтрауба. М.: Прогресс, 1981. (В данной работе перевод цитат выполнен автором, поэтому ссылки даются на английский оригинал.)

² Samuels W. J. Op. cit. P. 470.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 471.

с нею. В действительности в этой теории тесно переплетаются элементы идеологической предвзятости с элементами практического реализма, элементы обскурантизма с элементами научно-описательными. Такой двойственностью пронизаны сами «кирпичи», исходные понятия, из которых конструируются теоретические концепции. В силу подобного рода противоречивой двойственности (вообще присущей буржуазному экономическому сознанию), вульгарная политэкономия может выполнять свою двойственную задачу — «оправдывать» капитализм и служить практическим пособием в хозяйственной политике. Обострение кризиса буржуазной экономической теории свидетельствует, что она вновь, — как это уже остро проявлялось в годы первой мировой войны и Великой Октябрьской революции, во время кризиса 1929—1933 гг., — не способна эффективно выполнять своих задач — ни в идеологическом, ни в практическом аспекте.

Тот факт, что буржуазные экономисты вынуждены признать определяющее воздействие идеологии на методологию и теорию политэкономии, что они открыто заявляют о ненаучном характере этого воздействия, — есть одно из наиболее важных проявлений современного кризиса вульгарной буржуазной политэкономии. По существу это признание ненаучности современной буржуазной экономической теории в целом. Ирония, однако, заключена в том, что и эта позиция пронизана «идеологией», а проще говоря, апологетикой, ибо Самуэлс и его коллеги пытаются противопоставить науке всякую идеологию и всякую экономическую теорию, а несостоятельность буржуазной теории растворить в «ненаучности» всей экономической теории.

В действительности же интересы прогрессивных классов, их идеология исторически не противоречили научности экономической теории; более того, именно эти интересы являлись главным двигателем научного познания в данной сфере. Сама идеология прогрессивного класса, когда она поднимается до уровня классового самосознания, в исторически обусловленной мере научна¹. Это не исключает, а предполагает наличие не только единства, но и внутренней противоречивости, динамизма в идеологии прогрессивного класса, ибо в рамках единства сложна и внутренне противоречива система его интересов и целей. Научность прогрессивной идеологии заключена прежде всего в ее направленности на адекватное исследование действительности, тогда как реакционная идеология ориентирует на ее заведомое искажение. Советский философ Н. Б. Биккенин справедливо отмечает: «Научное познание общественных явлений ведется всегда

---

¹ В. И. Ленин подчеркивал, что все сферы общественной деятельности являются объектом науки, ибо все они в конечном счете объективно детерминированы. «Разве это не обскурантизм... когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 199). Это означает, что развитие идеологии, включая этику, может сознательно направляться в соответствии с познанными законами ее формирования.

с определенных идеологических позиций... Поэтому вопрос сводится не к дилемме «идеология или наука», как это пытаются изобразить буржуазные философы и социологи, а к выяснению, соответствует ли данная идеология объективным потребностям исторического развития, способствует ли она прогрессу общественного познания...»¹

Сознательно отождествляя соотношение между реакционной идеологией и научной теорией с соотношениями идеологии и науки вообще, буржуазные экономисты сами загнали себя в порочный круг тавтологий. «Познание экономической реальности и познание оценочного процесса (возможно, он сам есть часть реальности) — два важнейших вида человеческой деятельности. Шизофреническое стремление одновременно и отделить реальность от оценок, и учесть их взаимопроникновение — это противоречие, с которым экономисты должны научиться жить»².

Буржуазные авторы вынуждены все чаще признавать, что «идеология» и «политика» препятствуют также разработке «на Западе» реалистических концепций социализма. Примером может служить статья известного американского советолога (бывшего директора Русского института при Колумбийском университете, а затем одного из ведущих сотрудников Гуверовского института войны, революции и мира) профессора А. Даллина, которая самокритично называется «Тенденциозность и слепота в американских исследованиях по СССР». У Даллина вызывают особое беспокойство систематические неудачи, которые терпят американские исследователи при попытке понять и объяснить советскую действительность — прошлое, настоящее и будущее³. Труды западноевропейских советологов грешат ошибками и заблуждениями ничуть не меньше, чем работы американцев, замечает автор. Он винит в этом США, которые «сбили с толку крупнейших специалистов зигзагами своей общественной политики и общественного мнения». Все это, однако, не уменьшает неудач американской советологии, где «наблюдается некая вредоносная дымка политической тенденциозности»⁴.

Даллин выделяет два основных фактора, которые исключают для американского советолога объективность научного анализа: «а) сдвиги общественного климата, особенно в сфере советско-американских отношений, искусно подсказывающие исследователю соответствующую оценку СССР, не только его настоящего, но и прошлого, и б) комплекс неизменной предубежденности в области идеологии, который приводит к тенденциозности в анализе советской политики и ее направлений»⁵.

¹ Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. М.: Политиздат, 1978. С. 46.

² Samuels W. J. Op. cit. P. 480.

³ Dallin A. Bias and Blunders in American Studies on the USSR//Slavic Review, Seattle, 1973. Vol. 32. N. 3. P. 562.

⁴ Dallin A. Op. cit. P. 575.

⁵ Ibid. P. 566.

«Тенденциозная» методология буржуазных «социализмове­дов» широко используется в «психологической войне», развязанной империализмом против социалистических государств. Эта «война» «не может квалифицироваться иначе, как особая форма агрессии, информационного империализма, попирающих суверенитет, историю, культуру народов. Это и прямая политико-психологическая подготовка к войне, не имеющая, естественно, ничего общего ни с действительным сопоставлением взглядов, ни со свободным обменом идей, о чем фари­сействуют на Западе»¹.

«Политическая тенденциозность» и «идеологическая предубе­жденность» — это решающие факторы, определяющие методологию не только буржуазного «социализмове­дения», но в конечном счете и всей буржуазной политической экономии.

2. КРИЗИС ВУЛЬГАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВОК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА

Для понимания методологии современной политэкономии необхо­димо учитывать, что это вульгарная буржуазная теория, которая вынуждена трактовать проявления общего кризиса капитализма (даже если этот кризис не признается открыто); но буржуазная теория кризиса бурж­зного строя не может сама не находиться в со­стоянии кризиса. Кризис вульгарной теории есть отражение и резуль­тат кризиса системы, которую она призвана защищать. Необратимый кризис теории неизбежно перерастает в кризис методологии.

Развитие подлинной науки идет через разрешение ее внутренних противоречий, что обусловлено, с одной стороны, проникновением науки на новые уровни реальности, открытием новых законов, а с дру­гой стороны, изменением самой реальности. Выработка новых пред­ставлений постоянно сталкивается с инерцией мышления, но это столкновение перерастает в кризис там, где устоявшиеся представле­ния обусловлены определенной идеологией.

Современный кризис методологии вульгарной буржуазной полит­экономии принципиально отличается от кризиса методологии класси­ческой буржуазной политэкономии первой трети XIX в. В теории Ри­кардо научные основы классической буржуазной политэкономии при­шли в открытое столкновение с ее идеологической основой — пред­ставлением о «вечности» капитализма; исчерпала себя и ее идеали­стически-метафизическая методология.

Прогресс классической буржуазной науки, который был вместе

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87—88.

с тем и развитием ее внутреннего противоречия, обусловил тот факт, что в период развернувшейся борьбы классов внутри буржуазного общества она оказалась непригодным и даже опасным оружием для капиталистов. Внутренний кризис данной науки (проявившийся в выявлении неразрешимых для нее противоречий между ее научным и ложными элементами) оказался противоречиво связанным с кризисом внешним, состоявшим в том, что эта наука утратила свою социальную функцию, функцию защиты интересов буржуазии.

Эволюция вульгарной буржуазной политэкономии имеет принципиально иной характер. Буржуазия не может отказаться от вульгарной политэкономии, как она в 30-х гг. XIX столетия отказалась от классической, ибо первая — это не что иное, как систематизированная, доктринерски истолкованная и апологетически оправданная совокупность экономических понятий самой буржуазии.

Суть кризиса вульгарной теории не в очередной смене концепций (хотя смена при этом ускоряется), не в обострении борьбы школ и направлений (хотя таковое происходит) и тем более не в наличии внутренних противоречий (которые постоянно обнаруживаются). Эта суть состоит в том, что общий кризис капитализма опрокидывает совокупность основных представлений самой буржуазии относительно «вечности» капитализма, порождает кризис самой буржуазной идеологии. Эта идеология из «позитивной», утверждающей незыблемость капитализма, превращается в «негативную», в идеологию антикоммунизма. Апология капитализма в условиях его общего кризиса все более превращается в оборотную сторону атак на реальный социализм.

Если кризис классической буржуазной теории и замена ее вульгарной был обусловлен превращением буржуазной идеологии из прогрессивной в реакционную, то кризис вульгарной теории на протяжении с 1917 г. по настоящее время обусловлен тем, что буржуазия теперь уже не только объективно, но и субъективно утратила «позитивную» основу своей идеологии.

В буржуазной литературе существуют два подхода к истолкованию факторов, определяющих эволюцию экономической методологии и теории, — «релятивистский» и «абсолютивистский». Первый, признавая зависимость науки от институтов, отрицает абсолютную истину; второй, допуская наличие этой истины, выводит ее за пределы «окружающей среды», т. е. реальной практики, а развитие науки рассматривает как развертывание ее внутренней логики¹. «Релятивист-

¹ «Релятивизм подчеркивает зависимость развития теории от окружающих институтов, политики, идеологии, изменения обстоятельств. Отсюда релятивистская теория рассматривает вопрос о содержании или критериях истины как более или менее специфический. Абсолютивизм же делает акцент на рассмотрении развития теории в категориях, отражающих существенно самостоятельную внутреннюю логику теории, построение и испытание моделей, специфику разработки данной отрасли знания. В абсолютивистском понимании содержание или критерий истины находится за пределами окружающей среды и конъюнктурных факторов и является неизменным научным заключением или оценкой» (Samuels W. J. Op. cit. P. 468).

ский» подход — это по существу подход неопозитивизма, субъективного идеализма; второй же связан с объективным идеализмом. Именно дискредитация постулатов буржуазной экономической теории вынуждает ее отступить на позиции открытого релятивизма, признания условности, относительности ее положений и выводов. В президентском обращении к королевскому экономическому обществу известный английский экономист Ф. Дин заявил: «Урок, который, как мне кажется, мы должны извлечь из истории экономической мысли, состоит в том, что экономисты должны противостоять давлению в пользу одностороннего или ограничительного рассмотрения проблем, не существует однородной экономической истины, которая бы давала ключ к продуктивному анализу всех экономических проблем, не существует чистой экономической теории, которая имела бы иммунитет против изменений в социальных ценностях или в текущих политических проблемах. Рамки и метод нашей науки постоянно нуждаются в определении по отношению к социальным проблемам, дающим ей цель... Во всяком случае, бесперспективен подход к трудным политическим и этическим проблемам, когда проводится различие между чистой экономической теорией и искусством политической экономии»¹.

Выше уже отмечалось принципиальное отличие вульгарной буржуазной политэкономии от научной. Общее направление эволюции методологии первой определяется эволюцией классовых интересов буржуазии в меняющихся исторических условиях. С 30-х и до 70-х гг. XIX века это общее направление состояло во все большей вульгаризации методологии классиков буржуазной политэкономии с целью обоснования тезиса о «гармоничности» капитализма; затем, с 1870 г., — в переходе к субъективному психологизму как основе концепции общего рыночного равновесия. С начала общего кризиса капитализма и борьбы двух систем происходит вынужденный поворот к систематизации, доктринерскому истолкованию и апологетическому оправданию внешних форм проявления противоречий этого кризиса и борьбы социализма с капитализмом. Таким образом, вульгарная политэкономия вовсе не является носителем объективной истины, и не движение к этой истине определяет ее эволюцию в целом.

Вместе с тем в описании и систематизации, в догматическом истолковании и в оправдании буржуазных представлений имеет место эволюция, сопровождающаяся более или менее глубокими сдвигами. Наиболее серьезные сдвиги в вульгарной методологии произошли в последней трети XIX — начале XX века, когда под воздействием борьбы рабочего класса и распространения марксизма произошел окончательный ее разрыв с наследием классической буржуазной политэкономии. В этот период буржуазные экономисты отказываются от методологии «школы эпигонов» (состоящей в вульгаризации, вы-

---

¹ The Economic Journal. Cambridge Univ. Press. March 1983. P. 11.

холащивании объективного содержания учения А. Смита и Д. Рикардо) и переходят на новую, «собственную» методологическую основу — на методологию психологического субъективизма и математического формализма (австрийская, лозаннская, лондонская, кембриджская школы). В этот же период получает новое развитие вульгарно-исторический и социологический метод (новая историческая школа в Германии, социальное направление во Франции, институционализм в США).

Следовательно, после 70-х гг. XIX века имел место кризис методологии вульгарной «школы эпигонов», но не вульгарной политэкономии в целом; последняя в этот период как раз сформировалась как полностью самостоятельная теория и методология, четко противопоставившая себя марксизму, классической буржуазной политэкономии. Кризис этой вульгарной теории начался позже как результат, как отражение общего кризиса капитализма.

Имеется как взаимосвязь, так и различие между эволюцией различных аспектов вульгарной методологии: между методами доктринерского истолкования и оправдания, с одной стороны, и описания и систематизации — с другой. Первая сторона определяется прежде всего условиями классовой борьбы вообще, и в сфере идеологии особенно; на вторую сторону существенное воздействие оказывают практические потребности экономической политики. Поскольку предметом вульгарной буржуазной политэкономии является внешняя форма хозяйственного механизма, то в описании, систематизации, исследовании различных его сторон прослеживается определенная логика развития. Эта логика состоит в попытках увязать микро- и макроэкономические процессы, аспекты ценностные и натуральные, качественные оценки с количественным анализом. Иначе говоря, общая «внутренняя» логика эволюции методологии и теории вульгарной буржуазной политэкономии существует лишь постольку, поскольку она занимается систематизацией, описанием внешней формы хозяйственного механизма; эта эволюция состоит в движении к охвату все большего числа качественно разнородных элементов, аспектов, процессов этого механизма при неспособности раскрыть его внутреннее единство и сущность¹. Отсюда растущий эклектизм методологии, ее противоречивость при неизменном сочетании эмпиризма и формалистической схоластики.

Под воздействием углубления общего кризиса капитализма, ук-

---

¹ В специальной работе «Общественные науки после второй мировой войны» Д. Белл смог указать на отдельные, хотя и важные, достижения в прикладных областях общественных наук, но не в самой теории: «В течение четверти века после второй мировой войны имел место поразительный прогресс в методологии и технических приемах общественных наук. Это относится к теории игр, теории принятия решений, теории полезности, которые все являются способами ранжирования проблем и, что еще важнее, способами оценки выбора. В области экономической теории имел место прогресс в анализе соотношения затрат и результатов и в линейном программировании. В социологии имело место развитие множественной регрессии, которая вооружает

репления мировой системы социализма и практики реального социализма в СССР методология буржуазной экономической теории в целом, и теории социализма в частности, претерпевает кризисную эволюцию¹.

На первом этапе кризиса вульгарной буржуазной политэкономии (охватившего период от Октябрьской революции до середины 30-х гг.), когда потерпели крушение методологические устои господствовавшего «неоклассического» направления (внеисторический субъективный психологизм, представление об автоматическом рыночном равновесии), велись усиленные поиски новой методологии, появилось неолиберальное направление буржуазной политической экономии, которое пыталось объединить антиисторический подход «неоклассического» направления с псевдоисторическим подходом «новой исторической школы». Методология неолибералов, исходящая из тезиса выбора между двумя идеальными типами хозяйства, из возможности конструирования политическими методами многих «реальных» систем хозяйства, была явной реакцией (в рамках идеализма) на возникновение социалистической системы и резкое усиление государственно-монополистических тенденций в рамках капитализма.

Дальнейшее развитие кризиса буржуазной политэкономии на втором его этапе (с конца 30-х до середины 60-х гг.) и появление кейнсианства привели к «восстановлению» позиций субъективно-психологической методологии в новых ее формах («ожидания», «склонности», «предпочтения»), которые претендовали на истолкование и оправдание структурных и динамических характеристик воспроизводства (макрэкономии) и государственно-монополистического регулирования². Связанная с этим потребность в описании и система-

---

исследователя методом выделения различных исходных факторов, которые могут включаться в результат или влиять на него, и размеров отклонений, которые относятся на счет каждого фактора, а также развитие сетевого анализа, который показывает, каким образом «цепи возможностей» или «цепи вакансий» влияют на всю сеть или цепь остальных людей и др.» (Bell D. The Social Sciences since the Second World War. N. Y. 1982. P. 51, 52).

¹ В буржуазной литературе эволюция методологии экономической теории трактуется в плане борьбы между «методологическим индивидуализмом» и «методологическим коллективизмом». Под «методологическим индивидуализмом» понимается взгляд, согласно которому наиболее правильным и эффективным методом познания в науке об обществе является изучение индивидов; согласно же подходу «методологического коллективизма» наиболее правильный и эффективный метод — изучение групповых явлений и процессов» (Самуэльсон П. Экономика. М.: Прогресс, 1964. С. 674). Однако такое разграничение является формальным, так как не указывается, что понимается под «групповыми явлениями». У П. Самуэльсона оба рассматриваются как формы психологического истолкования хозяйственных процессов.

² Б. Селигмен обоснованно отвергает претензии кейнсианства на «чисто научный», «непредвзятый» подход к экономическим явлениям. «Трудно безоговорочно согласиться с замечанием Кейнса о том, что теория является методом, а не доктриной, ибо невозможно отрицать, что большинство «методов», как их понимает Кейнс, содержат нормативные положения, а следовательно, и доктринерские черты» (Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. С. 533).

тизации процессов воспроизводства привела к усиленной разработке формально-логического инструментария — математических методов, приемов структурного и функционального анализа, анализа динамических процессов роста, факторного анализа.

Новое резкое обострение классовых противоречий капитализма с середины 60-х гг., последующий кризис государственно-монополистического регулирования на общем фоне успехов социализма в соревновании двух систем привели к дискредитации кейнсианской методологии. Тем самым было положено начало третьему этапу кризиса вульгарной буржуазной политэкономии. В это время выдвинулись два антикейнсианских — и при этом враждебных друг другу — направления: институционально-социологическое и монетаристское (модернизированная форма «неоклассического» направления). Первому в концентрированном виде присущи вульгарный социологизм, вульгарный историзм, технологический детерминизм. В той или иной мере на данном этапе эти методологические приемы начали пропитывать посткейнсианскую и «радикальную» политэкономию.

Тем не менее монетаристское направление (которое в более широком плане является составной частью нового реакционного социально-политического течения — неоконсерватизма) несет в себе отрицание историзма и стремление «восстановить в правах» субъективный идеализм как главную методологическую основу экономической теории.

Эволюция методологии буржуазной политэкономии, ее факторы и направления явились объектом ряда марксистских исследований. Известный итальянский экономист-марксист А. Пезенти, отметив, что «обсуждение методологических предпосылок выдвигается на первый план в моменты глубоких социальных потрясений», далее пишет: «...Современная экономическая мысль западного мира в настоящее время, в большей или меньшей степени, находится под воздействием трех различных типов методологического подхода, даже когда принадлежность к конкретным школам формально и не признается. В общем виде их можно определить следующим образом: подход с позиций субъективного идеализма, с позиций идеалистического рационализма и с позиций неопозитивистского эмпиризма и скептицизма»¹.

Пезенти полагает, что первая позиция присуща «неоклассическому» направлению (к представителям которого им отнесены У. С. Джевонс, К. Менгер, В. Парето, Л. Роббинс и др.); вторая — классикам буржуазной политэкономии (Смит и Рикардо), а также вульгарной «школе эпигонов»; третья — кейнсианству (например, П. Самуэльсон, Липсей)².

Пезенти обоснованно связывает переход буржуазной политэконо-

¹ Пезенти А. Очерки политической экономики капитализма. М.: Прогресс, 1976. Ч. I. С. 68.

² Там же. С. 69—70, 80—82, 77—79.

мии в методологическом отношении от идеалистического рационализма к субъективному идеализму и к неопозитивизму с социальными потрясениями 70-х гг. XIX века и с началом общего кризиса капитализма. Вместе с тем анализ Пезенти, видимо, нуждается в уточнениях, поскольку он отмечает, что «и у классиков в качестве основы взят субъективный идеализм», субъективизм присущ и неопозитивизму¹.

В основе методологии классиков буржуазной политэкономии лежало понятие «естественного» экономического закона. «Естественное» понималось как соответствующее «вечной» природе человека, а сама эта «природа» истолковывалась с позиций объективного идеализма. Эта методология позволила им близко подойти к открытию объективных законов капитализма; однако она же способствовала тому, что их анализ зашел в тупик противоречия между содержанием и формой экономических явлений, между общими характеристиками воспроизводства и специфическими его законами, присущими различным историческим способам производства.

Марксизм учитывает действие всеобщих экономических законов, которые фиксируют общие черты всякого воспроизводства, но подчеркивает при этом недостаточность этих законов для объяснения исторически определенных способов производства. «*Производство вообще*, — писал К. Маркс, — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений». И далее: «...Каким бы ни было распределение на различных ступенях общественного развития, о нем, так же как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих законах*»².

Объективный идеализм открывает весьма широкое поле для толкования «природы человека», а вместе с тем и для трактовки «естественных экономических законов». В конечном итоге они сводятся к отвлеченным религиозным доктринам «добра», «зла», «греха», «искупления» и т. п., претендующим на «объяснение» заложенных в человеке противоречивых начал.

Утилитаризм был явным отходом от объективного идеализма в сторону вульгарного материализма, ибо сужал мотивацию человеческих действий до единственного критерия — материальной пользы. «Представляющееся совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности — эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению»³.

¹ Пезенти А. Очерки политической экономии капитализма. С. 81, 77—78.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 711, 713.

³ Там же. Т. 3. С. 409.

Концепция утилитаризма, будучи абстрактно-метафизической, абсолютизировала поверхностную эмпирическую черту реального капитализма, психологию агентов рынка, что было характерно для рыночно-прагматического подхода «школы эпигонов», а не для представителей «идеологического рационализма». Именно с этих позиций Ж. Б. Сэй «обвинял» Д. Рикардо в «абстрактном» отрыве от очевидного. Это весьма важное обстоятельство, ибо методологический водораздел между научной и вульгарной буржуазной политэкономией выявился уже в 30-х, а не в 70-х гг. XIX столетия.

Принцип гедонизма — максимизация «наслаждения», который лег в основу теории субъективной полезности, превращает экономические «естественные» законы, уже выхолощенные утилитаризмом, в законы внутренних психологических переживаний индивида.

Само по себе психологическое толкование экономических процессов еще не равнозначно субъективному идеализму. Вопрос заключается в том, с каких позиций объясняется психология человека. Если субъективные оценки полезности (как субстанции «ценности») данного блага у всех индивидов признавались бы одинаковыми, такая концепция могла бы рассматриваться как объективно-идеалистическая либо вульгарно-материалистическая. Субъективный идеализм в экономической теории начинается там, где каждому индивиду приписывается особая индивидуальная шкала психологических оценок полезности¹. Такой подход, являющийся уже полнейшим отказом даже от формального признания «естественного закона», есть полная подмена экономических отношений субъективной психологией. При этом если допускается, что каждый индивид способен «соизмерять» полезность разных благ для себя, то данная («кардиналистская») разновидность экономического субъективизма может быть охарактеризована как «рационалистическая». Шагом к иррационализму является «ординалистская» концепция, допускающая способность индивида лишь ранжировать блага по степени их полезности (без количественного измерения). Очевидно, что, если сделать еще шаг и допустить, что отдельный индивид самостоятельно не способен оценить, какое из двух благ для него «полезнее», или если он часто меняет свои оценки относительной полезности благ под влиянием внешних факторов (моды, рекламы и др.), всякая видимость теории, построенной на принципе субъективной полезности, исчезает.

Субъективистская теория не ставит (и не может ставить) вопрос, чем определяются индивидуальные оценки полезности благ, так как

---

¹ В общефилософской постановке субъективный идеализм означает лишь, что материя определяется как нечто зависимое от человеческого сознания; и лишь крайняя разновидность субъективизма — солипсизм — рассматривает весь мир как «творение» индивидуального сознания. Однако именно на позициях солипсизма и стоят те буржуазные экономисты, которые утверждают, будто каждый индивид сам создает свой особый мир, иерархию психологических оценок всей совокупности благ и всех видов затрат.

иначе бы ей пришлось прежде всего заняться проблемой факторов, определяющих формирование исторически определенной системы общественных потребностей (т. е. в конечном счете системой производственных отношений во взаимосвязи с производительными силами).

В. И. Ленин показал прямую связь эмпириокритицизма (непосредственного предшественника неопозитивизма) с субъективным направлением буржуазной политэкономии. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» приводятся высказывания Ф. Блея, ученика Р. Авенариуса, направленные против экономического учения К. Маркса. В частности, В. И. Ленин цитирует сентенции Блея, показывающие, что данная форма субъективного идеализма в сфере политэкономии смыкается с теорией субъективной полезности, и именно с этих позиций Блей воюет с марксизмом. Блей пишет: «Всеми своими современными теориями политическая экономия стоит на метафизической почве, все ее теории небогологичны и поэтому ненаучны... Одна школа экономистов анализирует «явления» «хозяйства»... не ставя в связь того, что она находит... на этом пути, с поведением индивидов... У Маркса теория констатировала из конструированных процессов «хозяйственные законы»... «Хозяйство» превратилось у экономистов в трансцендентную категорию, в которой они открывали такие «законы», которые хотели открыть: «законы» «капитала» и «труда», «рен-ты», «заработной платы», «прибыли». Человек превратился у экономистов в платоническое понятие «капиталиста», «рабочего» и т. д.»¹.

Как отмечает В. И. Ленин, Блей нападает на марксизм, в частности, за «объявление марксизмом «личности» за величину, не имеющую значения... признание человека «случайностью», подчинение его каким-то «имманентным экономическим законам», отсутствие анализа des Gefundenen — того, что мы находим, что нам дано, и т. д. ...Блей совершенно прав, что нельзя найти у Маркса и Энгельса и тени намека на допущение подобного идеалистического вздора и что с точки зрения этого вздора неизбежно приходится отвергнуть марксизм *целиком*...»².

Идеологически детерминированный характер субъективистской теории предельной полезности ныне вынуждены признать и буржуазные теоретики. Самуэлс пишет: «Классическим примером споров является теория предельной полезности. Шумпетер считал ее нейтральной, лишенной политического подтекста... Робинсон, однако, полагает, что теория предельной полезности была использована как идеология, посредством которой устранялись все прочие идеологии; эта теория претендовала на устранение этических проблем, но сама она содержала в себе идеологию *laissez faire*. Минк полагал, что эта теория содержит элементы истины, в анализе Хикса нет явной защиты капитализма и что из предельной полезности и анализа кривых без-

¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 334—335.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 337.

различия нельзя логически вывести политические или этические заключения. И все же он признавал, что эта теория играет политическую роль: она способствует уклонению от рассмотрения социально-экономических отношений между людьми. Она идеологически нейтральна только в самом отвлеченном смысле, а фактически служит важным средством защиты капитализма»¹.

В общем неопозитивистская ветвь современного субъективного идеализма своим подходом к анализу явлений непосредственно родственна методологии «неоклассического» и кейнсианского направлений буржуазной политэкономии. Что же касается другой ветви субъективизма — экзистенциализма («философии жизни»), то она своим мистицизмом, противопоставлением материального и духовного начала близка методологии «неосоциального» направления в буржуазной экономической теории с его противопоставлением технического и экономического, с одной стороны, социального и культурного — с другой. Впрочем, данное направление, как и его предшественники, непосредственно также опирается на методологию позитивизма².

Характерная особенность эволюции буржуазной политэкономии в условиях кризиса — стремление весьма часто провозглашать «революции» в экономическом мышлении. В конце 30-х гг. была провозглашена кейнсианская «революция», в 60-х гг. «революцию» в методологии и теории объявили теоретики институционально-социологического направления, а конец 70-х — начало 80-х гг. именуются периодом «неоконсервативной революции». И каждая такая «революция» объявляла прежде всего «ниспровергнутым» марксизм. Не составляет исключения и последняя, «неоконсервативная революция», глашатаями которой выступают не только профессиональные экономисты, но и члены администрации Рейгана.

В основе методологии неоконсерватизма лежит слегка обновленная субъективистская методология «неоклассиков» с ее конструированием «вечной» природы человека по капиталистическому образцу.

Выступая против методологии монетаризма и других концепций, лежащих в основе «рейганомики», американский экономист Р. Маршалл пишет, что институционалисты «придают особое значение теориям, основывающимся на изучении реального мира с целью открыть органические связи между системами, а не дидактические механические взаимосвязи, которые исследуются во многих теориях неоклассической экономической теории»³. Аналогичную критику разви-

¹ Samuels W. J. Ideology in Economics // Modern Economic Thought. P. 478—479.

² Одним из предшественников институционально-социологического (неосоциального) направления была социальная школа рубежа XIX и XX вв. Подвергая критике взгляды одного из русских представителей этой школы П. Струве, В. И. Ленин подчеркивал, что его философские позиции — это последовательный эмпиризм, агностицизм (кантианство, позитивизм, махизм и т. п.) (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 35, 38).

³ Marshall R. Comments on the Institutional View of Reagonomics. J. E. Y. Vol. XVII. N 2. June 1983. P. 503.

вает Р. Хейлбронер: «Несерьезно думать, что социальное развитие позволяет вернуться к более «простым» путям прошлого. История — это кумулятивный процесс, который не позволяет таких отступлений»¹.

Таким образом, даже среди буржуазных экономистов существует понимание того, что «неоконсервативная революция» в теории и методологии по существу реакционна.

Методологические принципы вульгарной буржуазной политэкономии получают специфическое преломление в их концепциях экономики социализма.

Методология «неоклассического» направления в буржуазной политэкономии, состоящая в схоластическом превращении в отвлеченные психологические абстракции поверхностных явлений хозяйственной жизни — индивидуального потребления, труда, накопления, хозяйственного риска и т. п., породила два подхода к критике социалистического хозяйства. Один состоял в прямом утверждении принципиальной теоретической (а следовательно, и практической) невозможности рационального хозяйствования в условиях, когда отсутствует рыночной конкуренции «закрывает» путь к проявлению и сопоставлению субъективно-психологических стимулов и оценок (К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Л. Мизес и др.). Другой подход (Л. Вальрас, В. Парето, Э. Бароне) теоретически допускал «безрыночное», плановое ведение хозяйства, но при условии, что план будет учитывать и отражать миллионы индивидуальных «предпочтений»; по существу это позиция субъективно-психологического истолкования плана. Этот подход был косвенным «доказательством» практической невозможности планового хозяйствования, ибо заведомо нереальна установка на плановое предвидение многих миллионов меняющихся индивидуальных предпочтений.

Эти подходы отражают тот факт, что буржуазное сознание несовместимо с идеей исторической неизбежности смены капитализма, подлинным, научным социализмом. «Капитализм встретил рождение социализма как «ошибку» истории, которая должна быть «исправлена». Исправлена во что бы то ни стало, любым способом, без оглядки на право и мораль: вооруженной интервенцией, экономической блокадой, подрывной деятельностью, санкциями и «наказаниями», отказом от какого бы то ни было сотрудничества. Но ничто не смогло помешать утверждению нового строя, его исторического права на жизнь»².

С позиций субъективно-психологической методологии реальное социалистическое хозяйство истолковывалось как политизированная, командная система, «навязанная» населению по идеологическим и политическим мотивам и находящаяся в конфликте с субъективной

¹ Hielbroner R. Does capitalism have a future?//N. Y. Times Magazine, 1982. Aug. 15. P. 54.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 10—11.

хозяйственной психологией. В этой системе якобы нет экономических мотивов и критериев, хозяйство развивается на основе «принуждения», «мобилизации», следуя «командам», издаваемым на основе политических установок. Движущим фактором здесь является идеологизация населения посредством пропаганды. «Рационализирующим» фактором в такой системе может служить лишь подражание существующей параллельно рыночной системе в выборе технических вариантов, в отраслевой структуре хозяйства¹. В дальнейшем некоторые «неоклассики» вынуждены были отказаться от последовательной, но безнадежной позиции отрицания экономических мотивов и критериев в условиях социализма и допустить ограниченное действие в его рамках «законов» субъективной полезности и предельной производительности (на базе рынка потребительских товаров и якобы существующего здесь «рынка труда») ².

Указанная позиция по существу исходит из того, что в различных звеньях социалистического хозяйства действуют качественно различные и несовместимые принципы. Такой подход не в состоянии объяснить, как производство и реализация потребительских товаров, использование трудовых ресурсов и распределение доходов включаются в единый народнохозяйственный план, если они «определяются» субъективно-психологическими законами, а план является «инструментом идеологии и политики». Противоречия своей теории «неоклассики» пытаются выдать за противоречия самого социалистического хозяйства.

Хотя сам народнохозяйственный план в целом «неоклассиками» рассматривается как воплощение идеологии и политики, отношения внутри планового механизма (между центральными плановыми органами, министерствами, директорами предприятий) истолковываются опять-таки с субъективно-психологических позиций как «антагонистические» отношения максимизации личной выгоды. Идеология и политика оказываются привнесенными в плановую систему извне, в результате «контроля партии».

Идеалистический подход «неоклассиков» к рассмотрению экономики находит выражение в выдвигании концепции «теневой экономики». К последней относят всю совокупность незаконных акций (включая спекуляцию, взятки, хищения, протекции, приписки к плану, сокрытие резервов и т. п.), использование в целях наживы личного подсобного хозяйства, а также личных платных услуг³.

Итак, согласно современным вариантам «неоклассической» методологии не только отдельные звенья экономической системы социа-

¹ Freedman M. Free to choose. N. Y., L., 1980; Nove A. The Soviet Economic System. L., 1977; Nove A. Political Economy and Soviet Socialism. L., 1979.

² Bergson A. Planning and Productivity under Soviet Socialism. N. Y., 1968; Bergson A. Soviet Economic Slowdown//Problems of Communism. 1981. May-June.

³ Grossman J. La seconde économie et la planification économique soviétique//Revue d'études comparative Est-Ouest. P., 1981. Vol. 12. N. 2.

лизма, но и вся эта система оказывается пронизанной действием факторов субъективно-психологического порядка; это действие получает выражение в использовании таких инструментов, как деньги, заработная плата, прибыль, процент, плата за фонды и др., которые якобы также «заимствованы» у рыночной системы.

Изложенное показывает, что «неоклассическая» методология по существу означает априорный подход к социализму с тем же набором вульгарных понятий, что и к капитализму: разница состоит в том, что экономическая система социализма рассматривается как конгломерат не только экономических, но и внеэкономических характеристик, заимствованных из вульгарных представлений о базисе и надстройке капитализма.

Существенное отличие неолиберальной методологии от «неоклассической» в ее трактовках социализма состоит в том, что первая с самого начала исходит из того, что существует не один, а два вечных «идеальных типа» хозяйства — «управляемое децентрализованно» и «центрально управляемое». Эта методология, таким образом, претендует на учет противоречивых начал в экономической действительности, на извечную «дихотомию» экономических систем¹. Однако эта «уступка» диалектике является чисто формальной; по существу же это метафизическая пародия на диалектику.

Во-первых, «идеальные» типы в этой теории — лишь некие «вечные» категории разума, мышления, некие «логические императивы», приемы формально-логического мышления, искусственно примененные к классификации форм диалектически развивающейся экономической реальности².

Деление хозяйства на «центрально управляемое» и «децентрализованное» есть метафизическая абсолютизация и идеалистическая формализация одной из реальных сторон хозяйственного механизма качественно разнородных исторических способов производства, а именно организационной формы координации деятельности хозяйственных единиц.

---

¹ Raupach H. Wirtschaft und Gesellschaft Sowjetrusslands. 1917—1977. Wiesbaden, 1979; Haffner F. Systemkonträre Beziehungen in der sowjetischen Planwirtschaft: Ein Beitrag zur Theorie der mixed Economy. Berlin (W), 1978.

² Понятие «идеального типа» заимствовано основателем неолиберализма В. Ойкеном у близкого к неокантианству М. Вебера, у которого оно служило гносеологическим инструментом «целевой рациональности». Последняя понималась как характеристика поведения, которое «ориентируется исключительно ради достижения (субъективно) однозначно понимаемых целей на (субъективно) считаемые адекватными средства». Вебер, позитивистски истолковывая метод экономической науки, тем не менее в конечном счете широко распахивает дверь для любых идеалистических истолкований выбора целей, которым должен быть подчинен этот метод. Для человека, который «взвешивает и выбирает между данными ценностями, руководствуясь своей совестью и личностным мировоззрением, суждение о действительности таких ценностей является делом веры, кроме того, может быть задачей спекулятивного изучения интерпретации жизни и мира, но не предметом науки...» (Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922. S. 404, 150).

Во-вторых, методология «идеальных типов» не только не учитывает историзм развития, но и прямо отрицает его, метафизически провозглашая «вечность» двух указанных идеальных форм, их постоянное сосуществование в мышлении как принципов типологизации реальных систем.

Если «идеальных» систем согласно методологии неолиберализма только две, то конкретных «реальных» систем — много. Однако все они разделяются на два «реальных типа» в зависимости от определяющего принципа их формирования.

Всякое конкретное хозяйство «строится» из одного и того же набора элементов — денег, процента, заработной платы, прибыли, разделения труда, плана и т. п. (число этих элементов у разных представителей неолиберализма широко колеблется от дюжины до ста и более), но эти элементы каждый раз комбинируются по-новому в зависимости от определяющего принципа (централизации либо децентрализации) и исторических обстоятельств.

Однако главное отличие «идеального» типа от «реального» как теоретического понятия — не в том, что последний допускает плюрализм конкретных форм, а в том, что «реальный тип» допускает сосуществование в одной и той же системе двух противоположных принципов — централизации и децентрализации (при господствующей роли одного из них). В частности, в условиях центрально управляемого хозяйства как «реального типа» допускается децентрализация «потребительского выбора», выбора профессии и места работы и др.; в системе «децентрализованного рынка» допускается централизация отдельных хозяйственных функций (государственный бюджет, банковская система) и отдельных отраслей (связь, транспорт и др.).

Таким образом, методология неолиберального направления несет в себе внутреннее противоречие. То, что категорически отрицается в отношении «идеальных типов» — совместимость централизма и децентрализма, допускается в отношении «реальных типов». И не только допускается, но и прямо признается, что «чистый» тип хозяйства никогда не существовал и существовать не может. Однако если та или иная степень децентрализации нужна для самого существования всякого центрально управляемого хозяйства и наоборот, то создание мысленной конструкции «чистого» централизованного либо децентрализованного хозяйства является ложной абстракцией, ибо определение «идеального» хозяйства должно быть дуалистичным.

Почему «идеально-типическая» система оказывается централизованной либо децентрализованной, а «реально-типическая» — централизованно-децентрализованной и децентрализованно-централизованной, этого методологического постулата не объяснил еще ни один неолиберал. Но «секрет», бесспорно, в том, что «идеальный тип» — это продукт идеалистической схоластики, а «реальный тип» — механистическая попытка примирить этот «продукт» с эмпирически, повседневно воспринимаемыми фактами.

Очевидно, стремление хотя бы частично сгладить указанное противоречие явилось одной из причин, побудивших неолИБерала Бэттхера выдвинуть второй принцип типологизации реальных экономических систем — деление экономического роста на экстенсивную и интенсивную фазы. Интенсивный рост характеризуется, в частности, нехваткой рабочей силы, усилением роли ее стимулирования и т. п., а в связи с этим — расширением свободы выбора потребительских благ и усилением действия других факторов, ведущих к децентрализации управления. Итак, «идеальный тип» абстрагируется от «фазы роста», а «реальный тип» ее учитывает. Однако такой методологический подход лишь подчеркивает нежизненность конструкции «идеального типа».

Подобно тому как противопоставление неолИБерализмом двух «идеальных типов» хозяйства есть искаженное теоретическое истолкование существования двух противоположных систем — социализма и капитализма, так и противопоставление «идеального» и «реального» типов есть ложная интерпретация того закономерного факта, что каждая из указанных социально-экономических систем представлена в разных странах и на разных этапах в отличающихся конкретно-исторических формах. Однако тип социально-экономической системы и ее конкретная форма соотносятся друг с другом не как «идеальное» и «реальное», а как два вида реальности: один как реальность сущности, основного содержания, другой как реальность самого развивающегося явления.

В итоге неолИБералы пришли к дуалистической методологии в характеристике социалистической экономики, как и «неоклассики». В то же время между ними имеется по меньшей мере три принципиальных различия, что делает неолИБерализм хотя и близким к «неоклассическому», но все же особым течением в вульгарной буржуазной политэкономии.

Во-первых, социализм неолИБералами рассматривается по существу и как «идеальный» (теоретический); и как «реальный» тип. Неоклассики же рассматривают социализм только «де факто», полагая, что «командная система» экономически иррациональна.

Во-вторых, различие заключается в том, что неолИБеральное направление основной экономической формой признало «план»; оно фактически рассматривает социализм как «централизованно планируемую» систему, а капитализм — как «децентрализованно планируемую». При всей алогичности последнего понятия данная терминология является завуалированной формой признания неизбежности перехода к плановым, сознательным формам хозяйствования. «Неоклассическое» направление органически не приемлет самого понятия «планирование» как якобы чуждого психологии индивида.

В-третьих, в отличие от «неоклассиков» неолИБералы считают, что не только «центрально управляемая», но и «децентрализованная» капиталистическая система не возникает «стихийно», а формируется со-

знательными действиями при ведущей роли в этом процессе государства. Основу такой методологии в анализе экономических систем составляет идеалистическая концепция «исторической» школы о «национальном», «социальном», «общественном» хозяйстве как воплощении «национального духа». С этой точки зрения та или иная экономическая система оказывается лишь инструментом в руках государства и в конечном счете «национального духа» и сама формируется этим «духом».

Все эти различия указывают на то, что уже распространение неолиберализма в 30-х гг. XX века свидетельствовало о глубоком кризисе «неоклассической» методологии. Методология неолиберализма, рассматривавшая «реальные» системы как продукт (в той или иной мере) сознательного «выбора» и «конструирования», как соединения противоречивых начал (централизации и децентрализации), подрывала «неоклассический» принцип саморегулирования рынка и тем самым способствовала в некотором смысле распространению кейнсианства и кейнсианских трактовок социализма. Основу кейнсианского подхода составляет тезис о необходимости спасения рыночной системы (т. е. капитализма) методами государственного кредитного и бюджетного регулирования (т. е. методами, не нарушающими суверенитет частного предпринимательства, за исключением банков).

Таким образом, «неоклассическое», неолиберальное и кейнсианское направления исходят из концепции «конкурентного рынка» как «наиболее эффективной» и «соответствующей природе человека» экономической системы с той существенной разницей, что первые верят в «автоматизм» рынка не только как экономического регулятора производства, но и как «спонтанно» самовоспроизводящейся системы отношений; вторые верят в «автоматизм» регулирования, но не верят в «спонтанность» самой рыночной структуры; наконец, третьи отказались от веры в «автоматизм» рынка как регулятора и полагают, что отсутствие такого автоматизма препятствует стихийному воссозданию самих рыночных структур.

Кейнсианство (включая и неокейнсианство) не выдвинуло какой-либо принципиально новой теоретической интерпретации экономической системы реального социализма, отличной от неоклассической концепции «командной» экономики. Однако оно внесло в эту концепцию значительные поправки, имевшие существенные последствия для эволюции тех позиций, с которых велась буржуазная критика реального социализма. Кейнсианцы развили методологический принцип, согласно которому механизм функционирования экономической системы есть нечто обособленное от формы собственности на средства производства и от целей, которым подчинено производство¹. Этот принцип, содержащийся в зародышевой форме уже у отдельных

¹ Кейне Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. С. 453.

«неоклассиков», был впервые развернуто представлен у В. Парето и Э. Бароне; однако «неоклассическая» теория в целом рассматривала эти три аспекта как взаимосвязанные. У кейнсианцев отрыв проблемы функционирования от формы собственности и целей производства преследовал двустороннюю задачу. С одной стороны, выдвигалась задача доказать, что такой изъян капитализма, как массовая безработица, обусловлен недостатками функционального механизма, а не формой собственности, и что цели производства могут быть произвольно изменены также независимо от этой формы. С другой стороны, кейнсианская методология призвана была подвести к выводу, что общественная собственность на средства производства в условиях реального социализма, а также возможность подчинения производства целям социального равенства и благосостояния не содержат в себе каких-либо принципов, определяющих функциональный механизм хозяйствования¹.

Венгерский ученый А. Геде справедливо, на наш взгляд, характеризует методологические позиции кейнсианства как сочетание позитивизма с откровенным идеализмом. «Скрытый позитивизм концепции Кейнса связан с обоими моментами экономической идеологии «социальной технологии»: с одной стороны, он допускает познание частичных взаимозависимостей, которые отчасти могут быть выражены и математически, с другой — гарантирует ограниченность теоретического контекста и его апологетичность, запрет на познание основных законов общественно-экономического движения»².

Кейнсианство исходит из того, что форма собственности и цели производства являются объектом «этического выбора», который не может служить объектом науки³. Функциональный же механизм хозяйства может быть сконструирован сугубо рационалистически, «научно», основываясь на изучении психологии поведения — индивидуальной или коллективной.

Кейнсианская методология предполагает, что и в условиях частной собственности, и в условиях общественной собственности существует лишь один рациональный функциональный механизм — механизм спроса и предложения, регулируемый государством. Этот механизм может иметь либо форму открытой рыночной конкуренции, либо форму «децентрализованного планирования», дополняемого рынком, которое методом итерации (последовательных приближений) решает проблемы ценообразования и распределения ресурсов в конечном счете так же, как конкурентный рынок. Роль государства сводится в основном к воздействию на долю накоплений в конечном продукте и к перераспределению доходов. Кейнсианство, таким образом, в отличие от «неоклассического» направления передвинуло основную установку

---

¹ Kaser M. Soviet Economics. L., 1970.

² Геде А. Философия кризиса. С. 121.

³ Самуэльсон П. Экономика. С. 674.

буржуазной «критики» реального социализма с проблем собственности на средства производства и целей производства (т. е. с проблем этического «выбора системы») на проблемы эффективности, рациональности хозяйственного механизма. Основным объектом кейнсианских нападок является централизованное директивное планирование как якобы «нерациональное» и не отвечающее тем задачам, которые ставит сам социализм.

Кейнсианская «критика» реального социализма тесно переплетается с концепциями «рыночного социализма» и служит для них одной из методологических основ.

Если «неоклассическая» и кейнсианская методологии акцентируют внимание на внешних формах функционирования рынка (микроанализ) и всего воспроизводства (макроанализ), то институционально-социологическое направление подходит к хозяйственному механизму в аспекте его социально-организационной структуры, факторов и направлений эволюции этой структуры. Это направление не выводит отношения собственности и цели за рамки экономической системы, напротив, оно претендует на анализ взаимодействия разнородных (технических, экономических, социальных, политических) факторов в рамках хозяйственного механизма¹. В то же время общей чертой его методологии служит исходный тезис об универсальной и глобальной конфликтности всякой общественной системы; наличие глобального конфликта усматривается между техническим прогрессом и социальными потребностями (Д. Гэлбрейт), между экономической рациональностью и социальной справедливостью (Хейлбронер), между материальным развитием, с одной стороны, культурой и политикой — с другой (Белл), между человеком и окружающей средой (Форестер). Конечным источником этих антагонизмов объявляется имманентная человеческой природе противоречивость.

Тем самым это направление, выступающее против «традиционной» (т. е. «неоклассической» и кейнсианской) теории, в то же время продолжает ее традицию — трактовать противоречия экономической системы как проявление внутренних противоречий человеческой психологии.

Наиболее общим в подходе данного направления к экономической системе социализма (как и к системе капитализма) является принцип технологического детерминизма. Придерживаясь этого вульгарно-материалистического принципа, строение и функции хозяйственной системы определяются непосредственно состоянием техники и обусловленной ею организацией хозяйства; собственность на средства производства при этом является якобы второстепенным фактором.

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973; Heilbroner R. Between Capitalism and Socialism: Essays in Political Economy. L., 1978; Campbell R. The Soviet-Type Economics. Performance and Evolution. Boston, 1974; Wiles P. Economic Institutions Compared. Basil Blackwell, 1977.

Согласно этой теории роль технологии не всегда была определяющей; она стала таковой лишь в условиях современного «индустриального общества», когда всюду — в производстве товаров, услуг, в быту — стала господствовать машинная техника. Так методология технологического детерминизма дополняется вульгарным историзмом, эволюционизмом. До эпохи «индустриального общества» экономическая система была объектом «идеологического выбора» (т. е. могла определяться на основе тех «этических» принципов, о которых пишут неолибералы); в современную же эпоху такие понятия, как «капитализм», «социализм», применимы лишь в сфере идеологии и политики. В экономике же повсеместно утвердилась «каста специалистов», орудием господства которой являются «крупные корпорации», образующие «индустриальную систему»; собственники средств производства оказались оттесненными от управления. Так технологический детерминизм дополняется вульгарно-социологическим подходом¹. Согласно данному направлению следующий исторический шаг в эволюцию «индустриального общества» — переход к «постиндустриальному обществу» с господствующим положением науки, сферы услуг, преобладанием культурно-социальных критериев над экономическими. Теоретики данного направления постулируют «конвергенцию» капитализма и социализма как технико-экономических систем при допущении большей или меньшей дивергенции (расхождения) в сфере политики и культуры.

Поскольку институционально-социологическое направление воплощает идеологию буржуазного реформизма, выдвигает на авансцену роль науки и техники, то на первый взгляд представляется, что именно ему (как и направлению социальной технологии в буржуазной социологии) близка методология неопозитивизма. Однако это не совсем так: поскольку отправной точкой концепции данного направления является провозглашение «кризиса современного общества», глобального «кризиса цивилизации» и поскольку представители данного направления видят конечные истоки этого кризиса в потенциях самого человека, то его методология оказывается весьма близкой к позициям теоретиков не только неопозитивизма, но и «философии жизни».

А. Гедде следующим образом характеризует социальную философию экзистенциализма Хайдеггера: «...сущность техники, согласно такому пониманию, — это не что-то техническое, а именно «метафи-

---

¹ Особый вариант данной концепции выдвинул Белл, сознательно разрывающий три сферы деятельности — технико-экономическую, политическую и культурную как якобы «независимые» и допускающий волюнтаристский «выбор» и сочетание различных общественных форм. «В той мере, в какой человек становится все более независим от природы, он может выбирать и строить такой тип общества, который он пожелает. Он ограничен при этом теми ключевыми моментами, что каждая общественная сфера имеет различный ритм изменений и что не все формы совместимы друг с другом» (Bell D. Winding passage. Cambr (Mass). 1980. P. 31).

зика». Конец философии у Хайдеггера отождествляется с мистерией универсального кризиса: так как в сущности техники, по его мнению, выражается и заканчивается «метафизика», так как единственная настоящая опасность, угрожающая человеку, — это техника, то конец «метафизики» у него равнозначен тайне всеобщей заброшенности и закату мира. Тайна неразрешима: «метафизика» угрожает человеку, но принадлежит к его сущности. Грех метафизики состоит в том, что она «забывает о бытии», о первом и последнем вопросе философии, о том, что же такое бытие. Для него конец философии является в то же время началом другой, истинной философии (его собственной), моментом первой и последней возможности думать ненаучно, философски отвернуться от действительности, от объективности познания»¹.

В действительности же мировоззренческая (философская) основа конкретного варианта социальной технологии зависит от того, в рамках какого идейно-политического течения внутри буржуазии этот вариант используется. И сам материал книги А. Геде это подтверждает. Так, социальная технология ортодоксального кейнсианства, будучи в современных условиях консервативно-умеренной, действительно стоит на почве неопозитивизма. Зато значительная часть теоретиков институционально-социологического направления (Гэлбрейт, Белл, Тоффлер и др.), действующих в рамках буржуазного реформизма, исходят из концепции глобального кризиса, порождаемого столкновением технико-экономического начала с началом социально-духовным, рационального с иррациональным, т. е. именно из той позиции, которую разделяет «философия жизни».

Буржуазная политэкономия исходит из «природы человека»; при этом споры между различными ее течениями по основным теоретическим и методологическим проблемам сводятся в конечном счете к метафизическим дискуссиям о том, какие цели ставит перед собой человек и каково его «поведение» при достижении этих целей.

«Неоклассическая», неолиберальная и кейнсианская доктрины исходят при этом из «неизменности» природы человека, его целей и форм «экономического поведения». Постулат о «неизменности» обосновывается набором объективно-идеалистических «аргументов» о «вечных» этических принципах, якобы заложенных «свыше», а также субъективистской аргументацией относительно «вечности» принципов человеческого подхода к оценке затрат и результатов.

Этот подход абсолютизирует и ложно истолковывает общесторические законы производства, объективную и материалистически

---

¹ Геде А. Философия кризиса. С. 14—15.

объясняемую общественную основу всех исторических типов производства.

Институционально-социологическая теория также исходит из некой предвзятой природы человека, однако в отличие от «неоклассической» теории не считает эту природу постоянной¹. Хотя согласно этой теории в человеке заранее заложен некий «набор» мотивов поведения, в зависимости от условий преобладающее значение получают то одни, то другие (индивидуализм либо коллективизм, эгоизм либо альтруизм, предпочтение вещных благ либо социальных и т. д.). Среди этих условий решающее значение придается изменениям в технике. Для этого направления исходными в толковании социалистической системы являются состояние техники и якобы обусловленная этим состоянием социально-экономическая структура общества, организация экономической власти и мотивы поведения составляющих его групп.

Буржуазные теоретики, выдвигающие концепцию «противоречия» между социально-экономической системой социализма и вечной «природой человека», спекулируют на том объективном факте, что человек как общественное существо имеет двойственную природу. С одной стороны, в его развивающемся мышлении и психологии откладывается опыт тысячелетий истории, в основе которого — действие общеисторических законов.

С другой стороны, развивающееся мышление и психология человека отражают опыт исторически определенного способа производства и место данного человека внутри этого способа производства, т. е. его классовую принадлежность и интересы. Общесоциальное существо неотделимо от исторически определенного и классово-специфического. Этот факт и пытаются вульгарно истолковать теоретики институционально-социологического направления.

В эпоху исторического перехода от одной общественно-экономической формации к другой позитивные общечеловеческие начала вступают в конфликт с теми чертами личности, которые продиктованы отмирающей формацией вообще, и интересами ее господствующих классов в частности.

Человек новой, восходящей формации несет в себе как общечеловеческие начала, так и те прогрессивные черты, которые были свойственны революционному классу нисходящей формации. Вместе с тем он приобретает ряд существенно новых социальных характеристик и освобождается от ряда старых. В социалистическом обществе ведется целеустремленная работа по **«формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богат-**

¹ Представитель институционально-социологического направления американский историк экономической мысли Б. Селигмен пишет: «В постоянно изменяющемся и развивающемся обществе ни одна фирма или семья, ни один капиталист или рабочий не похожи на то, чем они были двадцать лет тому назад. Человек мог быть ранее смелым новатором, а ныне он управляющий, для которого устав организации представляет собой категорический императив» (Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. С. 532).

ство, моральную чистоту и физическое совершенство»¹. Эта работа предполагает, в частности, искоренение нравов, чуждых социалистическому образу жизни, включая частнособственническую психологию и стяжательство, недисциплинированность и др.

Преобразование человека — длительный и сложный процесс; он лишь начинается с преобразования объективных отношений в сфере политики и экономики; переворот в сфере семейных, национальных отношений, в культуре и в мировоззрении в целом происходит значительно медленнее.

Выше общие методологические позиции вульгарной буржуазной политэкономии были охарактеризованы как сочетание грубого эмпиризма и идеалистической схоластики. С учетом вышеизложенного эту общую характеристику можно конкретизировать следующим образом.

На уровне описания и систематизации внешних форм хозяйственного механизма — как в отношении капитализма, так и применительно к социализму — вульгарная теория пользуется эмпирическим инструментарием, сочетающим элементы субъективного идеализма, вульгарного материализма и агностицизма, возводя в ранг абстрактных категорий и законов непосредственные буржуазные представления о хозяйственной практике и ее связях. Этот инструментарий в философском отношении может быть охарактеризован как неокантианский и неопозитивистский.

На уровне доктринерского истолкования системы капитализма и социализма, т. е. соединения «категорий» и «законов» на основе определенной доктрины, имеющей прагматическую социальную направленность, эмпиризм уже в большей степени дополняется идеалистически-схоластическими формалистическими построениями.

Наконец, на уровне апологетического оправдания буржуазных представлений о капитализме и социализме вульгарным теоретикам приходится целиком от эмпирических рассуждений переходить к рассуждениям об «исходных ценностях», «природе человека», «цели жизни» и т. п., где неопозитивизм уже не может служить опорой и где эти теоретики целиком уверяются либо поповскому идеализму (неотомизму), либо откровенному субъективному идеализму — экзистенциализму.

Поэтому в методологии каждого из направлений современной буржуазной политэкономии неопозитивизм сочетается с «философией жизни» либо с неотомизмом.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 163.

3. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ «КРИТИКИ» МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В АНАЛИЗЕ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА

Современные буржуазные экономисты обвиняют марксистско-ленинскую экономическую теорию социализма в «прагматизме», «описательности», «поверхностном историзме», а там, где за ней признаются элементы научности, — в «заимствовании» этих элементов у буржуазного «социализмоведения».

Например, американский специалист по «компаративной теории» Д. Прибыла заявляет, что учение об экономических законах социализма есть якобы подмена реальных законов задачами, которые выдвинуты, но еще не достигнуты¹. Буржуазные экономисты, извращая тот факт, что экономические законы социализма реализуются посредством сознательных действий всего общества, истолковывают эти законы как субъективные установки руководства.

Буржуазные теоретики «по традиции» отождествляют закономерное со стихийным, а произвольное — с сознательным. К. Маркс писал «о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса»².

Ложно истолковывая сознательный характер реализации законов социализма и одновременно спекулируя на трудностях и недостатках последней, буржуазные «социализмоведаы» вообще отрицают наличие здесь законов: «Плановый социализм не имеет своей парадигмы. Парадигмы капитализма и рыночного социализма основаны на естественном стремлении каждого индивида к максимизации своего материального благополучия, что соответствующим образом предопределяет деятельность хозяйственных единиц. Что касается планового социализма, то он не имеет аналогичных основ и базируется на достижении целей, выдвигаемых политической властью (партией), которая использует находящуюся в ее распоряжении технику планирования. Что это будут за цели и какова техника — это определяется каждый раз по-разному в зависимости от сложившейся ситуации»³.

Экономические законы социализма — это не абстрактные нормы, которые выводятся теоретически из некоторых предпосылок, как законы математики из аксиом, и затем формулируются в виде логически стройной системы. Эти законы действуют объективно, противоречиво, их раскрытие требует изучения — путем сочетания факти-

---

¹ Comparative Economic Systems. Ed. by J. Prybyla. N. Y., 1969. P. 84—85.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 9.

³ Gregory P., Stuart R. Comparative Economic Systems. Boston, 1980. P. 127.

ческого и логического анализа и синтеза — реальных процессов; причем это изучение затрудняется тем, что объективные законы социализма реализуются посредством сознательной деятельности людей, они не могут действовать помимо тех или иных форм общественного сознания. (Хотя само это сознание может находиться на весьма различных уровнях — от эмпирического до научного, может быть и передовым, и инерционным, противоречивым и т. п.)¹

Марксистско-ленинскую методологию анализа социально-экономических явлений отличают подлинный историзм, диалектический реализм. В. И. Ленин отмечал, что при научном, диалектическом методе в социологии в противоположность метафизическому «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»². XXVII съезд КПСС указал на особый, переломный характер современной исторической полосы развития как внутри системы социализма, так и на мировой арене.

С одной стороны, мощный потенциал производительных сил, процессы НТР, вступление общества в этап развитого социализма создают возможность и необходимость ускорения социально-экономического развития страны. Но с другой стороны, в течение длительного времени накапливались нерешенные проблемы, росли бюрократизм и другие негативные явления, происходило замедление развития.

Эти тормозящие явления буржуазное «социализмоведение», опираясь на свою методологию, стремилось приписать самому содержанию, основным принципам социалистического строя.

Научный анализ, данный в Материалах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда КПСС совокупности противоречий социалистического общества на данном его этапе (между производительными силами и производственными отношениями, в самой системе экономического базиса, между базисом и надстройкой), позволил сделать обоснованный вывод о том, что главная причина, источник накопления нерешенных проблем — субъективный фактор,

---

¹ Советские экономисты обоснованно отмечают, что «методология политической экономии социализма — методология сознательного применения экономических законов» (Предмет и метод политической экономии социализма/Под ред. А. П. Шевцова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. С. 249). При этом не всегда законы, реализуемые на практике через сознательную деятельность людей, осознаются научно. Так, в практике регулирования заработной платы сознательно учитываются многие факторы, а не только принцип «распределение по труду»; здесь взаимодействует сложная совокупность законов, управляющих воспроизводством рабочей силы, ее распределением, совершенствованием, законов взаимосвязи распределительных и перераспределительных отношений и др. Далеко не все эти законы осознаны как таковые.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

отставание общественного сознания. Именно поэтому столь существенное, ключевое значение придается выработке современного экономического и идеологического мышления.

На XXVII съезде КПСС отмечалось: «Наслоения прошлого не остаются без следа. Они дают себя знать, проявляясь в сознании людей, их действиях и поведении. Стил жизни нельзя изменить сразу, а преодолеть инерцию в мышлении еще сложнее. Здесь необходимы энергичные усилия»¹.

Как известно, инерционные силы особенно устойчивы там, где их существование связано с определенными ведомственными, местническими и иными эгоистическими интересами, противоречащими интересам общества в целом. Все это порождает противоречия между объективным положением человека в обществе и его коренными интересами, с одной стороны, его сознанием, привычками — с другой, между различными аспектами его сознания, между мышлением и психологией.

Именно за инерционные элементы в мышлении и психологии людей, за отставание в развитии новых, адекватных общественному бытию форм сознания и психологии цепляются буржуазные «критики», пытаясь противопоставить социализму некую «вечную» природу человека.

Подлинно современное мышление противостоит эмпиризму и догматической схоластике, оно является научным и творческим. Оно является подлинно партийным (освобожденным от оков, налагаемых разного рода эгоистическими интересами — узковедомственными, местническими, групповыми, личными) и отражающим общественные интересы, потребности исторического прогресса.

Чтобы выполнить требования, предъявляемые к современному мышлению, общественная наука должна установить неразрывную связь с практикой, идти от практики и возвращаться к решению практических задач; рассматривать реальность в движении и развитии, исследовать противоречия этого развития, находить пути их разрешения; рассматривать явления современного мира во взаимосвязи и противоречивой целостности.

Соединение всех этих элементов означает концептуальность современного мышления, т. е. четкую связь между исходными реальными посылками, методологией анализа и синтеза, выработкой теоретических представлений о реальности как динамической, противоречивой целостности, и извлечение конкретных выводов и рекомендаций для практической стратегии.

Все указанные характеристики современного экономического мышления основываются на использовании метода диалектического материализма, они восстанавливают, очищают от чуждых наслоений догматической инерционности, упрощенческой механистичности, без-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87.

деятельного утопизма марксистско-ленинское мышление, которому имманентно присущи революционность и реализм.

Образцом такого подхода является концепция ускорения социально-экономического развития, принятая XXVII съездом КПСС и воплощенная в программных документах съезда. В соответствии с марксистско-ленинской методологией эта концепция исходит прежде всего из возможностей, заложенных в современных производительных силах НТР, и из потребностей социалистического общества. Она, далее, предполагает глубокое качественное совершенствование всей системы производственных отношений исходя из двуединого критерия — достижения соответствия этих отношений задачам преобразования производственной основы общества и реализации принципа социальной справедливости. В центре концепции ускорения находится человек — раскрытие его творческих возможностей, удовлетворение материальных и духовных потребностей, гармоничное развитие личности.

Динамизм социалистического общества проявляется и в новом развитии хозяйственного механизма — в системе планирования, организации и стимулирования производства. Хозяйственный механизм, выражая коренные черты экономического базиса общества, в то же время отражает непосредственно также и специфику развивающихся производительных сил, социальные условия хозяйствования.

Последнее справедливо и для механизма хозяйствования современного капитализма. Отражая коренные черты и антагонизмы государственно-монополистического капитализма, он в то же время претерпевает непрерывную эволюцию, частично приспособляясь к процессам НТР, к специфическим ресурсным, социальным и политическим условиям отдельных капиталистических государств.

Используя чрезвычайно сложную, многофакторную и подвижную структуру конкретного хозяйственного механизма, буржуазные теоретики пытаются представить его как сочетание отдельных самостоятельных форм и элементов, абсолютизируют, преувеличивают зависимость хозяйственного механизма от технических, демографических, географических условий, с одной стороны, и от политики, культуры, психологии — с другой; в то же время всячески замалчивается либо фальсифицируется определяющая зависимость механизма хозяйствования от системы коренных отношений, образующих экономический базис общества.

От буржуазных теоретиков, конечно, не приходится ждать даже объективного описания — не говоря уже об анализе — реальной динамики социально-экономических систем капитализма и социализма, поскольку эти теоретики не приемлют самого научного понятия «экономический базис». По существу буржуазные теории имеют дело с поверхностными и искаженными моделями хозяйственного механизма. Но и развитие хозяйственного механизма социализма для

буржуазных теоретиков — книга за семью печатями, ибо они не видят внутренних факторов этого развития.

Ложно отождествив экономическую систему социализма с хозяйственным механизмом, сложившимся на начальном этапе развития социализма, буржуазные теоретики затем объявили закономерные изменения в этом механизме, направленные на совершенствование социализма, «отказом» от экономической системы социализма.

В действительности развитие хозяйственного механизма на современном этапе соответствует незыблемым принципам социализма и отражает их развитие. Одновременно оно отражает сдвиги в производительных силах и в системе технических отношений производства, в социальных и политических условиях.

В отличие от стихийно и фрагментарно формирующегося хозяйственного механизма капитализма развитие его при социализме осуществляется сознательно и комплексно, охватывая взаимосвязанные подсистемы планирования, организации и стимулирования.

Реальная динамика социалистического хозяйственного механизма, отражающая поступательное развитие производительных сил и производственных отношений социалистического общества, изменения стратегических задач, вытекающих из условий коммунистического строительства, является наиболее убедительным опровержением как теоретических построений буржуазных «социализмове-дов», так и их «практических» выводов.

Как отмечено на XXVII съезде КПСС, принципиальная линия действий «состоит в том, чтобы, опираясь на незыблемый принцип демократического централизма, укреплять и совершенствовать централизованное плановое руководство экономикой — великое завоевание и коренное преимущество социализма. И в этом вопросе очевидно, что мы «не оправдали», да никогда и не оправдаем надежды буржуазных идеологов на наш отход от этого основополагающего принципа. В то же время партия будет решительно проводить работу по расширению границ самостоятельности объединений и предприятий, повышению их ответственности за конечные результаты, углублению хозяйственного расчета»¹.

* *
*

Методология науки как способ выработки теоретических представлений требует особого внимания именно потому, что способ исследований в большой мере предопределяет их направленность и результаты.

Научная методология (независимо от того, применяется она сознательно или стихийно) — это метод материалистической диалектики, основная задача которого — раскрытие содержания объекта (в его взаимосвязях, движении, изменении) как единства противопо-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 249.

ложностей. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии... вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹.

В основе всякого мышления лежит процесс отражения объективной реальности. Однако это отражение может быть либо адекватным, соответствующим основной сути объекта, либо искаженным, даже «перевернутым». Адекватное, диалектико-материалистическое отражение предполагает движение «по спирали» от живого созерцания к абстрактному мышлению и от абстрактного мышления к практическому действию, которое в свою очередь дает новый материал для наблюдения и теоретического обобщения.

Искаженное идеалистическое либо вульгарно-материалистическое мышление отталкивается не от действительности как развивающегося, противоречивого целого, а от отдельных, определенным образом отобранных понятий, которые отражают эту действительность односторонне, узко, поверхностно. С этим связана и специфика следующего шага такого неадекватного отражения — создания абстрактных конструкций, «моделей». (В той мере, в какой способ мышления является идеалистическим, его теории разрабатываются как конструкции понятий, порождаемых самими понятиями.) Эти теоретические конструкции могут поверхностно отражать отдельные внешние формы и процессы действительности, что обеспечивает им временную жизнеспособность и даже практически-прагматическую применимость; однако их антагонизм с реальным содержанием общественной системы со временем обнаруживается все более ярко. Вообще такие теории живут не дольше, чем существуют определенные конкретные формы данного общественного устройства. «Вечные проблемы» идеалистической методологии коренятся в том, что она, претендуя на то, чтобы «перевернуть мир», сама отвергает «внешнюю точку опоры». Иначе говоря, невозможно претендовать на создание научной картины мира, одновременно отвергая этот мир как объективную реальность, независимую от субъекта познания. Отсюда неразрешимость для идеализма вопроса о познаваемости действительности и о критерии истинности теории; этот критерий идеализм ищет во внутренней «непротиворечивости» теории.

«Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос... Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»². Однако требование «непротиворечивости» заключается лишь в том, чтобы отдельные элементы теории соответствовали ее основным методоло-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1—2.

гическим принципам; проблема же истинности теории как раз заключается в обоснованности основных принципов.

Давно уже практически доказано, что никакая теория не может быть обоснована посредством аргументов, ограниченных самой этой теорией. С проблемой «верификации» теории тесно связан и вопрос о построении теории путем абстрактно-логического выведения одних понятий из других. «Но ведь логические схемы могут относиться только к *формам мышления*, здесь же речь идет только о формах *бытия*, о формах внешнего мира, а эти формы мышления никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира. Таким образом, все соотношение оказывается прямо противоположным: принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат...»¹ Формальная логика — лишь один из элементов диалектики, абсолютизация которого ведет к схоластике.

Вульгарная буржуазная политэкономия создает теоретические концепции социализма, используя свой «испытанный» эмпирико-схоластический метод, а именно возводя в ранг «категорий» конкретные поверхностные явления (понятия) хозяйственного механизма и искусственно конструируя из них наукообразные «системы».

Марксистско-ленинская наука, руководствуясь диалектико-материалистическим методом, движется по пути аналитического выделения новых глубинных черт в экономическом базисе социализма, их системного синтеза и практической проверки результатов каждого шага теоретических исследований.

В материалах январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС отмечены методологические требования, предъявляемые к подлинно научной теории: ориентация на раскрытие совокупности реальных противоречий; недопустимость абсолютизации сложившихся форм организации общества, их отождествления с его сущностными характеристиками; преодоление схематизма, когда социализм рассматривается как застывшая система, лишенная противоречий и динамизма; необходимость упрощенческой и поверхностной трактовки ленинских положений о социализме, схоластического теоретизирования и др.²

Преодоление методологических изъянов в обществоведении — предпосылка превращения его в действенное средство перестройки общества, укрепления позиций научного социализма в противоборстве с буржуазной идеологией.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 34.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М.: Политиздат, 1987. С. 8—9.

БУРЖУАЗНАЯ «КОМПАРАТИВИСТИКА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ КОНСТРУИРОВАНИЯ АНТИНАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛИЗМА

Буржуазный «сравнительный анализ» экономических систем (в качестве синонима используется также термин «компаративистика») как специфический раздел современной вульгарной буржуазной политэкономии получил развитие в 50—60-х гг. Его распространение в буржуазных исследованиях, прочные позиции в учебных курсах университетов объясняются прежде всего фактом выхода социализма на мировую арену, достижениями социалистического строительства. В таких условиях «компаративистике» отводится важная роль в апологетике современного государственно-монополистического капитализма и фальсификации социалистической системы хозяйства.

Буржуазные идеологи, проводя «сравнительный анализ», пытаются завуалировать антагонистические противоречия капитализма, игнорируют преимущества социализма. Они ложно трактуют понятие «экономическая система», выдвигают в качестве критериев сравнения систем те или иные показатели, которые по своей сущности не связаны с системой производственных отношений. Тем самым всячески умаляется роль социально-экономической структуры общества, отдается предпочтение эмпиризму, схоластике. Все эти приемы служат методологической базой, на которой конструируются антинаучные концепции социализма.

1. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В буржуазном «сравнительном анализе» имеют место многочисленные определения понятия «экономическая система». Если не каждый автор, то представители всех школ буржуазной политической экономии, представленных в «компаративистике», пытаются дать свои дефиниции понятия «экономическая система». Это порождает противоречивость в определениях, хотя все они содержат и общие черты, обусловленные классовыми интересами буржуазии.

Множество определений понятия «экономическая система» можно

объединить в зависимости от гносеологической основы и доминирующей целевой направленности в следующие группы:

- структурно-управленческие;
- телеологические (мотивационные);
- институционально-социологические.

Эти три группы определений не только взаимосвязаны, но и имеют «зоны покрытия» при характеристике отдельных элементов системы. Кроме того, существуют и так называемые «нейтральные определения», которые в большей степени, чем другие, претендуют на всеобщность, пригодность для характеристики всех исторических типов экономических систем и их разновидностей, которые обычно приближаются к общей теории систем, считаются независимыми от влияния конкретных экономических школ и теорий, а также определенных политических и идеологических взглядов (поэтому их называют «системонейтральными» определениями). Такой является дефиниция американских экономистов Т. Купманса и Д. Монтиаса, считающаяся классической в буржуазном «сравнительном анализе».

Прежде чем рассмотреть дефиницию, необходимо раскрыть сущность одного методологического приема, применяемого этими авторами при формировании базисной характеристики понятия «экономическая система». Купманс и Монтиас предлагают вместо непосредственного сравнения экономических систем А и Б сопоставлять их модели Ма и Мб, являющиеся «абстрактными формами познания систем А и Б и сравниваемыми одна с другой как реальности, характерные черты которых призваны воплощать эти модели»¹. Используемые в моделях категории «цена», «организация», «надзор», «планирование» и др. должны быть «системонейтральными», т.е. лишенными конкретно-исторического содержания, которое они имеют в различных общественных и экономических системах. В то же время авторы указывают, что сравнение моделей может дать представление о различиях между системами, причем «выбор моделей в свою очередь зависит от целей сравнения, которое нужно осуществить»².

Призыв к «нейтральности» сравнений, которой можно достичь сравнением моделей реальных объектов, а не самих объектов, скрывает в себе глубоко замаскированную идеологическую цель. Модель экономической системы не в состоянии отразить все черты реально существующих в экономике макроэкономических связей и механизмов. Само моделирование не преследует и не может преследовать такой цели³. Чтобы быть объективной, — а буржуазная «компара-

¹ Koopmans T. and Montias J. On the Description and Comparison of Economic Systems. In: Comparison of Economic Systems//Ed. by Al. Eckstein. University of California Press, 1971. P. 29.

² Ibid. P. 28.

³ К. Маркс умело использовал метод научной абстракции при исследовании экономических процессов и явлений. Например, при исследовании воспроизводства общественного капитала он абстрагируется от ряда реальных явлений (перераспределения

тивистика» претендует на объективность — модель должна отражать основные качественные характеристики реального объекта. Выбор параметров моделей, однако, может быть идеологически ориентированным. От выбора параметров при определении существующих экономических систем, осуществляемого представителями буржуазного «сравнительного анализа», зависит в значительной степени результат сравнительных оценок.

В целях обеспечения «нейтральности» сравнения Купманс и Монтиас предлагают определить экономическую систему как «ту часть общей системы, которая непосредственно или косвенно оказывает влияние на экономическое поведение и результаты в сравниваемых системах»¹. Авторы правильно указывают, что экономическая система является лишь частью общественной системы в целом. Но из приведенного бихевиористического определения логически вытекает вопрос: чем определяются сами результаты экономической системы, каким образом устанавливаются в ней связи?

Чтобы выйти из этого затруднительного положения, Купманс и Монтиас разграничивают следующие понятия: среда экономической системы, сама экономическая система, действия в ней, ее результаты и нормы, сообразно с которыми оцениваются результаты и сравниваются системы. «Коротко говоря, среда экономики включает ресурсы, начальную технологию, внешние факторы. (в том числе технологию, получаемую от других экономик) и влияние на эти факторы случайных событий. Она включает также первоначальные предпочтения и незаконченные взаимодействия (к начальной дате периода сравнения)»².

Из этого определения мы понимаем, что результаты экономической системы зависят почти полностью от внешних по отношению к системе факторов. Это подход, характерный для методологии современного институционализма. При этом в определении Купманса и Монтиаса доминирует технологический подход (точнее технологический детерминизм) к рассмотрению факторов функционирования и изменения экономических систем. «Всемогущая техника» — главный двигатель общественного прогресса — таков логический вывод

прибавочного продукта, внешней торговли, существования «третьих классов» и т. д.). Цель заключается в том, чтобы показать сущность категории в «чистом виде», раскрыть законы движения общественного воспроизводства. Он подчеркивает, что принятие ряда предпосылок при создании схем воспроизводства (по существу представляющих собой модель этого процесса) «имеет отношение лишь к количественной стороне различных элементов воспроизводства, а не к той роли, которую они играют в общем процессе...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 445). Но К. Маркс не абстрагируется в своем анализе от элементов качественной характеристики явления и дает классическую модель, которую затем можно применить в зависимости от конкретных исторических условий, что он и делает в III томе «Капитала», где анализирует весь реальный капиталистический процесс воспроизводства.

¹ Koopmans T. and Montias J. Op. cit. P. 32.

² Ibid. P. 29. Это определение Монтиас анализирует более подробно (Montias J. The Structure of Economic Systems. New Haven. Yale University Press, 1976).

при экстраполяции этих начальных теоретических конструкций на реальную экономическую жизнь (как это сделал Дж. Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество»). Как по мановению магической палочки, исчезает ряд действительных характеристик экономической (как части общественной) системы. «Нейтральность» определения сводится к игнорированию классового элемента в экономической системе. И чтобы «смягчить» технологическую предопределенность своей дефиниции, авторы включают в нее и «первоначальные предпочтения» субъектов экономической системы, явно отдавая дань основным «неоклассическим» формулировкам. Оказывается, эта многократно цитируемая буржуазными «компаративистами» дефиниция экономической системы, несмотря на претензию на «нейтральность», носит отпечаток классовой предопределенности и является эклектичной по форме и содержанию.

К указанному выше пониманию экономической системы приближается группа структурно-управленческих определений. Здесь преобладают сторонники системно-поведенческого подхода к оценке экономических процессов и явлений; в отношении своих гносеологических корней эта группа определений теснейшим образом связана с «неоклассическим» направлением в буржуазной политической экономии. Исходным элементом в их схемах являются отдельные «рационально действующие» хозяйствующие субъекты и их «предпочтения». Сходные по своему характеру определения экономической системы с этих позиций дают такие авторы, как Е. Нойбергер, У. Даффи, П. Книрш, М. Готлиб, К. Хензель и др. Западногерманский экономист Книрш, например, считает, что экономическая система определяется связями элементов в экономическом процессе, структурой хозяйственного поведения и факторами, определяющими его¹. В своей книге «Сравнительные экономические системы: управленческий подход» американские экономисты Нойбергер и Даффи дают более развернутое определение «экономической системы». Они рассматривают экономическую систему как «социально образовавшийся механизм для принятия экономических решений («что», «как», «где», «когда» и «для кого») в трех ключевых сферах производства, потребления и распределения. Экономическая система состоит из трех взаимосвязанных компонентов — управленческой, информационной и мотивационной структур... Эти три структуры представляют важные средства для понимания экономических систем»². Фактически авторы сводят экономическую систему к понятию экономического механизма общества, притом не к его объективной сущности, а к управлению им. Поэтому они чувствуют себя обязанными объяснить, что экономическая система является «лишь одним из важных феноменов в обществе». От них мы «уз-

¹ Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme. Hrgs. von E. Boettcher. Berlin, 1970. S. 14, 37.

² Neuberger E., Duffy W. Comparative Economic Systems: Decision-Making Approach. Boston, 1976. P. 9.

наем», что другие переменные, с которыми она взаимоувязана, — это 1) широкая социально-экономическая среда, 2) государственная политика, 3) результаты экономической деятельности, 4) критерии оценки исполнения — и все они определяют 5) качество результативности экономики¹.

Интересно посмотреть, что включают авторы в понятие «среда экономической системы». Согласно Нойбергеру и Даффи сюда относятся «определенный запас человеческих и материальных ресурсов, уровень технологии, размер и местоположение страны, вкусы или предпочтения населения, в том числе его идеология, и доминирующие социальная и политическая системы»².

Видно, что авторы делают все возможное, чтобы «сузить» определение, ограничивая его лишь структурно-управленческими компонентами. При этом здесь даже формально-логически возникает вопрос о месте определенных элементов в системе: куда, например, отнести экономическую политику? К среде экономической системы или к самой экономической системе? Если отнесем ее к среде, как предпочитают манипулировать авторы, можно ли отделить экономическую политику от процесса принятия решений, от информационной и мотивационной структур общества, которые Нойбергер и Даффи определяют как детерминанты экономической системы. Получается замкнутый круг.

Все эти определения не так уж «невинны» и «нейтральны», как может показаться на первый взгляд. Всеми средствами «доказывается», что экономические системы отличаются способом принятия решений в экономической жизни. В то же время подчеркивается, что механизм экономических решений можно совершенствовать. Согласно логике Нойбергера и Даффи, это изменит и экономическую систему в целом. «Интерес к системам, — пишут они, — усиливается фактом, что экономическую систему можно изменить, чтобы улучшить ее результативность, в то время как лишь некоторые компоненты среды, в которой она функционирует, пригодны для подобной манипуляции»³.

Изменение организационной структуры, совершенствование механизма управления согласно буржуазным идеологам приводят к изменению систем, к возникновению различных «моделей» (в том числе социалистической экономики). Изменения не должны касаться только «доминирующих социальной и политической систем», которые авторы относят к среде экономической системы. Сохранить любой ценой социальное статус-кво — в этом заключается основное требование к предлагаемым организационным мероприятиям по совершенствованию капиталистической экономической системы. И в то же время под прикрытием «организационных» и «управленческих» перемен

---

¹ Neuberger E., Duffy W. Op. cit. P. 11.

² Ibid.

³ Ibid. P. 9.

предлагается изменить социальную и политическую структуры социалистических стран.

Эта группа определений экономической системы относительно больше всего приспособлена к требованиям более общих буржуазных конструкций типа теории «конвергенции». И не случайно большинство упомянутых авторов отстаивают различного рода «кибернетические» теории «слияния двух систем» под прикрытием «нейтрального» лозунга о «сближении управленческих механизмов».

Вторая группа концепций экономической системы акцентирует свое внимание на связях отдельных элементов системы с целью мотивации поведения субъектов, принимающих участие в экономическом процессе. Ее можно назвать телеологической (целевой) группой определений экономической системы. Подобный акцент имеют определения У. Бекингема, Д. Прибылы, М. Шнитцера, Д. Нордайка, Д. Оркэнта, К. Ландауэра и др. Ландауэр, например, считает, что «экономическую систему можно определить как совокупность механизмов, с помощью которых из альтернативных целей можно определить ту, которой отдается предпочтение и посредством которой индивидуальная деятельность координируется для достижения этой цели»¹. В большинстве случаев трудно отличить первую группу определений от второй, но в последней ударение падает не на структуру, а на связи между отдельными элементами и уровнями системы для достижения определенных целей. Иными словами, экономическая система понимается как средство для достижения данных целей, как связующее звено между внешними условиями, определяющими функционирование систем, и их целевыми функциями (также противостоящими системам как нечто «внешнее»).

На базе определения целей функционирования экономических систем строится и система критериев их сравнения. Здесь еще раз проявляется тесная связь между отдельными этапами развития буржуазной «компаративистики». Содействуют ли экономические системы как средство достижению определенных целей или нет — по этому принципу формируется оценка системы в целом, определяется место данной системы в общей «лестнице» сравниваемых систем². Следовательно, от того, каким образом будут определены экономическая система и ее цели, зависит в большой степени сравнительная характеристика, которую она получит.

---

¹ Landauer C. Contemporary Economic Systems (A Comparative Analysis). Philadelphia — New York, 1964. P. 2.

² По мнению американского экономиста Д. Прибылы, связь между «целями» хозяйствующих субъектов и ограниченными ресурсами, которые можно использовать альтернативно, осуществляется экономической системой, т. е. «...суммой всех механизмов, которые в своем взаимодействии приводят к реализации экономического выбора» (Prybyla J. Meaning and Classification of Economic Systems//Comparative Economic Systems/Ed. J. Prybyla. N. Y., 1969. P. 10). Прибыла считает, что от осуществления и координации связи между хозяйственными субъектами зависит и «тип» экономической системы.

Буржуазный «сравнительный анализ» экономических систем не имеет единой схемы оценки целей экономической деятельности. Различия в определении этих целей авторами различных школ и направлений довольно большие. «Неоклассицизм» ставит в качестве основной цели функционирования экономической системы «совокупную рациональную хозяйственную деятельность». Эта цель в свою очередь формируется как совокупное взаимодействие при реализации целей всех индивидуальных участников хозяйственной жизни. В духе традиционной идеи А. Смита о «невидимой руке» конкуренции, определяющей действия экономических субъектов и приводящей в конечном счете к установлению основных пропорций и взаимосвязей в хозяйстве, «неоклассики» выводят в качестве основного критерия функционирования системы степень обеспечения ею необходимого «равновесия», в условиях которого можно осуществлять «рациональную хозяйственную деятельность».

С возникновением и развитием кейнсианства такому пониманию была противопоставлена новая идея — рационального осуществления хозяйственной деятельности, которое, по мнению представителей указанного направления, возможно также в условиях отсутствия рыночного равновесия на макроэкономическом уровне. Появился новый элемент в хозяйственной структуре — буржуазное государство, на которое возлагались надежды содействовать установлению нового «оптимума» в экономике. В соответствии с этим расширилась и система целей, ставившихся перед экономическими системами. К ним можно отнести такие цели, как «полная занятость» (в кейнсианском понимании предполагающая определенный процент безработных), достижение определенных темпов экономического роста (школа макроэкономической динамики), справедливое распределение доходов (левые кейнсианцы) и т. д. При этом кейнсианцы считают, что большинство целей одинаковы для всех экономических систем и лишь некоторые из них (определяемые политическими и идеологическими мотивами) различны в отдельных системах¹.

Неолибералы «обогатили» «неоклассический» тезис об основной цели экономической системы положением, что в социалистической экономике цель определяется «управляющей элитой» и не связана с «рациональным действием системы». Здесь якобы преобладают политические мотивы, а не элементы «рыночной рациональности». Подобные утверждения встречаются и теперь в ряде сравнительных схем буржуазных авторов, в особенности таких, которые имеют крайне консервативную правую ориентацию.

¹ М. Шнитцер в сравнительном исследовании ГДР и ФРГ развивает идею, что цели экономических систем в современных социальных устройствах в большей или меньшей степени одинаковы (например, всем системам адекватно достижение полной занятости, стабильности цен, экономического роста и т. д.). Различия, по его словам, проявляются в последовательности целей, в различии «приоритетов», в экономической политике (Schnitzer M. East and West Germany: A Comparative Economic Analysis. N. Y., Praeger, 1972).

При всем многообразии мнений о целях экономических систем, а следовательно, и об их сущности можно отметить две их общие черты — надисторическую и субъективистскую интерпретацию целей. Двигаясь между двумя конечными полюсами оценки — одинаковостью целей и полным различием и несовместимостью целей различных систем, буржуазная «компаративистика» выбирает один или другой набор целей в зависимости от идеологической направленности предпринимаемых сравнений. Именно в этом и проявляется волюнтаризм этого направления буржуазной политической экономии.

Целью экономической системы не является что-то находящееся вне ее. Она в конечном счете определяется сущностной характеристикой общественной системы в целом и экономической системы как части этого целого. Так, например, в условиях капитализма не может быть другой цели производства, кроме накопления капитала для получения большей прибавочной стоимости. С развитием капитализма и перерастанием его в монополистический капитализм эта цель приобретает новую форму — извлечения монопольной прибыли.

В условиях социалистического общества, основной характеристикой которого является общественная собственность на средства производства, не может быть иной цели, кроме всестороннего удовлетворения материальных и духовных потребностей личности как части общества и обеспечения предпосылок для ее развития.

Буржуазные телеологические определения экономической системы имеют преимущественно статический характер. Основными категориями, превращающимися на следующих этапах «сравнительного анализа» в критерии сравнения систем, здесь являются «свобода принятия решений», «равновесие при осуществлении целей отдельных агентов производства» и т. д. Основной методологический порок этой группы определений, вытекающий из их надысторизма, заключается в том, что они не в состоянии объяснить изменение в экономических системах даже на основе воспринятых ими постулатов. Каким образом и почему происходит изменение в целях различных экономических систем? Каким образом осуществляется изменение в механизмах реализации этих целей? Такие вопросы остаются вне поля зрения буржуазных «компаративистов» этой группы.

Эти недостатки пытаются преодолеть представители институционально-социологического направления. К ним относятся американцы У. Лоукс, М. Борнстейн, Г. Гроссман, А. Грачи, Г. Пикерсджиль и Д. Пикерсджиль, англичанин П. Уайлз и др. Желая решительно отмежеваться от статических «неоклассических» определений, А. Грачи, например, определяет экономическую систему как развивающийся комплекс человеческих связей¹. Эти связи осуществляются посредством определенной совокупности институтов. «Сеть институтов, —

¹ Gruchy A. Modern Economic Thought. The American Contribution, A. M. Kelley Publishers. N. Y., 1967. P. 116—117.

пишет Г. Гроссман, — характеризующая данную экономику, составляет ее экономическую систему»¹. Несколько обстоятельнее дают определение Г. и Д. Пикерсджиль: «...индустриальные общества развили комплексную сеть институтов, чтобы решить вопросы «как», «что» и «для кого» производить»².

Более специфическое определение экономических систем (под сильным влиянием кейнсианской экономической доктрины) дает С. Кузнец в книге «Сравнение экономических систем». По его мнению, экономические системы представляют собой «долгосрочные соглашения, через которые различные единицы экономического общества вынуждены сотрудничать в производстве, распределении и использовании совокупного продукта, включая средства контроля за производственными факторами, свободу или ограничение индивидуальных единиц в отношении использования существующих факторов или рынков товаров»³.

Нет необходимости приводить еще примеры многочисленных институциональных определений экономической системы. Общей характерной чертой их подхода является рассмотрение экономической системы как комбинации «институций» внутри и вне ее.

Внутри системы взаимодействуют «экономические единицы» (институции) для решения вопросов, «что», «как» и «для кого» производить и соответственно распределять. Под «экономическими единицами» понимаются домашнее хозяйство, фирма, профсоюз, государственная институция и т. д., собравшиеся вместе для достижения «общей экономической цели». При дополнительном расчленении структуры экономической системы дело доходит до индивидуального уровня с выделением категории «экономического агента» или того, кто выполняет экономические функции особого вида (например, потребитель, рабочий, предприниматель, инвестор или плановик).

Вне системы существует более широкая сеть экономических, социальных, политических, культурных и других институций (среда экономической системы), под влиянием которых изменяются механизмы систем или осуществляется переход от одной системы к другой.

Получается типично эволюционистская схема экономических систем. «Найден» двигатель развития, и нет необходимости его объяснять. У одних авторов система подвергается изменениям под влиянием политико-правовых институций. Другие считают, что экономическая жизнь реагирует на изменение социально-культурных потребностей населения. Третьи (самая многочисленная группа — представители технологического детерминизма) рассматривают изменения в научно-техническом прогрессе и технико-экономической базе общества как двигатель развития экономических систем.

¹ Grossman Gr. Economic Systems. Prentice-Hall, 1974. P. 3.

² Pickersgill G. and J. Contemporary Economic Systems//A Comparative view. Prentice-Hall, 1974. P. 9.

³ Comparison of Economic Systems/Ed. by Al. Eckstein. P. 249.

Основной методологический порок этого подхода состоит в «разрыве» связи между экономической системой и ее «средой». Как и каким образом протекают изменения «извне», требующие изменения в механизмах экономической системы? Остается открытым вопрос о логике развития, о факторах, определяющих экономическую систему того или иного типа.

Несомненно, институционально-социологические определения экономической системы представляют шаг вперед по сравнению с «неоклассическими». Они являются более гибкими, всеобъемлющими, в них представлен многофакторный анализ экономических систем. В отличие от «неоклассиков», представители данного направления исследуют не только механизм экономического выбора и координацию хозяйственной деятельности, но и весь комплекс институций, оказывающих влияние на последнюю. Ими признается объективное положение, согласно которому экономическая жизнь представляет взаимодействие не только экономических факторов; в ней сложным образом переплетаются факторы социального, политического, культурного, психологического характера. Здесь современная «компаративистика» испытывает в основном влияние идей создателей институционализма в США (Т. Веблена, Дж. Коммонса и др.), концепции которых отличаются сильным социологическим акцентом. Ощущается также влияние французского социологического направления в буржуазной политической экономии (Ф. Симиана, Ф. Перу и др.).

В англосаксонской литературе этот подход известен под наименованием «холизм», или «холистичная экономика» («holism» от греческого слова «holos» — весь). Общество (в том числе экономическая система как его часть) нужно рассматривать как совокупность материальных и духовных (культурных и морально-этических) ценностей. В понимании «холистов» экономическая система — это в большей степени социально-культурная система, чем материально-экономическая. Оставим в стороне тот факт, что «экономический холизм» открывает дверь для проникновения агностицизма и идеализма в экономический анализ. Более важным является то, что по существу представители этого направления применяют скорее «избирательный холизм» при осуществляемом «сравнительном анализе». Они выбирают из множества факторов, оказывающих влияние на экономическую систему, те ее элементы, которые им нужны. Так, например, основная институция, определяющая сущность экономической системы, — собственность на средства производства — у неинституционалистов (точнее у некоторых из них) занимает место несущественного фактора при определении различий экономических систем.

Эта группа определений отличается резко выраженной классовой позицией по сравнению с уже рассмотренными двумя группами. Они особенно удобны для «оценки» экономической системы социализма. Последняя рассматривается грубо эмпирически, как совокупность конкретных форм хозяйственного механизма, функционирующих под

влиянием «внешних» институций. В этой «случайной» комбинации факторов культурного, идеологического и политического порядка ведущая роль принадлежит политическим и идеологическим императивам. С позиций идеализма структура и функционирование экономической системы социализма трактуются как волюнтаристское приспособление к требованиям коммунистических партий. Выдвигается тезис о приспособляемости экономической системы к изменяющимся внешним условиям.

Однако требования о приспособляемости системы совершенно противоположны, когда этот принцип относится к основным противоположным экономическим системам — капитализма и социализма. В случае нарушения равновесия с внешними для экономической системы факторами при «рыночной», т. е. капиталистической, системе речь идет об изменениях в рамках существующих основных институций. И наоборот, при «центрально управляемой экономической системе» речь идет об изменениях иного типа — об изменениях самих институций (экономических, политических и т. д.) с целью приспособить их к изменившимся внешним условиям.

В этом заключается основа буржуазной критики экономической системы стран реального социализма, методологическая база разрабатываемых программ об «изменении» социалистического строя под прикрытием лозунга о «модернизации социализма».

Чтобы преодолеть противоречия между различными определениями экономической системы и сделать «более последовательным» оценочный аппарат «сравнительного анализа», строящегося на этих определениях, буржуазные экономисты ввели в общую структуру «компаративистики» разработанные неолибералами категории «идеального» и «реального» типов экономических систем.

Однако в связи с требованиями проявлять гибкость в борьбе с реальным социализмом эти категории превратились для западной экономической науки в «сковывающую кольчугу». Чрезмерно однозначно, чрезмерно ограниченно определялись современные экономические системы как дихотомные (двуполусные) — «чистое рыночное хозяйство» и «централизованное хозяйство» (или «командная экономика»). Как писали советологи, такой подход не давал возможности проводить дифференцированную политику по отношению к отдельным социалистическим странам. Наряду с этим он не соответствовал современному этапу развития государственно-монополистического капитализма, в котором возросла роль буржуазного государства и его решений в хозяйственной жизни. У буржуазных идеологов напрашивался вывод, что разграничение общественных систем капитализма и социализма не зависит только от вопроса: планирование или рынок? ¹

¹ Г. и Д. Пикерсджиль пишут, что цель их труда — преодолеть односторонние характеристики систем и раскрыть их «многомерную комплексность» (Pickersgill G. and J. Contemporary Economic Systems... P. 10).

Буржуазную теорию «идеальных» и «реальных» типов экономических систем можно подвергнуть критике и с позиций общей теории систем. Как подчеркивает В. Г. Афанасьев, целостная система является «совокупностью объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям, компонентам»¹. Отдельные элементы системы во взаимодействии с другими ее элементами оказывают влияние как на последние, так и (в некоторых случаях) на систему в целом. Но эти элементы сами приобретают черты, свойственные целому (системе). Одни и те же с формально-логической точки зрения элементы различных систем обладают различными свойствами, определяющимися качеством этих систем в целом.

В любой системе компонент играет определенную специфическую роль, выполняет определенную функцию. Так, например, использование рыночных рычагов в экономической жизни имеет различные характерные особенности в экономической системе с преобладающей частной собственностью на средства производства и в социалистической системе. Следовательно, в «ползании по спектру», — если мы даже на время примем буржуазную терминологию, — элементы системы изменяют свою сущность и функции, «переходят» от одной системы к другой. В действительности системную характеристику, качество экономической системы в целом можно изменить только революционным путем.

За буржуазной теорией «идеальных» и «реальных» типов экономических систем скрывается присущий буржуазному обществознанию волюнтаризм. «Компаративистика» не в состоянии ответить на вопрос, почему «реальные» типы экономических систем более подвижны, а «идеальные» — статичны, почему первые могут подвергаться эволюции, а вторые неизменны.

2. КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В БУРЖУАЗНОЙ «КОМПАРАТИВИСТИКЕ»

Буржуазная «компаративистика» разработала целую систему критериев для «сравнительного анализа». При этом большинство авторов ратуют за создание категорий и классификационных критериев, независимых от идеологических суждений и оценок. Долгие годы в буржуазной теории ведется дискуссия о способе устранения из сравнительного инструментария тех или иных ценностных суждений, обусловленных идеологическими и политическими системами. В духе позитивизма в буржуазной философии выдвигается лозунг о полной деидеологизации «сравнительного анализа». Но под маской «нейтральности» еще на ранних этапах формирования понятийного

---

¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. С. 24.

аппарата буржуазной «компаративистики» проводился курс на прямую конфронтацию с марксистско-ленинской теорией общественного развития в целях защиты существующего буржуазного строя. Конструирование критериев, позволяющих сравнивать системы с «более высоких» и, следовательно, «более объективных» позиций, является только ширмой, за которой скрываются отрицание экономической системы реального социализма и апология современного государственно-монополистического капитализма.

Обычно каждый автор, подвизающийся в «сравнительном анализе» экономических систем, стремится дать свою схему критериев. Наиболее распространенными в буржуазной «компаративистике» являются системы критериев Купманса и Монтиаса, а также Гроссмана, Г. и Д. Пикерсджилей. Эйдем и Виотти в своей книге «Экономические системы: как распределять ресурсы?» приводят упрощенно сравнительную систему Купманса и Монтиаса, выдавая ее за высшее достижение западной литературы по вопросу о критериях сравнения¹.

Чтобы представить свои теоретические конструкции «идеологически нейтральными», буржуазные «компаративисты» подчеркивают, что нужно преодолеть сравнение «идеальных» типов систем с «реальными» и наоборот во избежание «упрощения и пропагандистского подхода»². И в этой части «компаративистики», однако, за лозунгами о «нейтральности» скрывается стремление предложить такую систему критериев и показателей сравнения, которая облегчила бы «доказательство» преимуществ капиталистической экономической системы.

Самые большие претензии на «нейтральность» предъявляет система сравнительных критериев, созданная Купмансом и Монтиасом. Они утверждают, что предложенный ими инструментарий для сравнения «реальных» экономических систем оценивает последние через призму возможностей достижения целей. Именно поэтому они называют критерии сравнения «нормами», или «оценочными функциями для всех результатов, ожидаемых от некоторых индивидов или групп и представляющих их предпочтения...»³. Из этого определения видно, что Купманс и Монтиас пытаются построить критерии сравнения на основе результатов функционирования экономических систем. Эти результаты, однако, оцениваются в зависимости от интересов и предпочтений субъектов, осуществляющих сравнительную оценку.

Кажущаяся объективность построенного в духе буржуазного позитивизма инструментария окутывается неопределенностью множества возможных субъективных оценок. В основе данной системы сравнительных критериев лежат не объективные цели экономических систем, обусловленные их качественной характеристикой, а субъектив-

¹ Eidem R., Viotty S. *Economic Systems. How Resources are Allocated*. Oxford, 1978. P. 95.

² Ibid. P. 94.

³ *Comparison of Economic Systems*/Ed. by Al. Eckstein. P. 41.

ные ожидания отдельных индивидов или групп о возможной степени достижения той или иной цели системы (также определенной «хозяйствующим субъектом»). «Нейтральность» сводится к тому, что не каждый индивид, оценивающий данную систему, заинтересован во всех ее результатах. Но так или иначе, и положительно, и отрицательно оцениваемые хозяйствующим субъектом «результаты» функционирования системы должны быть учтены при сравнительной оценке. Этот «сильнейший» аргумент в пользу «нейтральности» при более детальном рассмотрении тает в эклектизме буржуазного «сравнительного анализа», что находит выражение в субъективном выборе и классификации критериев.

Наряду с понятиями «норма» и «результат» Купманс и Монтиас вводят понятия «дезидерата» и «индикатор». Положительные ожидания, которые должны быть приняты во внимание при формировании сравнительных критериев, они называют «дезидерата» (лат. *desiderata* — пожелание, в данном случае понимается как желаемый эффект). И снова попадая в плен стремления предложить критерии сравнения, типичные для капиталистического способа производства и соответственно удобные для его восхваления, американские экономисты приводят перечень «важнейших дезидерат».

Купманс и Монтиас (а также Эйдем, Виотти и др.) предлагают использовать следующие сравнительные критерии¹.

Во-первых, уровень потребления товаров и услуг на душу населения. Буржуазные экономисты, называя его «универсальным» критерием, все больше осознают, что сам по себе он скрывает глубокие противоречия. За усредненными показателями «на душу населения» часто скрываются огромные различия в потреблении отдельных групп населения и классовая поляризация.

Во-вторых, «рост потребления на душу населения в результате технического прогресса и накопления физического и человеческого капитала». Этот критерий является динамизированным выражением первого. В большинстве случаев он выражается конкретным индикатором — в западной статистике темпом роста «национального продукта» на душу населения. Под влиянием левого кейнсианства буржуазные «компаративисты» все в большей мере связывают рост потребления с проблемой распределения произведенного продукта. Купманс и Монтиас, однако, относят эту проблему в основном к развитию стран «третьего мира», считая, что достижение более высокого по сравнению с нынешним уровнем потребления в этих странах требует «внутреннего перераспределения» продукта. Снижение жизненного уровня в некоторых развитых капиталистических странах, развившееся в уменьшении реальной заработной платы в период после

¹ Приводим систему сравнительных критериев по труду Купманса и Монтиаса «Об описании и сравнении экономических систем» (*Comparison of Economic Systems*/Ed. by Al. Eckstein. P. 42—47; Eidem R., Viotty S. *Economic Systems: How Resources are Allocated*. Oxford, 1978. P. 94—99).

кризиса 1974—1975 гг., и экономические сотрясения начала 80-х гг. свидетельствуют, однако, о том, что проблема существует и на «развитом Западе».

В-третьих, «эффективность использования ресурсов». Этот критерий сравнения экономических систем обладает, по мнению «компаративистов», самым синтетическим характером. Эйдём и Виотти называют его «критерием стратегической важности в экономическом анализе», Купманс и Монтиас возводят его в специальный ранг в качестве имеющего отношение ко всем другим критериям. Несмотря на это, в буржуазной «компаративистике» агностицизм проявляется сильнее всего в отношении критерия «эффективности» на уровне всего народного хозяйства. Причина этого заключается в том, что буржуазные экономисты пытаются применить этот критерий ко всем экономическим системам, используя типично западное, рыночно-равновесное понимание эффективности.

Связь между экономической системой и концепцией эффективности рассматривается в духе так называемого «оптимума Парето». Эффективной является экономическая система, в которой существует равновесие между производством, ценами и предложением «при сбалансированном росте благосостояния всех членов общества». Это идеал, которого капиталистическая экономическая система, как показала история, не смогла достичь даже кратковременно. Именно поэтому буржуазные экономисты рассматривают критерий «эффективности» скорее как «совершенно общую концепцию» (по выражению Эйдема и Виотти), чем в качестве инструмента, применимого для конкретных сравнений. Недаром Купманс и Монтиас называли эффективность всей экономики «непостижимым идеалом».

В-четвертых, равенство и экономическая обеспеченность индивидов. Это один из самых претенциозных критериев сравнения в буржуазной «компаративистике». Обычно он связывается с понятием экономической свободы. Лозунг «равенства возможностей» выдвигается буржуазными экономистами в качестве основного «преимущества» западной экономической системы. При этом больше внимания акцентируется на возможности достижения «равенства» при распределении условий жизни, чем на реализации этой «возможности». Таким образом, теоретические «преимущества» «идеальной» модели капиталистической экономической системы входят в противоречие с реальными воплощениями этой модели, т. е. с капиталистической действительностью.

В-пятых, состав конечного продукта. Эйдём и Виотти перечисляют следующие компоненты продукта, которые можно принять во внимание при сравнении экономических систем: доля потребления, капитальные вложения и военные расходы в валовом продукте, коллективное и индивидуальное потребление. Купманс и Монтиас подходят более осторожно к определению этого критерия. Они пишут о возможности системы предоставлять социальные услуги и общественные то-

вары (предметы общественного потребления), признавая, что возможностей для достижения этой «дезидераты» на Востоке больше, чем на Западе (т. е. в социалистических странах больше, чем в развивающихся и капиталистических странах). Интересно также отметить, что буржуазные экономисты воздерживаются от применения этого критерия в конкретных исследованиях, потому что результаты его применения говорили бы не в их пользу. В некоторых случаях, когда в целях сравнения пускается в ход показатель «коллективного потребления», в него включают и военное потребление; таким образом потребление отрывается от фактических потребностей людей.

В-шестых, стабильность занятости, доходов и цен. Этот критерий вошел в «компаративистику» в 60-е гг., когда капитализм находился в периоде относительной стабильности. Следующее десятилетие и начало 80-х гг., однако, привнесли резкие изменения в условия капиталистического воспроизводственного процесса. Усилилась его неустойчивость. Буржуазные экономисты начали воздерживаться от поиска «преимуществ» западной экономической системы в стабильности цен и занятости. В итоге критерий «экономической стабильности» занял место скорее в теоретической системе буржуазного «сравнительного анализа» экономических систем, чем в конкретном сравнительном инструментарии.

В-седьмых, способность экономической системы к приспособлению. Выше было уже сказано, что гибкость, возможность эволюционного изменения механизмов экономической системы как реакции на изменяющиеся внешние условия является основным положительным качеством системы согласно институционально-социологическому направлению. Способность к приспособлению лежит в основе процесса развития общественно-экономической системы. И чтобы не оставить и малейшего сомнения в содержании этой позиции, противопоставленной марксистско-ленинской теории революции, Купманс и Монтиас пишут об «обеспечении методического изменения в системе, позволяющего ей приспособиться к изменяющимся обстоятельствам без угрозы ее существенному континитету (преемственности)»¹. Это, по их мнению, является основным критерием оценки возможностей экономической системы. Приспособление без качественного изменения — вот что нужно понимать под отсутствием угрозы «существенному континитету».

Наряду с этими критериями предлагаются и некоторые другие общие и частные критерии сравнения экономических систем. В качестве общего для экономической и политической систем общества преподносится критерий национального могущества². Здесь уже покрывало «нейтральности» продырявлено, и под ним просвечивает неприкрытое стремление «компаративистики» обосновать в качестве критерия по-

¹ Comparison of Economic Systems/Ed. by Al. Eckstein. P. 41.

² Jbid. P. 46.

казатель, выражающий гегемонистские интересы современного империализма. Перебрасывается мост между экономическими возможностями системы и ее политической сущностью¹. Экономическое значение этой дезидераты сводится: к возможностям экономической системы абсорбировать ресурсы для военной подготовки; мобилизовать эти ресурсы в случае военного конфликта. И чтобы оправдать введение этого критерия, упомянутые американские экономисты пишут, что эта дезидерата способна оказать положительное влияние на потребление населения, поскольку некоторые результаты военных научных исследований могут быть использованы в гражданском производстве.

Таким образом, один старый «аргумент» в пользу повышения военных расходов предстает перед нами в новом свете — чуть ли не как возможное преимущество данной экономической системы. Но этот «аргумент» опровергнут самой практикой научных исследований, показавшей, что военные факторы в конечном счете ограничивают гражданский научно-технический прогресс и потребление трудящихся.

В трудах других «компаративистов» предлагается приблизительно тот же набор критериев сравнения экономических систем. Правда, встречаются вариации, в отдельных случаях некоторые критерии упускаются и добавляются другие. Например, Гроссман указывает на следующие критерии сравнения (т. е. результативных возможностей) экономических систем в сравнительном аспекте: производство достаточного количества продуктов и услуг, экономический рост, сопровождающийся повышением благосостояния, стабильность, надежность, эффективность, равенство и справедливость, экономическая свобода, экономический суверенитет, сохранение природы и др.²

Предлагаемая буржуазной «компаративистикой» система сравнительных критериев несет отпечаток общих методологических пороков вульгарной буржуазной политической экономии. Вся буржуазная теория «сравнительного анализа» характеризуется эклектизмом. Множественность и противоречивость при определении сущности и типологии экономических систем неизбежно отражаются на критериях для их сравнения. Предлагаются критерии, различные по классу, виду и порядку. Между ними нет необходимой субординации. Например, в одну систему увязываются критерии, связанные с результативностью системы (величина производства, темп роста), и критерии, отражающие субъективные желания относительно предпочтительных качеств экономической системы (эффективность, стабильность, равенство и т. д.).

---

¹ В США с приходом к власти президента Р. Рейгана и его кабинета критерий «национальное могущество», понимаемый как «военное могущество», приобрел первостепенную важность при определении приоритетов внутренней и внешней политики страны. (US News and World Report. 1981. June 15. P. 24).

² Crossman Gr. Economic Systems... P. 3—14.

В некоторых случаях предлагаются противоречивые друг другу критерии и показатели. Как, например, соединить повышение стандарта жизни членов общества и «повышение национального могущества», выраженного увеличением военных расходов. Хорошо известно, что в конечном счете движение обоих показателей имеет обратный характер. Что касается применения сравнительных критериев для сравнения социалистической и капиталистической экономики, то здесь эклектизм получает самые большие размеры. В каждом конкретном случае выбираются критерии и показатели, которые расцениваются как «самые удобные» с идеологической точки зрения.

Анализ этой части буржуазной «компаративистики» показывает, что она строится на сугубо формализованной основе, закрывающей путь к пониманию реально существующих систем. В определенной степени этот формализованный характер «компаративистики» входит в противоречие с одной из основных идеологических целей, преследуемых ею, а именно с осуществлением гибкой и на первый взгляд реалистической защиты современного государственно-монополистического капитализма. Поэтому в последние годы внутри буржуазного «сравнительного анализа» стихийно возникло критическое отношение к некоторым из предлагаемых основных критериев сравнения.

На границе 70—80-х гг. в буржуазной экономической литературе усилился процесс включения новых сравнительных критериев оценки функциональных возможностей существующих в современном мире экономических систем, особенно в связи с перспективами их развития до конца нашего столетия (т. е. в динамическом аспекте):

Нерешенность проблемы о весе (в статистико-математическом смысле) отдельных критериев в общей сравнительной оценке входит в особенно острый диссонанс с претензиями «компаративистики» служить теоретико-информационной базой «выбора системы». Ранжирование систем по шкале «нехорошая», «хорошая», «более хорошая», «лучшая» невозможно без соответствующего взвешивания различных критериев. В данном случае для нас не столь важен методологический смысл нерешенности проблемы, сколько ее идеологический смысл.

Отдельные страны, классы, социальные группы могут иметь и имеют разные точки зрения относительно основного критерия сравнения. Например, Япония долгие годы давала приоритет критерию экономического роста, оставляя на втором плане повышение жизненного стандарта или охрану окружающей среды. В Швеции до 1976 г. социал-демократы отдавали предпочтение развитию социальных расходов государства и т. д.

Еще больше расхождений отмечается при распределении значимости отдельных критериев в оценке различных классов и социальных групп. Так, интересы пролетариата при осуществлении определенных темпов экономического роста одни (повышение реальной зарплаты, справедливость при распределении произведенного про-

дукта и т. д.), а интересы буржуазии — другие (повышение прибыли, увеличение возможностей для экспансии капитала и т. д.).

Даже внутри класса буржуазии отдельные его группы выражают разные предпочтения в отношении основного критерия сравнения. Монополистическая прослойка, связанная с военным бизнесом, например, явно отдает предпочтение критерию «национального» (военного) могущества, представители гражданских отраслей будут заинтересованы в использовании тех критериев сравнения, которые связаны с развитием гражданского рынка и не ограничивают «свободную инициативу» и т. д. Вообще в классово-антагонистических обществах невозможно достичь единства в отношении определения основного критерия сравнения систем. Это со своей стороны делает практически невозможным получение общей меры или индекса сравнительных «возможностей» обеих экономик как взвешенной суммы стоимостей, полученных по каждому критерию.

Если вместо принципа общего упорядочения критериев по их весу на основе этой шкалы будет принято упорядочение стран по первому важному признаку эффективности системы, снова возникает вопрос: кто определит важнейший признак? ¹ Какова цель функционирования экономической системы? Именно после определения цели экономической системы можно определить и абстрактное понятие «результат» как идеальное, полное достижение объективно поставленной цели. Реальный результат функционирования экономической системы, однако, определяется степенью достижения этой цели. Следовательно, инструментарий для сравнения экономических систем невозможно построить без четкого научного определения объективных целей функционирования системы.

Основной методологический порок буржуазной «компаративистики» состоит в том, что в системе выдвинутых ею критериев отсутствует объединяющая целевая функция всей системы. Критерии сравнения общественной эффективности экономического организма являются у буржуазных авторов производными, вторичными по отношению к целевой функции системы.

Любую систему необходимо рассматривать как целое, как диалек-

---

¹ Видя этот замкнутый круг, Эйдем и Виотти пытаются решить вопрос с помощью теории «спектра» экономических систем. По их мнению, ранжирование признаков можно осуществить двумя крайними способами — плюралистическим и патерналистическим. При плюралистическом способе вес критериев на основе предпочтений получается совершенно стихийным путем — сообразно желаниям индивидуальных членов общества (выраженным через рынок или голосованием). Во втором случае основные критерии определяются государством как выразителем центральной власти общества. В «реальных» экономических системах, пишут Эйдем и Виотти, цели (соответственно критерии) различных экономических систем определяются как комбинация принципов двух крайних полюсов — плюралистического и патерналистического (Eidem R., Viotty S. *Economic Systems...* P. 98—99). Здесь мы снова сталкиваемся с волюнтаризмом буржуазной «компаративистики», заменяющей объективные цели экономических систем субъективной комбинацией централизованно и децентрализованно выраженных желаний.

тическое единство производительных сил и производственных отношений общества. Экономическая система является противоречивым единством компонентов (экономических форм, интересов, стимулов и т. д.), взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств. В соответствии с этим при сравнительной оценке общих возможностей экономической системы необходимо найти обобщающий показатель, выражающий синтетические результаты функционирования системы. Именно этого не в состоянии сделать буржуазная политическая экономия.

Создание системы сравнительных критериев в буржуазной экономической науке оторвано от основного вопроса — наличия теории общественного прогресса. Именно выяснение того, в какой степени та или иная экономическая система содействует или препятствует реализации прогресса общества, естественным путем превращается в синтетический критерий сравнения. Человек как цель и критерий прогресса в конечном счете является тем общим знаменателем, под который можно подвести все остальные критерии и показатели возможностей систем. «Если человек, — писал К. Маркс, — есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*... человеческого проявления жизни»¹.

Все мыслимые и возможные для применения сравнительные критерии в конечном счете связаны с вопросом, в какой степени черты и результаты экономической системы, которые они отражают, содействуют действительному прогрессу общества и личности человека.

В последнем десятилетии в буржуазной экономической науке прокладывает себе дорогу поиск социальных критериев оценки возможностей и перспектив развития экономических систем. Но среди буржуазных авторов наблюдается большое расхождение по вопросу о сущности прогресса, его определении и измерении. Стремление некоторых буржуазных авторов включить больше человеческого элемента в сеть сравнительных критериев, сформированных на базе «неоклассического» понимания «рациональности», сталкивается с объективными целями экономической системы, построенной на частной собственности на средства производства.

Только социалистическая экономическая система, имеющая основной качественной характеристикой общественную собственность на средства производства, создает предпосылки для более полного отражения действительных целей системы. В центре экономической системы находится человек, всестороннее развитие личности, удовлетворение его постоянно растущих материальных и духовных интересов и потребностей, создание условий для целостного применения и реализации его способностей.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119.

Методология технологического детерминизма и вульгарного эволюционизма в буржуазных трактовках современного этапа социально-экономического развития социализма

Широкое применение методологии технологического детерминизма и вульгарного эволюционизма вызвано превращением «индустриализма» в одну из теоретических конструкций, главенствующих в современной буржуазной политической экономии, что убедительно свидетельствует о значительной эволюции методологической базы последней. Современный этап развития социалистической экономики неразрывно связан с бурным развертыванием научно-технической революции.

Он характеризуется колоссальным увеличением масштабов производства, усложнением его структуры, усилением взаимозависимости всех звеньев экономики, созданием мощного производственного, экономического и научно-технического потенциалов. Происходят также глубокие сдвиги в системе общественных потребностей. Усложнение структуры производства и потребностей, исчерпание в основном резервов экстенсивного роста настоятельно требуют перевода экономики на рельсы интенсивного развития, структурной перестройки народного хозяйства, создания адекватного настоящим условиям хозяйственного механизма.

Анализируя изменение экономической ситуации, буржуазные идеологи констатируют, что оно вызвано возрастанием сложности и степени зрелости социалистического хозяйства. Западногерманский экономист Г. Хеман отмечает, что структура советской экономики стала значительно более сложной¹. Голландский советолог В. Кейзер считает главным признаком роста зрелости и сложности советской экономики усиление диверсификации производства и потребностей². Об этом же пишут А. Цауберман (Англия), Г. Раупах, Г. Зайденштейер (ФРГ), Дж. Фейвел, А. Бергсон (США) и другие буржуазные авторы.

В новых условиях стали очевидными кризис методологии традиционных доктрин, невозможность объяснения на их основе социально-

¹ Höhmann H.-H. The Soviet Economy on the Eve of the 12-th Five Year Plan: Developments, Policies, Perspectives. Köln, 1984. S. 25.

² Keizer W. The Soviet Quest for Economic Rationality. Rotterdam, 1971. P. 101.

экономических процессов, характеризующих современный этап социально-экономического развития СССР и других стран социалистического содружества.

Потерпели крах попытки подхода к движению социалистических производственных отношений, их совершенствованию на основе методологии «неоклассического» направления. Все более теряет популярность альтернатива «план или рынок», трактуемая планирование народного хозяйства и товарно-денежные связи как взаимоисключающие начала.

Это заставляет буржуазных теоретиков искать иные приемы критики социализма. Они заимствуются в значительной мере у представителей институционально-социологического направления, которое смогло полнее, чем другие направления буржуазной политической экономии, выразить требования научно-технической революции, ее воздействие на эволюцию современного капитализма и развитие социализма.

В результате происходит перевооружение методологического арсенала идеологии антикоммунизма и ее основного ядра — антисоветизма.

Представители институционально-социологического направления подчеркивают сугубо концептуальный характер выдвигаемых ими моделей «индустриального» и «постиндустриального» обществ, которые служат, по их словам, строго аналитическим целям.

Американский социолог Д. Белл, который ввел в оборот термин «постиндустриальное общество» и является родоначальником «постиндустриализма» как направления современной буржуазной экономической и социологической мысли, пишет: «Идея постиндустриального общества, подобно теории постиндустриального общества... представляет лишь концептуальную схему». И далее: «В аналитических целях вполне допустимо деление обществ на «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное». Белл именует концепцию «постиндустриального» общества одним из «упорядочивающих средств» (ordering devices), позволяющих анализировать изменения социальных структур¹.

Таким образом, «индустриальное» и «постиндустриальное» общества — это абстрактно-теоретические модели, играющие в современной буржуазной политической экономии и социологии роль важного методологического инструмента.

Они призваны, с одной стороны, служить альтернативой марксистско-ленинской методологии анализа исторического процесса; с другой — вооружить буржуазных теоретиков такими подходами, которые адекватны новым условиям социально-экономического развития двух систем.

---

¹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973. P. 114, 116, 119.

1. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ — МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ КРИТИКИ СОЦИАЛИЗМА

Следуя методологии технологического детерминизма на передний план в буржуазном анализе выдвигаются такие общие черты и стороны индустриального производства, которые порождаются научно-технической революцией, диктуются вытекающими из нее общими тенденциями в развитии науки и техники. Теоретики «индустриализма» пытаются вывести непосредственно из этих тенденций единую модель современного общества, одинаково применимую ко всем промышленно развитым странам. Развитие общества происходит согласно этой теории путем автоматической эволюции по мере прогресса технологии. Этот последний термин берется в немарксистской литературе в его широком смысле — он включает технику, собственно технологию, применение науки в производстве.

Американский экономист Ф. Флерон пишет, что технологический детерминизм является одной из наиболее распространенных интерпретаций взаимосвязи технологии и общества. Представители данного направления утверждают, что существует определенная форма внутренней логики современной технологии, которая имеет одинаковые социальные последствия независимо от социально-экономической системы. Наиболее известные его защитники — Д. Гэлбрейт (США) и Ж. Эллюль (Франция). Согласно этой теории, «если принято решение в пользу современной индустриальной технологии, характер социальных последствий определяется императивами технологии»¹.

Австралийский советолог Дж. Вильчински пишет: «Современный капитализм и социализм могут рассматриваться как два типа одного и того же прогрессивного индустриального общества, находящегося на высоком уровне экономического развития. НТП оказывает одно и то же или сходное влияние на все индустриальные общества независимо от их социальной системы»². Характеризуя одну из первоначальных версий теории «конвергенции» — концепцию «оптимальной» или «смешанной экономической системы», выдвинутую голландским эконометриком Я. Тинбергеном, западногерманский неолиберал Г. Вагенер пишет: «Оптимальный режим детерминируется прежде всего технологией»³.

К выводу о возможности и необходимости сочетания централизации и децентрализации, плана и рынка в системе управления социали-

¹ Technology and Communist Culture. The Socio-Cultural Impact of Technology under Socialism. N. Y., 1977. P. 459—460.

² Wilczinski J. Technology in Comecon. Acceleration of Technological Progress through Economic Planning and the Market. L., 1974. P. 365.

³ Wagener H.-J. Zur Analyse von Wirtschaftssystemen. Eine Einführung. Heidelberg. S. 260.

стическим хозяйством приходят и некоторые теоретики ортодоксального либерализма. Так, например, Ф. Хайек писал: «Всякое сложное общество должно использовать оба принципа экономического строя (централизацию и децентрализацию)»¹.

Технологический детерминизм отражает реальные процессы научно-технического прогресса в современном мире. В особенности эти процессы характерны для нового этапа НТР, знаменуемого качественными сдвигами в области микроэлектроники, биотехнологии, лазерной и космической техники. В этих научно-технических достижениях буржуазные идеологи склонны усматривать еще одно доказательство превращения техники и технологии в силу, автоматически преобразующую всю систему общественных отношений. Так, с успехами в области компьютерной техники, обработки и передачи информации связывается возможность трансформации «индустриального общества» (будь то капиталистическое или социалистическое общество) в принципиально новое «информационное общество». Один из авторов теории «информационного общества», примыкающей к концепциям «постиндустриализма», Е. Масуда (Япония) пишет: «Информационная эпоха, которую принесли с собой компьютерная технология и средства коммуникаций, не просто окажет большое социально-экономическое воздействие на современное индустриальное общество; она повлечет за собой общественные перемены такого масштаба, которые вызовут трансформацию современной системы в полностью новый тип человеческого общества, т. е. в информационное общество»².

Возрастание роли научно-технического прогресса подтверждает правильность положения исторического материализма об определяющем воздействии производительных сил в их диалектическом взаимодействии с производственными отношениями на общественное развитие. Как отмечается в Материалах XXVII съезда партии, «научно-технический прогресс, естественно, не может отменить законов общественного развития, его социального смысла и содержания, но он оказывает огромное воздействие на все идущие в мире процессы, его противоречия»³.

В немарксистской литературе недаром встречаются обвинения в увлечении марксизмом по адресу теоретиков «индустриального» и «постиндустриального общества», стоящих на позициях технологического детерминизма. Более того, некоторые из них нередко сами объявляют себя представителями «неомарксистской» экономической мысли. К «неомарксистам» относил себя некогда заметно поправевший в последние годы Белл, который, оставив позиции буржуазного реформизма, эволюционировал к неоконсерватизму. Американские

¹ Цит. по: Wagner T. Gründe und Folgen unvollständiger Planung und Lenkung. Frankfurt a. M., 1982. S. 152.

² Masuda J. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981. P. 59.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 10.

политологи З. Бжезинский и С. Хантингтон, пользуясь излюбленным приемом противопоставления марксизма ленинизму и опыту социалистического строительства в СССР, объявляют теорию «конвергенции» «антисоветским марксизмом». Ибо эта теория будто бы подобно марксизму предполагает, что динамизм производительных сил, обуславливаемый развитием технологии, влияет на социальную структуру, которая в свою очередь определяет политическую и идеологическую надстройку¹.

Коренное отличие технологического детерминизма от исторического материализма состоит в том, что первый опускает во взаимодействии производственных отношений и производительных сил его решающее звено — производственные отношения. Стоящие на позициях технологического детерминизма буржуазные идеологи готовы заимствовать у марксизма положение об определяющей роли производительных сил в общественном развитии, игнорируя при этом производственные отношения.

Один из родоначальников теории «индустриального общества» французский социолог и экономист Р. Арон призывал вовсе отбросить категорию «производственные отношения». Он писал, что даже марксисту нетрудно применить старое понятие индустриального общества, возрожденное после второй мировой войны явлениями, общими всем индустриальным странам — западным или советским. «Нужно только сохранить идею производительных сил как определяющего фактора, пожертвовав производственными отношениями»².

Белл писал, что социологическая мысль на Западе после Маркса якобы подразумевала его схему, но пошла в другом направлении. В концепциях буржуазных социологов производительные силы (техника) вытеснили общественные отношения (собственность) с места главной оси общества, и отсюда возникла концепция индустриального общества³.

Между тем в марксистско-ленинской политической экономии производительные силы выступают как экономическая категория лишь в неразрывном единстве с производственными отношениями, определяющими их общественную форму. К. Маркс писал, что «машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг»⁴. Применение же машин протекает в исторически определенных социально-экономических условиях и поэтому служит предметом политико-экономического анализа. «...Фабрика, основанная на употреблении машин, — указывал К. Маркс, — есть общественное отношение производства, экономическая категория»⁵.

¹ Ludz P. *Convergence//Marxism, Communism and Western Society*. 1972. V. 2. P. 210.

² Aron R. *18 Lectures on Industrial Society*. L., 1968. P. 3.

³ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. P. 79—80.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 405.

⁵ Там же. Т. 4. С. 152.

Отрицая необходимость анализа производительных сил в единстве с производственными отношениями, буржуазные экономисты и социологи, стоящие на позициях технологического детерминизма, выдают относительную самостоятельность движения каждой из сторон этого единства и известную его эластичность за отсутствие диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений. По словам австралийского экономиста Т. Легата, исходным пунктом теории «индустриального общества» Арона является разрыв полагаемой Марксом каузальной связи между производительными силами и производственными отношениями. «Разделив отдельные аспекты развития экономической системы, которые Маркс связал каузальной зависимостью, Арон пришел к характеристике индустриального общества»¹.

В учении основоположников марксизма о способе производства взаимосвязь производительных сил и производственных отношений не сводится к каузальной, т. е. причинно-следственной, зависимости производственных отношений от характера и уровня развития производительных сил. В этом диалектическом взаимодействии активную роль играют производственные отношения, ускоряя или замедляя развитие производительных сил, раздвигая или сужая его возможности и границы.

Как указывается в тезисах Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, подготовленных для международной теоретической конференции «Научно-техническая революция и углубление экономических и социально-политических противоречий капитализма на современном этапе», «в основе концепции индустриализма лежит методологический прием «раздвоения» общественной системы производства на производство как таковое, подчиненное логике универсальных «императивов индустриализма», и «институты» как воплощение социального строя производства. Наука и новая технология предстают в этой схеме в роли самодовлеющих автономных сил, определяющих ход и направление социально-экономической эволюции. При этом институциональная система оказывается чем-то внешним по отношению к производству; она адаптируется в соответствии с его изменяющимися условиями»².

Анализ техники и технологии в отрыве от производственных отношений, игнорирование последних обуславливают отрицание социально-экономического характера производительных сил, т. е. специфики их функционирования, структуры и движения, в условиях капитализма и социализма. Между тем исторически определенные производственные отношения и управляющие ими законы определяют специфические цели применения техники и технологии. Современная научно-

---

¹ Legatt F. The Evolution of Industrial Systems. The Forking Paths. Sydney, 1985. P. 13, 14.

² Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 6. С. 54.

техническая революция ведет к различным социально-экономическим последствиям в рамках противоположных экономических систем: капитализма и социализма. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «в разных общественно-политических системах научно-техническая революция оборачивается разными ее гранями и последствиями. Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных»¹.

В 1985 г., хотя экономика многих высокоразвитых стран капитализма находилась в стадии подъема, общая численность только официально зарегистрированных безработных составила 28,5 млн. человек, что на 12 млн. больше, чем в 1978 г., т. е. на соответствующей стадии предыдущего цикла². В Западной Европе армия «лишних» людей достигла рекордного за послевоенное время уровня — 16,7 млн. человек. При этом продолжали возрастать средние сроки поиска нового рабочего места и увеличивался удельный вес длительно безработных. Хотя удельный вес молодых людей (16—24 лет) в экономически активном населении развитых капиталистических стран не превышает одну пятую, среди безработных они составляют 40%³.

В нынешних условиях безработица в гораздо большей степени, чем прежде, связана с конфликтом между новой структурой спроса на рабочую силу и ее предложением, сложившимся при старом разделении труда. Это особенно наглядно проявляется в выталкивании из производства неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, не имеющих образования, отвечающего современным требованиям. Такие рабочие составляют преобладающую часть армии безработных.

В ведущих странах капитализма усиливается противоречие между огромными потенциальными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества. Большая часть открытий науки и колоссальные материальные ресурсы обращаются на военные цели. Милитаризм не только обращает науку и технику против человека, но и снижает их производительную отдачу. В США ассигнования на военные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки увеличились с 1980 по 1985 г. на 250%, тогда как на науку в целом — лишь на 75%. В 1985 г. ассигнования на военные НИОКР составили свыше 63% общих ассигнований на эти цели, а запрошенные на 1986 финансовый год — свыше 68%⁴.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 9.

² Данные относятся к государствам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития, объединяющую 24 страны.

³ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения». М.: Правда, 1985. С. 91, 92.

⁴ Chemical and Engineering News. 1985. Feb. 18. P. 13.

В социалистических производственных отношениях заложены возможность и необходимость всемерного использования достижений научно-технической революции в интересах всего общества. Социализму свойственны преимущества планового развития науки и техники, концентрации ресурсов на главных их направлениях, планового внедрения достижений науки и техники в производство. Как отмечается в Материалах XXVII съезда КПСС: «Социализм обладает всем необходимым для того, чтобы поставить современную науку и технику на служение людям. Но было бы неверно полагать, что научно-техническая революция не выдвигает проблем и перед социалистическим обществом»¹.

И в социалистических странах научно-техническая революция также предъявляет новые быстрорастущие требования к профессионально-квалификационному уровню работников. Она диктует необходимость изменения профессионально-квалификационной структуры занятых, высвобождения и перераспределения рабочей силы между предприятиями, отраслями и сферами народного хозяйства, обеспечения сбалансированности между наличной рабочей силой и создаваемыми рабочими местами и т. д.

Коренное преимущество социализма перед капитализмом состоит в том, что первый гарантирует занятость всего трудоспособного населения в общественном производстве и, следовательно, обеспечивает каждому работнику уверенность в завтрашнем дне. Это преимущество реализуется путем планомерной подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы в соответствии с потребностями народного хозяйства и работников социалистического производства. Для того чтобы эти важнейшие социальные достижения социализма не вступали в противоречие с осуществляемым на современном этапе переводом народного хозяйства на путь интенсивного развития, с требованием повышения экономической эффективности, необходимо перестроить весь хозяйственный механизм. Его неотъемлемой составной частью должны стать специальные экономические формы и методы, регулирующие распределение и перераспределение трудовых ресурсов, подготовку и особенно переподготовку рабочей силы.

На основе методологии технологического детерминизма конкретные социально-экономические явления и процессы в их поверхностных формах, а также формы общественного сознания выводятся непосредственно из требований технологии, минуя глубинные производственные отношения, и прежде всего отношения собственности на средства производства. Западнгерманский представитель левого радикализма Г. Глесснер, анализируя термин «индустриальное общество», делает вывод, что «технология и ее организация рассматриваются в этих теориях как доминирующий элемент в противоположность структуре собственности, так что последнюю можно

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 10.

в значительной степени игнорировать. Гипостазирование роли техники (т. е. трактовка последней как самодовлеющей силы. — *Авт.*) в большинстве концепций индустриального общества обуславливает неправильное сведение общественной системы потребностей к технологическим процессам, которые в грубой механистической манере связываются с изменением политической системы. Отношения собственности и определяемые ими различные формы частного и общественного присвоения считаются теряющими значение»¹.

Известно, что в одном из наиболее ранних вариантов «индустриализма», развивавшемся Гэлбрейтом, планирование, взятое в отрыве от господствующей формы собственности, провозглашалось императивом самой технологии. В результате отождествлялись принципиально различные формы экономического управления: внутрифирменное планирование, частномонополистическое и государственно-монополистическое регулирование, с одной стороны, и социалистическое планирование народного хозяйства — с другой.

Защитники технологического детерминизма изображают технику как автономную силу, подменяющую собой политику и мораль. Французский экономист и философ Ж. Эллюль, оказавший, по словам Д. Белла, наиболее сильное влияние на формирование этого течения современной мысли, обожествляет технику как господствующий принцип общества. Эллюль считает, что «технология в силу своей власти одерживает верх над правительством. Теоретически наши политики находятся в центре прогресса техники, но фактически они все более устраняются им... Техника представляет собой новую мораль, которая заменяет собой и хорошее, и плохое, и она имеет такую власть и автономию, что в свою очередь стала сама ... создателем новой морали»².

В теориях «сверхиндустриальной цивилизации» и «третьей волны» социолога Э. Тоффлера (США), в теории «информационного общества» непосредственно из технологии выводится необходимость новых децентрализованных форм экономического и политического управления³. Председатель японской компании «Ниппон дэнки» Т. Сэкимото, сторонник теории «информационного общества», утверждает, что «растущая изощренность компьютерных систем и расширение их применения наряду с другими важными технологическими процессами, особенно в сфере коммуникаций, закладывает фундамент для индустриального общества нового типа. Технология не только изменяет цивилизацию, но и создает новую, характерными чертами которой являются дестандартизация, гибкость, коллективизм, децентрализация, оптимизм и диверсификация власти»⁴.

¹ Glässner Q.-J. Sozialistische Systeme: Einführung in die Kommunismus und DDR—Forschung. Düsseldorf, 1982. S. 133.

² Bell D. The Winding Passage. P. 27.

³ Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 210.

⁴ Цит. по: Иконникова Г. Оптимистическая волна социологии «технологического детерминизма»//Мировая экономика и международные отношения. 1985. № 2. С. 105.

Воздействие современной научно-технической революции на конкретные экономические процессы, например на сдвиги в структуре народного хозяйства и в профессионально-квалификационной структуре занятости, на структуру потребления, на формы экономического управления, на различные другие социальные явления и процессы опосредовано производственными отношениями, и прежде всего отношениями собственности на средства производства. Поэтому анализ таких общих черт капиталистического и социалистического общества, как увеличение масштабов и усложнение структуры народного хозяйства, научная организация производства и труда, использование централизованных и децентрализованных форм экономического регулирования, диверсификация производства и дифференциация потребностей должен выявить их специфику в рамках различных экономических систем. Это значит, что он должен вестись не в отрыве от производственных отношений, а в неразрывном единстве с ними.

Так, лишь через производственные отношения связаны с НТП формы и методы хозяйствования и экономического управления. Сущность конкретных форм экономической централизации и децентрализации, их сочетание определяются в различных экономических системах развитием исторически определенной системы производственных отношений, и в первую очередь отношений собственности на средства производства.

Как экономическая централизация, так и хозяйственная самостоятельность низовых производственных звеньев — неотъемлемые элементы механизма экономической реализации государственной (общенародной) собственности на средства производства. В то же время их конкретное сочетание различно в силу ряда объективных и субъективных условий на различных этапах развития социалистической экономики. Расширение экономической самостоятельности и ответственности объединений и предприятий — важнейший компонент научно обоснованной стратегии ускорения социально-экономического развития и СССР, и НРБ. Диктуемое требованиями кардинального ускорения НТП и повышения эффективности общественного производства расширение свободы и гибкости в принятии решений на уровне низовых хозяйственных звеньев осуществляется в специфически социалистических, хозрасчетных формах, представляющих структурные формы движения государственной (общенародной) собственности.

Принципы полного хозрасчета, самофинансирования, самоуправления основных звеньев народного хозяйства нашли правовое закрепление в проекте Закона СССР о государственном предприятии (объединении). Закон углубляет централизованные начала в решении важнейших задач развития народного хозяйства как единого целого и в то же время наделяет низовые ячейки общественного производства широкими правами для осуществления их деятельности, решения всех производственных и социальных вопросов.

Составной частью методологии технологического детерминизма является тезис о «единой логике индустриального развития», согласно которому научно-технический прогресс определяет сходство сопутствующих ему социально-экономических форм — институтов в рамках различных общественно-экономических систем. Этот тезис включает, во-первых, положение о «нейтральном характере логики развития науки, техники и технологии». Внутреннюю логику научно-технического развития буржуазные теоретики объявляют нейтральной, т. е. полностью независимой от общественно-экономического строя, и, следовательно, одинаково разворачивающейся в принципиально различных экономических системах. По словам П. Уайлза, технический прогресс оставляет для политиков простор в установлении различных экономических систем (имеются в виду экономические системы как в широком, так и в узком смысле слова, т. е. хозяйственные механизмы. — *Авт.*), поскольку известно, что технические знания не различаются при социализме и при капитализме ¹.

Между тем наличие общих тенденций развития науки, техники, технологии, прокладывающих себе дорогу в рамках различных экономических систем, отнюдь не означает, что они реализуются безотносительно к господствующим производственным отношениям. Тезис о полностью нейтральном характере логики техники и технологии основан, как уже указывалось, на вытекающем из методологии технологического детерминизма игнорировании социальной направленности НТП, специфических в рамках каждой системы социальных критериев, предъявляемых к развитию науки и техники.

Тезис об «единой логике индустриального развития» включает, во-вторых, положение о существовании в условиях единого для всех стран прогресса науки и техники «общей логики развития институтов».

Уайлз усматривает внутреннюю необходимость «конвергенции» экономических систем в узком смысле, т. е. хозяйственных механизмов, наряду с процессами НИОКР в «собственной логике институтов» ².

Будучи конкретной формой проявления как производственных, так и иных социальных отношений, т. е. и базисных, и надстроечных, институты, как и производительные силы, их в конечном счете определяющие, носят специфический характер. Являясь «кирпичиками», из которых складывается все здание исторически определенной общественно-экономической формации, каждый из них несет на себе печать данной формации. А это значит, что тезис о «собственной логике институтов» действует только в рамках одной формации. Это полностью относится и к экономическим формам, общим нескольким формациям. Их развитие, хотя и имеет некоторые общие черты, определяется

---

¹ Wiles P. *Economic Institutions Compared*. Oxford, 1977. P. 559.

² Ibid. P. 551, 555.

спецификой социально-экономического содержания, выражаемыми ими специфическими производственными и иными социальными отношениями.

Следовательно, можно говорить, да и то весьма условно, учитывая специфический характер развития производительных сил в каждой общественно-экономической формации, о существовании лишь общей логики технического развития. Это не означает, что существует и общая логика индустриального развития, если понимать последнее как развитие социально-экономическое. Не может служить аргументом в пользу существования такой логики и наличие некоторых сходных признаков капиталистического и социалистического процессов производства.

Индустриальное развитие СССР осуществляется в исторически определенных социально-экономических условиях, в системе социалистических производственных отношений. Совершенствование данной системы на современном этапе предполагает укрепление и приумножение общественной собственности на средства производства, являющейся основой экономической системы социализма. «Предстоит и дальше повышать уровень обобществления производства, его планомерной организации, неуклонно улучшать формы и методы реализации преимуществ и возможностей общенародной собственности»¹.

Формирование подлинно хозяйского отношения к социалистической собственности, все более полное использование возможностей кооперативной собственности, совершенствование распределительных отношений, отношений в сфере обмена и потребления, изменение направленности хозяйственного механизма, преодоление его затратного характера и ориентация его на повышение качества и эффективности, ускорение научно-технического прогресса, усиление роли человеческого фактора — таковы основные процессы, которые будут характеризовать специфику развития системы социалистических производственных отношений в двенадцатой и тринадцатой пятилетках.

Таким образом, с помощью технологического детерминизма невозможно раскрыть сложное взаимодействие научно-технического, экономического и социального прогресса общества. Провозглашая тезис о непосредственном определении техникой, технологией, наукой форм социально-экономического устройства, теоретики «индустриализма» упрощают диалектику этого взаимодействия и тем самым извращают ее.

В немарксистской экономической и социологической литературе технологический детерминизм подвергается критике с различных позиций. Характеризуя этот методологический принцип с леворадикальной точки зрения, американский экономист А. Финберг пишет:

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 146.

«Определение технологии, в котором механические условия производства абстрагируются от труда, расходится с реальным экономическим опытом. Абстрагированная и гипостазированная технология как независимый и определяющий фактор соответствует понятиям, на которых базируется наш собственный мир. Но это культурные предпосылки, некритически заимствованные у структуры капитализма»¹. Выступающий с тех же позиций Глесснер отмечает, что «теория индустриального общества слишком упрощенно оперирует исключительно технико-технологическими категориями»².

Справедливо указывая на отрыв технологии от социально-экономических отношений, эта критика технологического детерминизма рассматривает определяющую роль технологии (т. е. производительных сил. — *Авт.*) в движении способа производства не как общесоциологический закон, а как особенность развития современного — как капиталистического, так и социалистического — общества в условиях НТР.

Сторонник теории «программируемого, или информационного, общества» известный французский социолог А. Турэн критикует технологический детерминизм с позиций реформизма социал-демократического толка. Он пишет: «В действительности идея, что технология командует обществом, неправильна... Это значит, что наше общество не определяется непосредственно используемой им техникой. Не атомная энергетика требует централизованного и авторитарного управления обществом, не общество плутония должно быть обязательно полицейским, а власть мощного аппарата принятия решений определяет характер энергетической политики»³.

Несостоятельность подхода к социализму с позиций технологического детерминизма признается и отдельными представителями институционально-социологического направления. Так, относящийся к его левому крылу Хейлбронер заявляет, что этот методологический принцип должен быть «согласован с тем фактом, что сама деятельность в области изобретений и нововведений служит атрибутом данного, а не какого-либо иного общества. Очевидно, направление технологического прогресса в известной мере само зависит от вознаграждения и стимулов, т. е. частично является результатом социальной политики. Прогресс технологии должен быть также совмещен с существующими экономическими и другими институтами общества»⁴.

Как сомнительные нередко оцениваются в буржуазной литературе и попытки вывести из императивов техники и технологии производства некую «общую внутреннюю логику индустриализма». Ряд авторов

¹ Feenberg A. Transition or Convergence: Communism and the Paradox of Development — Technology and Communist Culture. P. 100.

² Glässner G. Op. cit. S. 133.

³ Touraine A. Se retour de l'acteur. Essai de Sociologie. P., 1984. P. 229, 231.

⁴ Heilbroner R. Do machines make history? // Technology and Human Affairs/Ed. by Hickmann G. and Al'Hibri. St. Louis, 1981. P. 415.

подчеркивают, что эти попытки чреваты опасностью общих мест и тавтологий¹.

Пытаясь восполнить недостающее звено в интерпретации механизма взаимодействия технического и социального прогресса на основе методологии технологического детерминизма, буржуазные теоретики говорят о «мягком детерминизме». «Мягкий детерминизм» вводит в качестве звена, опосредствующего развитие технологии и социальных отношений, категорию «организационные изменения». Он исходит из того, что развитие новых технологий ведет к изменению социальной организации и ценностей путем создания новых возможностей для человеческого действия².

Но и «мягкий детерминизм», поскольку он игнорирует глубинные производственные отношения, не дает правильного толкования взаимосвязи технического и социального развития. Это видно на примере определения места в этой взаимосвязи организационных отношений. Противоречивость данного определения заключается в том, что организационные отношения, с одной стороны, включаются в состав технологии, а с другой — рассматриваются как определяющий элемент социально-экономической системы. Так, американский социолог Х. Брукс считает прогресс в области организации производства важнейшей составной частью научно-технического прогресса. «Очевидно, — пишет он, — что экономический рост происходит главным образом в результате воплощения новых знаний как в вещественном капитале, так и в рабочей силе и в организации. В этом смысле нововведение состоит в создании социотехнических систем. И именно эти системы являются источником экономического роста». И далее: «Нововведение включает организационные изменения и создание системы производства и сбыта того или иного имеющего важное значение продукта в широком масштабе»³.

Как явствует из этих рассуждений, относя развитие организационных отношений к важнейшим нововведениям в области технологии в широком смысле, буржуазные теоретики одновременно кладут его в основу создания новой социальной или «социотехнической системы». С помощью категории «организационные изменения» и в соответствии с методологией технологического детерминизма социальные отношения непосредственно выводятся из технологии; производственные отношения подменяются отношениями организационными.

Марксистско-ленинская политическая экономия рассматривает организацию производства как элемент производительных сил, включает прогресс в этой области в общий процесс развития последних.

---

¹ Turner B. *Industrialism*. Harlow, Essex, 1975. P. 57.

² Mesthene E. *How Technology will Shape the Future*//Science, Technology and National Policy/Ed. by F. G. Kuehn, A. Z. Porter. Ithaca and L., 1981. P. 58.

³ Brooks H. *Technology, Evolution and Purpose*//Science, Technology and National Policy. P. 37—38.

В этом смысле организация производства действительно служит фактором развития социально-экономического строя. Организационные отношения как таковые, являясь отношениями между людьми в процессе производства, составляют неотъемлемый элемент системы производственных отношений, определяемый характером и способом соединения рабочей силы со средствами производства, т.е. отношениями собственности на средства производства.

Однако было бы неправильно трактовать эти общие методологические положения в духе отрицания важной роли организационных отношений в социально-экономическом развитии стран социализма. Как указывалось на XXVII съезде КПСС, «крупным недостатком в работе по совершенствованию управления в недавнем прошлом была недооценка значимости роли организационных структур в повышении эффективности хозяйствования»¹. Улучшение механизма экономической реализации общественной собственности — расширение прав и ответственности низовых хозяйственных звеньев, повышение роли трудовых коллективов в использовании общественной собственности, перевод их на подлинный хозрасчет — требует широкого развития прогрессивных форм организации производства на всех его уровнях. Это подрядные формы организации производства и труда, формирование комплексов взаимосвязанных отраслей, научно-технических центров, разнообразных хозяйственных объединений, территориально-производственных образований, обеспечивающих эффективную специализацию и кооперирование производства.

В отличие от монизма исторического материализма технологический детерминизм эклектически сосуществует в теориях «индустриального общества» с плюралистическим подходом. Буржуазные социологи и экономисты выдвигают плюрализм в качестве одного из ведущих принципов «индустриализма». Здесь он имеет тройкий смысл: служит чертой методологии; прокламирует возможность существования ряда форм «индустриального общества», а также взаимодействия множества сил и интересов в социальной структуре «индустриального общества».

В методологическом плане плюрализм в противовес технологическому детерминизму, предполагающему примат техники и технологии как детерминант исторического развития, означает многофакторный подход.

Обосновывая необходимость последнего, буржуазные теоретики ссылаются на чрезвычайную сложность природы «индустриализма», обуславливающую тщетность попыток объяснить ее на основе одного главного фактора или основного принципа. «На различных стадиях развития индустриализма, — пишет английский социолог Б. Тернер, — сначала экономические, затем технические, политические и социальные факторы могут по очереди становиться решаю-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 252.

щими в определении следующего поворота событий». Более полное понимание природы «индустриализма» требует поэтому, по его словам, комбинации методов исследования всех социальных наук¹.

Разумеется, научный анализ социально-экономических процессов предполагает использование комплекса приемов, в том числе разработанных различными отраслями современной науки об обществе. Однако объективной субординации факторов, определяющих ход общественного развития, соответствует субординация методов исследования. В арсенале методологического инструментария исторического материализма примат принадлежит способу производства.

Глубокая внутренняя непоследовательность и противоречивость, вытекающие из комбинации взаимно исключаящих принципов, ярко проявились в теории «постиндустриального общества» Белла. Методологической основой этой теории служит так называемый осевой принцип, означающий отказ от социально-исторического монизма. «Я не верю в то, — пишет Белл, — что общество органично, что оно составляет одно целое и что поэтому его можно анализировать как единую систему...»²

Белл видит смысл членения общества на «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное» в применении различной методологии к анализу каждого из этих обществ³. Он считает также, что анализ отдельных сфер общества и отдельных конкретных проблем требует использования различных «осевых принципов»: «Я верю, что основные типы или сферы общества могут быть изучены путем идентификации осевых институтов или принципов, являющихся основными линиями, на которых лежат другие институты»⁴.

В конструкциях «постиндустриализма» технологический детерминизм соседствует с плюрализмом, вытекающим из тезиса о применимости различных теоретических подходов («осевых принципов») к изучению отдельных типов общества и его сфер соответственно их различным регуляторам. Если технологический детерминизм означает отрицание специфики развития производительных сил структурных народнохозяйственных сдвигов и социально-экономических процессов в рамках различных экономических систем, то методология плюрализма, основанная на абсолютизации самостоятельности движения различных сфер и процессов, ведет к релятивизму — разрыву единой социальной реальности. Методологический плюрализм подменяет примат базиса в диалектическом единстве базисных и надстроечных отношений, примат производительных сил в движении способа производства принципом их всеобщего взаимодействия. По-

¹ Turner B. Industrialism. L. 1975. P. 6, 7.

² Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. P. 114. Некоторые авторы, например Глесснер, рассматривают применение осевого принципа «как форму осуждения» Беллом методологии технологического детерминизма (Glässner G. Op. cit. S. 133).

³ Bell D. Op. cit. P. 116.

⁴ Ibid. P. 115.

этому он не может дать правильное объяснение движущих сил экономического развития общества, делает невозможным научный анализ социально-экономического развития социализма.

2. ВУЛЬГАРНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВКАХ СОЦИАЛИЗМА

Пытаясь противопоставить марксистско-ленинской теории общественного развития свою концепцию социального прогресса, представители институционально-социологического направления рассматривают экономические явления и процессы с позиций вульгарного эволюционизма. Последний проявляется в попытках членения социально-экономического развития общества на основе чисто количественных критериев, подмене анализа движущих сил экономического развития, глубинных общественно-производственных отношений технико-экономическими характеристиками.

Вульгарный историзм и эволюционизм лежат в основе такой, например, разновидности идеологии «индустриализма», как теория «стадий экономического роста» в ее различных вариантах. На социально-экономическое развитие СССР и других стран социалистического содружества механически накладываются схемы стадий роста, которые якобы непременно проходят все страны, вставшие на путь индустриального развития независимо от экономического устройства.

Согласно одной схеме современная социально-экономическая структура СССР изображается как совокупность институциональных форм, соответствующих «ранней фазе индустриального развития», расцвет которой датируется в СССР серединой 50-х гг. В другой схеме она объявляется адекватной стадии «сложившегося индустриального общества». При этом сдвиги в технической, производственной, экономической и социальной структурах, знаменующие достижение степени зрелости, характерной для стадии «индустриального общества», именуются «модернизацией». Эквивалентом этого термина в марксистско-ленинской общественной науке якобы служит категория «научно-техническая революция»¹. «Модернизация» как становление и развертывание «индустриального общества» считается общим процессом для всех промышленно развитых стран, наиболее далеко зашедшим в странах Запада и приведшим их на стадию «постиндустриального общества». Динамика экономических систем капитализма и социализма рассматривается как его составная часть.

Советологи пишут, что «ключевое место в НТР занимает идущий ощупью процесс адаптации советской элиты к сдвигам... связанный

---

¹ Slavic Review. Winter 1982. P. 728.

с попытками приспособить централизованную систему к современным условиям». Важным следствием «сайентификации» социалистического общества объявляется характерное для «индустриального общества» «узаконение меритократических принципов господства», т. е. усиление роли специалистов в принятии решений¹.

Примером подмены специфического процесса развития системы социалистических производственных отношений в условиях современного этапа научно-технической революции «модернизацией», свойственной якобы всем странам, может служить трактовка совершенствования системы экономического управления в странах социалистического содружества. Буржуазные идеологи рассматривают перестройку хозяйственного механизма в условиях перехода к преимущественно интенсивному экономическому росту как катализатор «модернизации», ускоряющий реализацию таких императивов «индустриализма», как демократизация принятия решений, рост благосостояния, социально-экономический плюрализм. Американский экономист А. Корбонски утверждает, что «экономические реформы в восточно-европейских странах можно рассматривать как независимую переменную, влияющую на процесс политической и социальной модернизации путем расширения участия в принятии решений, упора на экономическое благосостояние и усиления политического и экономического плюрализма»².

Действительно, для современного этапа развития экономики СССР и других стран социалистического содружества характерно выдвижение на передний план огромной по своим масштабам и сложности задачи глубокой реконструкции народного хозяйства на основе новейших достижений науки и техники. Техническое перевооружение производства, модернизация производственного аппарата являются основными звеньями стратегии ускорения социально-экономического развития.

Выражающая некоторые общие тенденции развития науки и техники техническая реконструкция народного хозяйства не может рассматриваться лишь как частный случай общего процесса «модернизации», свойственного всем индустриально развитым странам, ибо она представляет собой коренное преобразование производительных сил, которое осуществляется в единстве с совершенствованием системы социалистических производственных отношений. В этих специфических процессах проявляется объективная необходимость более полной реализации преимуществ социалистической собственности, оптимизации системы экономических интересов, радикальной перестройки хозяйственного механизма на путях эффективного сочетания централизма и самостоятельности хозяйственных звеньев, плана и товарно-денежных отношений, углубления социалистического само-

---

¹ Slavic Review. Winter 1982. P. 728.

² Garmisch-80. Garmisch-Partenkirchen. 1980. P. 385.

управления. Не случайно английские исследователи НТП при социализме Р. Аманн, Д. Купер и Р. Дэвис подчеркивают, что рассматриваемая периодизация не может служить базой для анализа НИОКР в СССР. «Ответ на вопрос об относительной эффективности советской системы НИОКР, — пишут они, — зависит в значительной мере от того, к какой фазе экономического развития ее отнести. Ибо о преимуществах и слабостях систем можно говорить только, если рассматривать их на одинаковой стадии развития. Тогда встает вопрос о выделении таких фаз. Уровень технологии означал бы тавтологию. Индекс доли занятых в обрабатывающей промышленности и продукции на душу населения, хотя и более подходит, не отражает некоторых важных институциональных факторов»¹.

Несостоятельность вульгарно-эволюционного подхода к периодизации социально-экономического развития особенно отчетливо видна в работах представителей «обобщенной экономической науки». Рассматривая капитализм и социализм как две разновидности «индустриального общества» или «обобщенной экономики», они выделяют в качестве особого раздела политической экономии «обобщенную», или «фундаментальную экономическую науку». Предметом последней объявляются единые основные функции и механизмы, якобы свойственные всякой рационально организованной экономике и действующие в различных системах в рамках отличных друг от друга или сходных институтов. По словам французского экономиста В. Андрефа, эта «гипотеза исходит из того, что противоположные институты служат выполнению общих и несводимых экономических функций двух систем»².

Рассуждая в духе теоретиков «обобщенной экономической науки», английский экономист Д. Вайнс пишет: «Проблемы, стоящие ныне перед мировой экономикой, в принципе не новы. Они неизмеримо более сложны, но все еще остаются более поздним и специфическим проявлением фундаментальных экономических проблем конкуренции между индивидами и обществами за использование редких ресурсов. При анализе всех стадий экономической истории — от каменного до атомного века — мы используем все те же понятия — коллективные действия, конкуренция, конфликты, принуждение, заговоры, внешний эффект, обмен, неравенство — для объяснения человеческого поведения. В абстрактных терминах поэтому вопросы остаются старыми»³.

Буржуазные идеологи широко применяют в трактовке развития социально-экономической структуры социализма ту схему стадий экономического роста, в которой эти стадии вычленяются по критерию внутреннего валового продукта на душу населения или доли за-

¹ Amann R., Cooper J., Davies R. The Technological Level of Soviet Industry. New-Haven, 1977. P. 33.

² Andreff W. Vers une theorie de la congruence des systemes // Travail et monnaie en systeme socialiste. P., 1981. P. 292.

³ Whynes D. Comparative Economic Development. L., 1983. P. 317.

нятых в обрабатывающей промышленности. Таким способом выделяли стадию «индустриального общества» Арон и представители так называемой «обобщенной экономической науки» во Франции Ф. Перру и П. Рейно.

Разумеется, ранжирование стран по такому критерию, как величина общественного продукта в целом и на душу населения, имеет резон и представляет безусловный интерес. Оно дает сравнительную количественную характеристику достигнутого уровня развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер, экономической мощи страны. Но эта группировка должна быть дополнена анализом исторически определенных отношений собственности на средства производства, форм экономического регулирования, механизма накопления и других коренных устоев различных способов производства. В концепциях «индустриального общества» такому анализу отводится второстепенное место, ибо социально-экономические признаки и формы производства считаются в них «подвидовыми», т. е. вторичными. «Видовыми», т. е. первичными, чертами «индустриального общества» объявляются главным образом его количественные технико-экономические характеристики.

«Обобщенная экономическая наука» использует для градуирования шкалы индустриального развития метод «порогов». «Порог», означая, по словам Рейно, прерывность, «оставляет место для непрерывности и общности»¹. Этот метод предполагает выделение критических точек экономического развития, при которых происходят резкое изменение масштабов и структуры народного хозяйства, экономического механизма и соответствующая им перестройка образа жизни, обновление психологии и культурных ценностей, развитие человеческой личности.

Сторонники «обобщенной экономической науки» выступают с периодизацией экономической истории, построенной путем выделения «порогов модернизации». Наряду с общим показателем внутреннего валового продукта на душу населения экономический рост измеряется в этом случае сопровождающим его расширением психологического горизонта, изменением чувств и настроений². Критерии экономического роста оказываются заимствованными из социальной психологии. «Пороги модернизации, — указывает Рейно, — определяются данными, характеризующими психологию экономического развития, синтез психологических факторов и условий экономики и техники»³. Так, по мнению Рейно, «исходному порогу модернизации» соответствуют 150—250 долларов душевого валового внутреннего продукта. Он означает переход от традиционного, замкнутого общества, основанного на рутинной технике, к «доиндустриальному» обществу,

¹ Reynaud P. Seuils modernization économique et „société de l'être“. P., 1969. P. 24.

² Reynaud P. Op. cit. P. 40—41.

³ Ibid. P. 44.

характеризующемуся «постепенным прогрессом техники и надеждами на увеличение благосостояния». «Первый порог модернизации» достигается при валовом внутреннем продукте на душу населения в 400—600 долларов. Главную роль начинают играть материальные потребности, стремление к «материальному освобождению». Второй «порог модернизации» знаменует стадию «индустриального» общества. На этой стадии — при валовом внутреннем продукте примерно в 1350—1600 долларов на душу населения — решающими становятся духовные потребности, состоящие в обогащении психики, «психологическом освобождении»¹.

Метод «порогов» объявляется сторонниками «обобщенной экономической теории» одним из общих инструментов экономической науки и кладется ими в основу анализа собственности на средства производства и хозяйственного механизма. Используя метод «порогов» при трактовке собственности, буржуазные идеологи абстрагируются от ключевых моментов, образующих глубинное содержание собственности на средства производства: характера соединения производителей со средствами производства, формы включения средств производства в процесс производства, системы экономических интересов. Прокламмируется существование лишь ряда степеней индивидуального, т. е. обособленного, распоряжения экономическими благами.

Пытаясь истолковать с этих позиций перестройку хозяйственных механизмов в странах социалистического содружества, теоретики «обобщенной экономики» рассматривают усиление хозяйственной самостоятельности и экономической ответственности структурных звеньев хозяйства (объединений, предприятий) как расширение индивидуального распоряжения средствами производства². На деле развитие и укрепление хозрасчета, повышение роли трудовых коллективов и отдельных работников в использовании общественной собственности отнюдь не ведут к замене общенародного присвоения средств производства групповым и тем более индивидуальным присвоением. Напротив, создавая условия для усиления влияния тружеников социалистических предприятий на организацию производства, распределение и использование результатов труда, они должны привести к повышению степени реального обобществления средств производства. «Нельзя быть хозяином страны, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Трудовой коллектив обязан за все отвечать, заботиться о приращении общественного богатства»³.

Неправомерно ставя знак равенства между социалистическим планированием народного хозяйства и капиталистическим програм-

¹ Reynaud P. Op. cit. P. 87.

² Ibid. P. 27.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 40.

мированием, планомерно используемыми товарно-денежными отношениями и стихийным рынком, представители «обобщенной экономической науки» рассматривают на основе метода «порогов» проблему сочетания плана и рынка. «Порог, — по словам Рейно, — выражает меру, определяющую конкретное соотношение рынка и плана в зависимости от потребностей научной организации хозяйства в текущий момент». «Верхний и нижний пороги» образуются плановым регулированием, за пределами которого в социалистической экономике свободно проявляется игра спроса и предложения. Та же задача сочетания плана и рынка без существенных якобы отличий решается в западных странах. «Изменяется в зависимости от степени либерализма (т. е. свободы предпринимательства. — Авт.) лишь расстояние между нижним и верхним порогом»¹.

Между тем содержание категорий плана и рынка принципиально различно в условиях капитализма и социализма. Столь же специфично их взаимодействие, выступающее в исторически определенных конкретных формах. На современном этапе социально-экономического развития стран социалистического содружества стоят задачи повышения действенности централизованного руководства экономикой, усиления роли центра в реализации стратегических целей экономической политики, широкого применения плановых экономических нормативов длительного действия в качестве регуляторов деятельности объединений и предприятий, более полного использования товарно-денежных отношений в соответствии с присущим им при социализме новым содержанием.

Таким образом, вульгарно-эволюционный подход приводит к стиранию качественных различий между частнокапиталистической и государственной (общенародной) собственностью на средства производства, хозяйственными механизмами капитализма и социализма. Различия между экономическими системами при этом рассматриваются главным образом как количественные. Эволюционный подход, периодизация социально-экономического развития на основе количественных критериев позволяют представителям «обобщенной экономической науки» сделать вывод, что в свете ее принципов черты противоположных систем (капитализма и социализма) кажутся все более сводимыми, а вопрос о значении собственности и обобществления нуждается в пересмотре².

Используемый «обобщенной экономической наукой» метод «порогов» сближает ее с вульгарно-историческими трактовками этапов развития социалистической экономики. Основу этих трактовок представляют попытки положить в основу периодизации экономической истории социализма циклическое чередование двух основных моделей хозяйственного механизма социализма в зависимости от преобладания

---

¹ Reynaud P. Op. cit. P. 27.

² Ibid.

в нем плана или рынка, политических или экономических мотивов (об этом подробнее см. гл. V настоящей монографии).

Вульгарно-эволюционный подход характерен и для концепции «индустриализма», выдвигаемой известным американским социологом Т. Парсонсом. Развивая идею отцов позитивизма О. Конта и Э. Дюркгейма, Парсонс исходит из того, что в ходе развития общество становится все более сложным и дифференцированным; более сложному обществу соответствуют институционализация и формализация отношений, усиление роли внеличностных связей. В схеме Парсонса выделяются три основных типа общества: традиционный, промежуточный и современный. Критериями такой типологии служат степень сложности и дифференциации социальных функций, социальной стратификации, система ценностей, определяющая тип социального поведения, нововведения в сфере культуры, в особенности развитие письменности и система права. Последним при этом придается решающее значение.

Первый «традиционный», «локальный», или «примитивный», тип включает ряд стадий общественного развития — начиная от простых и кончая сравнительно сложными, с умеренно развитыми системами социальной стратификации и политической централизации. Второй, «промежуточный» тип отличается от первого введением письменности. Третий тип общества — «современное индустриальное общество», иначе называемое Парсонсом «индустриальным плюрализмом». Оно охватывает такую стадию общественного развития, которая характеризуется высокоразвитой системой социальной стратификации, разделения социальных функций, а также не только зафиксированной в законах, но и институционализированной, т. е. воплощенной в соответствующих институтах, системой права. Парсонс пишет, что переход к современному типу общества произошел «естественным путем» лишь в Западной Европе, а затем посредством диффузии этот тип общества распространился на Америку и Россию и в меньшей степени — на Японию¹.

Типология Парсонса наглядно демонстрирует несостоятельность эволюционной трактовки общественного развития. Прежде всего в ней игнорируется материальное производство. Разделение социальных функций, т. е. общественное разделение труда, рассматривается в отрыве от развития производства. Более того, на первое место выдвигается развитие письменности — элемента материальной культуры, отражающего в первую очередь развитие производства духовного. Что же касается права, воплощающих его законов и институтов, то оно является отражением и закреплением господствующих экономических отношений. Далее, «социальные типы» Парсонса столь широки, что в них оказались полностью выхолощенными не только различные системы производственных отношений, но и последовательные

¹ Цит. по: Turner W. Industrialism. P. 45.

ступени развития производительных сил. И наконец, как «естественный», так и «диффузный» путь возникновения «современного индустриального общества» предусматривает только эволюционную форму развития посредством постепенного накопления количественных изменений. Они не учитывают скачкообразные качественные, т. е. революционные, сдвиги, знаменующие смену основных крупных эпох социально-экономической истории человечества. В результате под общую рубрику «общества современного индустриального плюрализма» подводятся противоположные общественно-экономические системы: государственно-монополистический капитализм и социализм.

В. И. Ленин писал: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)...

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Т о л ь к о* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»¹.

В противовес вульгарному эволюционизму, представляющему разновидность первой концепции развития, исторический материализм базируется на второй — диалектической концепции развития. Он рассматривает эволюционные, т. е. медленные, постепенные, нередко скрытые от глаз количественные изменения как одну из двух форм развития, находящуюся в сложной диалектической зависимости с другой его формой — революционными, т. е. внезапными, скачкообразными, качественными изменениями. Рассматривая количественную и качественную стороны экономического развития общества в их единстве и выступая против абсолютизации какой-либо одной из них, марксистско-ленинская политическая экономия исходит из примата качественной стороны. Она показывает, что качественное своеобразие основных ступеней исторического процесса — способов производства — несводимо к чисто количественным различиям в степени развития производительных сил, а также отдельных конкретных экономических и других социальных форм.

Применение эволюционного подхода к трактовке экономики социализма связано также с широким распространением в конце 60-х — начале 70-х гг. теории «конвергенции» двух систем. Специфика «конвергентного» варианта теории «индустриального общества» состоит в том, что наряду с технологией и вместе с ней роль второй детерминанты в развитии экономических систем играет их взаимное влияние и взаимодействие. По словам западногерманского экономиста

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

К. Вайгельта, «теория конвергенции исходит из того, что экономические системы не являются альтернативными и не исключают друг друга.

Вопрос стоит так: не «или — или», а «как, так и», поскольку в реальной действительности имеются лишь дуалистические системы, т. е. системы, которые содержат как капиталистические, так и социалистические элементы»¹. Вайгельт рассматривает экономический строй капиталистических стран, поскольку в них преобладают индивидуальные решения, как «рыночную систему западного образца», а страны социализма — как «центрально управляемые хозяйства восточного типа», так как в них преобладают коллективные экономические решения. «Порогом трансформации обеих систем, логическим пунктом «конвергенции» является, — по его словам, — общество, в котором доля индивидуальных решений равна примерно 50%, а 50% составляет доля коллективных решений»².

Сторонники теории «конвергенции» постулировали тезис о том, что в процессе взаимодействия систем последние заимствуют друг у друга наиболее привлекательные элементы, «взаимообогащаются». Это ведет к сближению экономических систем. Западногерманский экономист А. Штоббе заявляет, что теория «конвергенции», согласно которой господствующие экономические системы с течением времени становятся все более сходными, подтверждает тезис о том, что системы не являются стабильными. Под воздействием стоящих перед ними целей и формы поведения хозяйствующих субъектов они имеют тенденцию меняться в своих основных чертах»³.

Относя марксово учение об общественно-экономических формациях к теориям «краха» одной из систем, западногерманский советолог П. Книрш писал, что «теории краха придают процессу развития характер, главным образом, революционной смены систем, в то время как для теории «конвергенции» предпосылка о революционном крахе вряд ли имеет смысл. Следовательно, теория «конвергенции» отличается от теории «краха» также эволюционной трактовкой экономического процесса»⁴.

Таким образом, теоретики «конвергенции» сводят качественные различия между противоположными экономическими системами, определяемые специфическими системами экономических законов, к чисто количественным. Они противопоставляют марксистско-ленинскому учению о революционной смене способов производства концепцию постепенного сближения и слияния противоположных экономических систем — капитализма и социализма — в результате

¹ Weigelt K. Zur Theorie und Politik der Konvergenz — Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik im freiheitlich — sozialen Rechtsstaat. B. 4. 1974. S. 648.

² Ibid. S. 649.

³ Stobbe A. Gesamtwirtschaftliche Theorie. Berlin (W.), 1975. S. 283, 282.

⁴ Knirsch P. Neuere Beiträge zur Konvergenz-Theorie//Beiträge zum Vergleich der Wirtschaftssysteme. B., 1970. S. 83.

изменения количественного соотношения характерных признаков того и другого.

Ряд представителей реформизма буржуазного и социал-демократического толка признают, что основанная на методологии технологического детерминизма и вульгарного эволюционизма теория «конвергенции» двух систем не отражает подлинной социально-экономической динамики капитализма и социализма. Турэн констатирует, что концепция эволюции как движения к «универсальной модели современного общества обладает экстраординарной мощью, служа одной из основ борьбы за западную гегемонию над всем миром». Вместе с тем он признает, что «хотя идея конвергенции коммунистических стран с западными странами, считающимися наилучшим примером воплощения универсальной модели общества, поддерживается современной общественной мыслью, в действительности отдельные страны следуют различным типам эволюции»¹.

Многие советологи отмечают, что теория «конвергенции» ныне уже не пользуется былой популярностью. Редактор журнала «Совет Стадies» английский экономист Р. Кларк объясняет это как провалом надежд на децентрализацию социалистической экономики советского типа, так и появлением тенденции к ослаблению государственного вмешательства в западной экономике рыночного типа².

Признавая неадекватность теории «конвергенции» реальным процессам социально-экономического развития, буржуазные авторы противопоставляют ей свои модели развития двух систем. Так, Андреф выдвигает гипотезу «конгруэнции», т. е. совмещения систем. Логика теории «конгруэнции» строится на четырех априорных предпосылках. Она исходит, во-первых, из наличия у обеих систем различных процессов (механизмов), результатом которых являются различные состояния (явления); во-вторых, из наличия у обеих систем одинаковых процессов (механизмов), выражающих одинаковые состояния (явления); в-третьих, из наличия одинаковых процессов (механизмов), вызывающих у обеих систем различные состояния (явления); в-четвертых, из наличия различных процессов (механизмов), вызывающих у обеих систем одинаковые процессы (явления)³.

Андреф считает, что теория «конгруэнции» призвана восполнить некоторые пробелы в существующих советологических разработках. Ее связь с технологическим детерминизмом и вульгарным эволюционизмом очевидна: одинаковые (социальные, экономические, технические) процессы обуславливают одинаковые результаты; различные (социально-экономические, но не технические) процессы ведут к одинаковым результатам. По-видимому, в этом квинтэссенция.

---

¹ Touraine A. Op. cit. P. 77.

² Clarke R. The Study of Soviet-Type Economies: Some Trends and Conclusions//Soviet Studies. 1983. № 4. P. 527—528.

³ Andreff W. Op. cit. P. 295—296.

На методологии вульгарного эволюционизма базируется концепция «спектра» или «континуума» экономических систем, которая выдается за новейшее слово «компаративистики». Сторонники этой концепции полагают, что все современные экономические системы капиталистических и социалистических стран являются смешанными. Они образуются различными комбинациями одних и тех же или сходных элементов и поэтому составляют непрерывную линию, континуум (спектр). Его полюсами служат гомогенные, «чистые», или так называемые идеально-типические, экономические системы, не существующие в реальной действительности.

Американские экономисты Е. Нойбергер и В. Даффи утверждают, что «при классификации экономических систем можно расположить все системы на непрерывной линии, ведущей от одного полюса к другому (модель континуума), или же разделить экономические системы на отдельные категории в соответствии с обычными методами классификации»¹. Андреф пишет о новом подходе к теории экономических систем, который рассматривает их не как противоположные или конвергирующие во всех пунктах, а как лежащие на одной непрерывной линии «спектра» и представляющие разнообразные комбинации одинаковых структурных элементов².

Выдвижение тезиса о «спектре», «континууме» экономических систем связано с еще одной чертой современной эволюции методологии буржуазной политической экономии — постепенным видоизменением известных ложных альтернатив — «план или рынок», «централизация или децентрализация». Отказ от прямого противопоставления планирования рынку, товарно-денежным отношениям, централизации — децентрализации характерен для многих буржуазных авторов. Последние признают, что данные альтернативы в их первоначальной форме устарели, что они не соответствуют реалиям государственно-монополистического капитализма и социализма. Эти аргументы также используются в целях обоснования вывода о существовании «спектра» систем, комбинирующих в той или иной форме и степени отдельные, ранее считавшиеся несовместимыми элементы противоположных экономических систем.

Популярность концепции «спектра» экономических систем неразрывно связана с разработкой теории «конвергенции» и «рыночного социализма». О применении вульгарно-эволюционного подхода в теории «конвергенции» говорилось выше. Свойственный «рыночному социализму» отказ от централизованного планирования и управления народным хозяйством позволяет буржуазным теоретикам поместить эту модель на линии спектра рядом с регулируемым (т. е. государственно-монополистическим) капитализмом. «Ныне многие, если не большая часть сторонников социализма и его противников, —

¹ Neuberger E. and Duffy W. Comparative Economic Systems. A Decision-Making Approach. Boston, 1976. P. 102.

² Andreff W. Op. cit. P. 289, 293—294.

пишет американский экономист Д. Юнкер, — признают, что «социализм», даже если его определить по критерию коллективной собственности на почти все нечеловеческие факторы производства (кроме частной собственности на небольшие предприятия, например в сельском хозяйстве, розничной торговле, услугах), соответствует как в теории, так и на практике ряду точек непрерывного спектра, начиная от чрезвычайно жесткой централизации и государственного контроля — до гибкой децентрализации и ориентации экономики на рынок. Все более напрашивается вывод, что вопрос «социализм или капитализм» отличается и в действительности совсем не зависит от вопроса «планирование или рынок», «централизация или децентрализация» и что связь между «социализмом» и «планированием», которая раньше считалась неременной, является результатом скорее исторических ассоциаций, чем идентичности этих понятий»¹.

Американский советолог Д. Берлинер заявляет, что «на практике социалистические экономические системы не относятся ни к модели чистой централизации, ни к модели чистой децентрализации, а могут быть ранжированы вдоль континуума между двумя крайними типами»².

Разрабатывая модель «рыночного социализма», идеологи антикоммунизма одновременно вводят понятие «спектра социалистических систем», являющегося предметом особого раздела компаративистики — «сравнительного анализа» различных моделей социализма, или, как его иначе называют, «сравнительного анализа коммунизма». Полюсами этого «спектра» служат «чистая», или «абсолютная, центрально-управляемая экономика» и «чистый рыночный социализм», а между ними на линии «спектра» лежат «смешанные» социалистические экономические системы, в которых общественная собственность на средства производства сочетается в различных пропорциях либо с плановым, либо со стихийно-рыночным регулированием производства.

Таким образом, буржуазно-реформистская концепция «спектра», «континуума» систем также исходит из посылки о возможности постепенного эволюционного перерастания одной экономической системы в другую, лежащую рядом на линии «спектра». Разрабатывая основанную на методологии вульгарного эволюционизма теорию «спектра» экономических систем, буржуазные идеологи предпринимают еще одну попытку выдвинуть общую концепцию исторического процесса. Они пытаются представить новую альтернативу марксистско-ленинскому учению о способе производства, кладущему в основу определения характера социально-экономического строя систему производственных отношений в единстве с производительными сила-

¹ Junker J. *Études des formes de socialisme du marché*//Annales de l'économie publique, sociale et cooperative. 1975. N 3. P. 222.

² Berliner J. *The Innovation Decision in the Soviet Industry*. Cambr. (Mass.), 1978. P. 238.

ми, о революционной смене способов производства. Андреф пишет: «Жесткое противопоставление обеих систем с каждым днем все более опровергается фактами. Возрастающая роль государства, регламентирование цен, опыт макроэкономического планирования и планирования крупных предприятий изменили капитализм: наличие частного сектора в восточных странах, либерализация некоторых цен и другие меры, принятые в ходе проведения восточноевропейских реформ, не соответствуют социализму, понимаемому как отрицание капитализма»¹.

Гносеологической основой теории «спектра» экономических систем применительно к социалистическим странам служит непонимание диалектики общего и особенного, общего и специфического. Общей для современного этапа развития хозяйственных механизмов стран — членов СЭВ является задача укрепления планового начала в народном хозяйстве. Эта задача может решаться разнообразными способами путем использования различных конкретных форм сочетания прямого и косвенного экономического регулирования, централизации и децентрализации. Например, отличительной особенностью хозяйственного механизма ВНР является широкое использование косвенных рычагов регулирования экономики, заменяющих в принципе директивно-адресные задания предприятиям. В ГДР важную роль в централизованном управлении хозяйством играют крупные хозяйственные комплексы-комбинаты. При этом для всех стран социалистического содружества характерно усиление роли низовых хозяйственных звеньев в формировании планов развития народного хозяйства, что обуславливает коренное отличие развития их хозяйственных механизмов от пути, намечаемого моделями «рыночного социализма».

Ошибочность методологических основ теории «спектра» экономических систем отмечается и в буржуазной экономической литературе. Об этом пишут, в частности, представители неолиберализма. Так, ученик и последователь В. Ойкена известный западногерманский советолог К. П. Хензель выступает против тезиса о том, что экономические системы децентрализованного и централизованного планирования представляют идеально-типические, чистые, крайние формы и что все реальные системы лежат между ними. Этот тезис предполагает, по его мнению, что между экономическими системами нет принципиальных различий, а есть различия только в степени².

Необходимо подчеркнуть, что исходные позиции, с которых неолибералы ведут критику теории «спектра», ни в коей мере не могут быть признаны правомерными. Разрабатываемая ими концепция движе-

---

¹ Andreff W. Op. cit. P. 290.

² Hensel K. P. Wirtschaftssysteme — Zwangsläufigkeit oder alternative Gestaltung//Wirtschaftssysteme zwischen Zwangsläufigkeit und Entscheidung. S. 243—244.

ния экономических систем в свою очередь также носит вульгарно-эволюционный характер.

Анализируя экономическую систему в узком смысле (т. е. отождествляя ее с хозяйственным механизмом), эти теоретики рассматривают два типа развития: «трансформацию экономической системы» и «реформу элементарных форм». Под «трансформацией экономической системы» понимается изменение хозяйственного механизма, которое в конечном счете влечет за собой трансформацию его основ; а затем и постепенное перерастание экономической системы в целом в принципиально новую систему. При этом применительно к социализму имеются в виду отход от централизованного планирования народного хозяйства и «трансформация» плановой экономической системы в «социалистическое рыночное хозяйство». «Реформа элементарных форм» означает такое совершенствование хозяйственного механизма, которое не затрагивает коренные устои последнего¹.

Такой подход к развитию хозяйственного механизма ограничивает возможность качественного его преобразования лишь «трансформацией экономической системы», т. е. принципиальной сменой типов хозяйственного механизма. Все остальные его изменения относятся советологами к «реформе элементарных форм» и объявляются поэтому неэффективными. Упомянувшийся выше Хеман связывает возможность радикальной реформы социалистического хозяйственного механизма лишь с «трансформацией экономической системы». Он характеризует меры по коренной перестройке этого механизма, намеченные в новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС, как «консервативную модернизацию», поскольку они рассчитаны на достижение экономического прогресса на путях «улучшения системы, изменений только внутри нее (вместо изменения самой системы)»².

О невозможности радикальной реформы хозяйственного механизма без «трансформации» плановой экономической системы в «социалистическое рыночное хозяйство» заявляют и другие западные интерпретаторы решений XXVII съезда КПСС. В комментарии к Политическому докладу ЦК КПСС XXVII съезду партии, опубликованном в западногерманском органе либеральной буржуазии — газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг», утверждается: «Хотя в докладе и говорится о возможности гибкого и реалистического ценообразования, хотя пытаются достичь этого при отсутствии рыночных отношений, т. е. посредством так называемых суррогатов рынка в качестве инструментов планирования»³.

Подобные трактовки возрождают отвергаемую ныне большинст-

¹ Hamel H. Konvergenz der Wirtschaftssysteme. Thesen pro und contra.// Wirtschaftssysteme zwischen Zwangsetäufigkeit und Entscheidung. Stuttgart, 1971. S. 129.

² Neue Zürcher Zeitung. 1985. 14. Nov.

³ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. 28 Feb.

вом представителей буржуазной экономической науки альтернативу «план или рынок». В них отрицается возможность эффективного использования товарно-денежных отношений в социалистическом плановом хозяйстве; товарно-денежные рычаги рассматриваются как лишённые подлинно экономического содержания внешние формы.

Диалектический подход, предполагающий радикальную реформу хозяйственного механизма и исходящий из сохранения и развития его основных начал — централизма и самостоятельности первичных хозяйственных звеньев, означает качественное преобразование этих начал. Оно проявляется в том, что одновременно с усилением роли централизованного начала там, где это необходимо, — в области перспективных народнохозяйственных проблем, обеспечения пропорциональности и сбалансированности народного хозяйства, оптимизации системы интересов — должна быть в корне изменена роль предприятий и объединений в принятии решений. Это неразрывно связано со всемерным расширением использования товарно-денежных связей, повышением их роли в хозяйственном механизме.

Одной из эффективных форм сочетания централизованного управления и использования товарно-денежных отношений являются экономические нормативы длительного действия. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалась необходимость преодоления предубеждений относительно роли товарно-денежных отношений и действия закона стоимости, их противопоставления социализму как чего-то чужеродного. Отмечалось, что именно эти устаревшие, не отвечающие реальностям догматические теоретические установки «приводили к волюнтаристским подходам в экономике, к недооценке хозрасчета, «уравниловке» в оплате труда, порождали субъективистские начала в ценообразовании, нарушения денежного обращения, невнимание к вопросам регулирования спроса и предложения»¹.

Таким образом, в условиях укрепления планового начала в народном хозяйстве расширение планомерного использования товарно-денежных связей не только возможно, но и необходимо. При этом оно не влечет за собой угрозу «рыночной трансформации» социалистической экономики.

Даже краткое рассмотрение проблем перестройки социалистического хозяйственного механизма позволяет обнаружить неправомерность подхода к ним с позиций вульгарного эволюционизма, разрывающего диалектическое единство количественных и качественных изменений, игнорирующего примат качественного анализа.

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 10.

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ В БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВКАХ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Буржуазные идеологи много внимания уделяют содержанию и тенденциям развития социально-классовой структуры социалистического общества. Это и понятно, ибо актуальность данной проблемы не подлежит сомнению.

Характерной чертой современного этапа развития социалистического общества является углубление процесса стирания классовых различий. Растущее социальное равенство в обществе обусловливается повышением степени зрелости производственных отношений на основе поступательного развития производительных сил. Как отмечается в новой редакции Программы КПСС, партия ставит задачу на основе ускорения социально-экономического развития страны выйти на новые рубежи, что означает в том числе и «создание в основном бесклассовой структуры общества, стирание существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней; все более органичное соединение физического и умственного труда в производственной деятельности...»¹.

В современных условиях совершенствования социализма экономический рост должен сопровождаться и сопровождается все большими социальными достижениями: ускоряется процесс органического соединения умственного и физического труда, сокращается дифференциация денежных доходов отдельных социальных слоев населения, происходит сближение различных групп по уровню и структуре потребления. Это означает углубление социалистического обобществления средств производства и усиление социальной роли общенародной формы собственности. Следствием этого является совершенствование социальной структуры советского общества².

Процесс совершенствования социальной структуры общества, его социальной политики неуклонно наращается и в других странах

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 140.

² Понятие «социальная структура общества» шире понятия «социально-классовая структура общества», оно включает целый ряд структур: социально-демографическую, социально-территориальную и др. В свою очередь понятие «социально-классовая структура» шире категории «классовая структура общества», так как оно указывает на внутриклассовую структуру и социальные слои, не входящие в классы.

социализма. Как отмечается в Материалах XIII съезда БКП, «важной задачей социальной политики является комплексное удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся в соответствии с ростом их покупательной способности»¹.

Реальный социализм в современных условиях имеет все более прямой, всесторонний «выход» на совершенствование всей системы социальных отношений, связанных с народным благосостоянием, со всесторонним развитием человека.

В решении этих исторических задач мы имели в прошлом как большие успехи, так и недостатки, связанные с ослаблением внимания к социальным вопросам, что выражалось в остаточном по существу принципе выделения средств для развития социальной сферы. Как отмечалось на XXVII съезде партии, «известный перекося в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальной стороне производства, быту, досугу, что не могло не привести к снижению заинтересованности трудящихся в результатах труда, ослаблению дисциплины и другим отрицательным явлениям»².

Острота всех этих проблем предопределяет то внимание, которое буржуазные идеологи уделяют данной теме. Постоянно увеличивается число публикаций (книг, статей), посвященных «анализу» социальной политики социалистических государств, социально-классовой структуры социалистического общества³. По этим вопросам выступают буржуазные экономисты, социологи и «политологи».

Научное решение данных проблем возможно лишь на основе единства методологических принципов, применяемых рядом общественных наук, занимающихся их изучением. Необходимо четкое определение предмета исследования каждой из этих наук. Если речь идет о комплексной проблеме, находящейся на стыке ряда наук, то должен быть определен аспект изучения каждой науки. Это важнейшее методологическое требование.

Буржуазные идеологи отступают от этих принципов, что особенно наглядно проявляется при рассмотрении подходов буржуазных экономистов к вопросам социально-классовой структуры общества.

¹ Правда. 1986, 3 апреля.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 44—45.

³ Conert H. G., Eichwede W. Produktionsverhältnisse und Arbeiterklasse in der UdSSR. Hannover, 1976; Carlo A. Politische und ökonomische Struktur der UdSSR (1917—1975). Diktatur des Proletariats oder bürokratischer Kollektivismus? Berlin, 1977; Nove A. Is there a Ruling Class in USSR? // Soviet Studies. N 4. 1975; Meyer G. Bürokratischer Sozialismus. Echte Analyse des sowjetischen Herrschaftssystems. Stuttgart, 1977; Socialism and the New Class: Towards the Analysis of Structural Inequality within Socialist Societies. Ed. Marian Sawer. APSA (Australian Political Studies Association), 1978; Lane D. The End of Social Inequality? Class, Status and Power under State Socialism. L., Boston, 1982; Lane D. Soviet economy and society. Oxford, L., 1985; Teckenberg W. Gegenwartsgesellschaften: UdSSR. Stuttgart, 1983.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ И СОЦИОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА И ИХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

В истории человеческого общества, в непрекращающейся идейной борьбе вопрос о «социальном равенстве» либо «о максимально возможном социальном равенстве», «наибольшей выгоде наибольшей массы людей» имеет многовековую традицию. Своими корнями он уходит в религиозные верования народа о равенстве людей, об обеспечении счастья всех и каждого. Данный подход характеризуется этическими принципами.

Вопрос о социальной дифференциации общества при капитализме нашел отражение и в буржуазной политической экономии. Большая заслуга в постановке этого вопроса принадлежит классикам буржуазной политической экономии. Так, А. Смит впервые в истории политической экономии провел четкое деление буржуазного общества на классы. «Весь годовой продукт земли и труда каждой страны, или, что то же самое, вся цена этого годового продукта, — писал он, — естественно распадается... на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов народа... Это три главных, основных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счете доход всякого другого класса»¹. Изучая производство «богатства народов», Смит акцентировал свое внимание не на технической, а на социальной его стороне, на отношениях людей, но эти отношения людей отождествлялись в его сознании с отношениями вещей. Поставив вопрос о классовой структуре буржуазного общества, А. Смит не смог, однако, подняться до понимания исторического характера этого деления и его связи с капиталистическим способом производства. Выделяемые классы он связывал с различиями в доходах, которые в свою очередь у него проистекали из особенностей труда, его разделения, без анализа обусловленности последнего формой собственности на средства производства. Как замечал К. Маркс, «экономисты-классики наивно обрисовывали их (капиталистических производственных отношений. — Авт.) антагонистичность»².

Вульгарная политическая экономия отбросила все научные элементы в постановках о классах буржуазной политической экономии о социальной структуре общества. Весь ее анализ, как это видно на примере представителей субъективно-психологической школы,

---

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 194.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 4.

ведется с позиций индивидуалистического толкования и построения экономической теории. Индивидуальное отношение между человеком и вещью берется в качестве исходного пункта всей системы. Это отношение рассматривается с психологической точки зрения как следствие естественных, неизменных законов. Данная точка зрения чужда идее социальных отношений в их общественно-историческом понимании, идеи закономерного развития хозяйственной жизни. Она имеет в своей основе концепцию «изолированного человека», робинзонаду.

Гносеологической основой индивидуалистического метода вульгарной политической экономии является абсолютизация внешних, поверхностных связей человека и общества. В эпоху капитализма свободной конкуренции на поверхности явлений дело представлялось так, что человек свободен в своих действиях, независим, рождалась иллюзия изолированного человека. Подчеркивая этот момент, К. Маркс писал, что в буржуазном обществе «различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость»¹.

К вопросу о социальной трактовке явлений, об исторической обусловленности социальной структуры общества, казалось бы, обратились представители исторической школы. Последние в противовес сторонникам индивидуалистического метода подчеркивали, что результаты отношений между индивидуумами не в их изолированном существовании. Они писали о важности анализа факта общения, общежительства. Однако исследование социального они вели, отталкиваясь от индивидуально-психологических свойств явлений. Им было чуждо понимание глубинной основы социального как отражения отношений производства. Они не видели связи жизни общества, социального неравенства со способом производства.

Гносеологические корни этого метода вульгарной политической экономии заключаются в том, что поскольку социальная жизнь не мыслится вне психики, вне индивидуальных действий, постольку всегда имеется соблазн подходить к социальному, к его познанию через анализ индивидуально-психологических явлений. Между тем отношения социального неравенства важно фиксировать прежде всего как отношения классовые, как следствие существующих производственных отношений. Именно такой подход проявляет марксизм-ленинизм.

Понимание экономических процессов как результата действий не изолированных индивидов, а членов какой-нибудь общественной группы является исходным пунктом французской социологической школы буржуазной политэкономии. Представители этой школы выделяют общественные группы, основываясь на каком-либо, хотя и временном, общем признаке (источник дохода, профессия, органи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 18.

зация, в которой лицо состоит, и т. д.). По их утверждениям можно установить бесчисленное количество групп, и эти группы всегда подвижны. Отсюда роль социологии в выявлении социального положения различных групп — этого содружества индивидов, которые, поскольку они имеют общий интерес, одинаково реагируют на изменение условий. Социология выступает как изначальная по отношению к политической экономии, так как вся система категорий и законов политической экономии строится исходя из результатов социологических данных. Так, например, лишь принадлежность к власти тех или иных общественных групп детерминирует характер распределения.

Общественные группы в этих теориях совсем не привязаны к классовой и внутриклассовой структурам, они аморфны и неопределенны. О таком важном факторе, как собственность на средства производства, не говорится совсем. Поэтому хотя авторы этих теорий формально ставят задачу изучить человека не только как объект, но и как субъект всех экономических явлений, это невозможно, поскольку при таком подходе не выявляется социальная сущность человека.

Как видим, и индивидуалистический, и «социальный» методы вульгарной политической экономии совершенно обходят вопрос о глубинных детерминантах социально-классовой структуры общества, ее обусловленности экономическим строем. Как в первом, так и во втором случае реальные социальные процессы трактуются с позиций субъективно-психологической мотивации поведения людей. При этом совершенно несуществен тот факт, что одни отрицают социальный характер этих действий, а другие признают.

Наряду с этими двумя подходами вульгарной политической экономии необходимо дать характеристику и технологическому детерминизму, т. е. попытке вывести социальную структуру общества, ее изменения непосредственно из производительных сил, из развития их технико-экономической стороны, игнорируя при этом общественную форму их движения.

Гносеологические корни данного метода заключаются в том, что отношения собственности на средства производства проявляются внешне преимущественно как различия функций людей в производстве, как определенное отражение разделения труда. Поэтому всегда есть возможность выдать явление за сущность: завуалировать тот факт, что в основе содержания функциональной деятельности членов общества лежат отношения собственности на средства производства. Хотя данный метод и «эксплуатирует» ряд реальных процессов общественного воспроизводства, таких, как изменения структуры производства, занятости, состава рабочей силы и др., тем не менее он не раскрывает глубины их социально-экономического содержания, так как не связывает с формой собственности на средства производства. Поэтому он является вульгарно-материалистическим, псевдоисторическим методом.

Таковы важнейшие методологические принципы, которые использует вульгарная политическая экономия при рассмотрении проблем социально-классовой структуры общества. То или другое направление современной буржуазной политической экономии применяет определенный метод либо эклектически использует несколько из них одновременно. Общим для всех них является отрицание тезиса марксизма-ленинизма, согласно которому положение людей в общественном производстве обуславливается системой производственных отношений, и в первую очередь основным производственным отношением — собственностью на средства производства.

Вопрос о социально-классовой структуре любого общества является сложной комплексной проблемой, которая может быть исследована всесторонне лишь рядом общественных наук. В марксистско-ленинском общественном знании у каждой общественной науки, занимающейся изучением социально-классовой структуры общества, есть свой аспект исследования.

Марксистско-ленинская политэкономия, анализируя формы собственности на средства производства, тем самым рассматривает производственные отношения со стороны субъектов и объектов, вскрывает содержание отношений между большими группами людей, их классовый характер. Но политическая экономия изучает субъектов производственных отношений в разрезе той или иной формы собственности на средства производства в целом, т. е. она выясняет природу социально-классовой структуры общества. К. Маркс в третьем томе «Капитала» посвятил классам специальную главу. Он писал о буржуазном обществе: «Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства»¹.

Изучение социально-классовой структуры общества под углом зрения места и роли классов в общественном развитии, в революционном движении является объектом исторического материализма. История рассматривает положение различных классов в разных странах, соотношение их сил, политическую борьбу. Социально-классовая структура общества является объектом изучения и социологии, которая исследует группы людей как субъект действия. В основе подхода марксистско-ленинской социологии лежит раскрытие взаимодействия объективной стороны, т. е. материально-вещественных и социальных условий бытия, определяющих потребности людей, и стороны субъективной, т. е. отображение этих условий и потребностей в духовном мире людей, мотивации их деятельности². Делая научно обоснован-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 457.

² Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. С. 50.

ные выводы на основе эмпирических данных, социология изучает деятельность человека комплексно, во взаимосвязи экономических, социальных, политических, культурных, идеологических факторов. Диалектика взаимодействия различных сторон общественной жизни — таково неперенное требование марксизма-ленинизма.

Научный анализ социально-классовой структуры общества, какую бы сторону ее мы ни исследовали, обязательно исходит из материалистического понимания истории, из признания, что материальное производство — основа всей жизни и развития общества, из того, что экономическим базисом общества является совокупность господствующих в нем производственных отношений.

Представители вульгарно-социологического направления трактуют общественно-историческое развитие с позиций либо вульгарного материализма, либо субъективизма. Признавая, как правило, эволюцию общественной жизни, социальной структуры общества, они выводят ее непосредственно из материально-технических условий производства или из различных надстроечных категорий: политических институтов, форм сознания, психологизации общественной жизни. При этом не вскрывается, что стоит за этими категориями, движет их развитием. Вульгарный социологизм — это антиисторический, эклектический метод подхода к изучению общественного развития, социальных явлений, социально-классовой структуры общества. Он в полной мере проявляется при рассмотрении буржуазными идеологами социально-классовой структуры социалистического общества.

Буржуазные социологи и «политологи» заменяют социально-классовое деление общества концепцией стратификации общества. Они всячески обосновывают тезис о неприменимости марксова анализа классов к современному обществу. «Теория классов Маркса, — писал английский буржуазный социолог Д. Лэйн, — неприменима к современным индустриальным обществам»¹. Если форма собственности и оказывает какое-то влияние на структуру общества, то отнюдь, как утверждают буржуазные советологи, не решающее. Некоторые авторы заключают, что марксистско-ленинское учение о классах носит ограниченный характер. Оно годится якобы лишь для прошлого века. Делается вывод, что в XX веке общество делится уже не на классы, а на особые слои, страты.

Определяя критерии (атрибуты) социальной стратификации, буржуазные советологи исходят из экономических и неэкономических моментов. В общем виде это следующие критерии: положение семьи (престиж), доход, образование, квалификация, род занятий (по формальному статусу, должности), вероисповедание, территория проживания. Тот или иной буржуазный социолог с большей или меньшей полнотой указывает на эти атрибуты. Так, буржуазный социолог Н. Бастер в качестве критериев класса выделяет власть, престиж,

¹ Lane D. Politics and Society in the USSR. L., 1970. P. 11.

собственность, профессию, доход и образование. Он отмечает, что зачастую употребляется комбинация этих критериев. Причем «значимость различных критериев будет меняться в зависимости от различных типов общества и различных уровней экономического развития»¹.

Большинство буржуазных социологов при анализе атрибутов страт отдают предпочтение экономическим факторам, и в частности роду занятий, образованию, квалификации, уровню доходов. Распределение дохода во всех этих построениях является одним из важнейших факторов, определяющих социально-классовую структуру «индустриального общества». При этом обусловленность распределения формой собственности на средства производства полностью отрицается, описываются лишь поверхностные взаимосвязи, наблюдаются внешние проявления сложных внутренних социальных процессов, без раскрытия их глубинных первопричин.

Это полностью относится и к теории так называемой многомерной, или многоизмеримой, стратификации. В данном случае в основу анализа социального неравенства кладут не одно, а несколько начал: экономическое, социальное, политическое. Причем каждое из этих начал ведет к образованию самостоятельной системы социальной стратификации, т. е. в результате общество расслаивается на несколько таких подсистем.

Автором концепции многомерной стратификации является немецкий буржуазный экономист и социолог М. Вебер. Он писал, что общество по экономическим различиям (главным образом доходам) подразделяется на классы, по социальным различиям (образ жизни) — на статусы, а по политическим отношениям (власть, могущество) — на партии. Как видим, Вебер, вместо того чтобы вскрыть главный источник всех этих различий, а затем показать их специфику и взаимосвязи, искусственно отделил их друг от друга, превратил в самостоятельные системы.

Разрабатывая схемы Вебера, американский социолог Т. Парсонс выделяет четыре ступени (уровня) социальной структуры, связанные друг с другом: первичный, или технический, уровень структуры (семья, производство); управленческий; институциональный; социальный уровень структуры. Первый уровень — это простейшая структура: люди встречаются друг с другом лицом к лицу, человек выступает как конкретный индивид. Последующие — все более сложные уровни, где люди соединяются в коллективы, причем каждый играет определенную роль. Последний уровень является самым сложным, он представляет собой интегрированную систему ценностей.

Вся эта структура социальных отношений Парсонса представляет классификацию явлений в социальной жизни по формальным призна-

---

¹ Baster N. Distribution of Income and Economic Growth. 1970. P. 17.

кам. В ее основе заложена так называемая конкретная концепция «социального действия» (поведения человека). Парсонс, анализируя проблему взаимоотношения социологии и экономики, пытается обосновать тезис об ограничительной роли экономики в определении поведения человека. Индивидуалистический акт человеческого поведения есть следствие всего лишь его психологии, доказывает он. Парсонс исходит из психологизации экономических отношений. Отсюда он строит свою модель функционализма: интересы определяют развитие, сами интересы есть следствие психологических переживаний человека, на них оказывают влияние также политическая власть и другие структуры общества (структура культуры, к примеру).

Система функционализма Парсонса зиждется на идеалистической мотивировке поведения личности, ибо в действительности экономический мотив является решающим фактором общественного развития. Тем не менее, безусловно, все многообразие индивидуальных мотивов не сводится к какому-либо одному. Марксизм-ленинизм, признавая решающую роль экономического интереса, в то же время устанавливает связь, предполагает детальное изучение конкретных целевых установок человеческой деятельности. Причем необходимо подчеркнуть, что все эти мотивы не отделены друг от друга какими-то «самостоятельными социальными системами».

2. КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ КОНЦЕПЦИЙ СОВЕТОЛОГОВ ПО ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

При рассмотрении социально-классовой структуры социалистического общества буржуазные идеологи исходят из методологических принципов, охарактеризованных выше. Чтобы рассмотреть их подробнее, надо ознакомиться с основными интерпретациями социально-классовой структуры СССР в динамике.

Буржуазные экономисты и социологи ложно трактуют содержание и весь процесс развития социально-классовой структуры при социализме. Так, опираясь на псевдоисторический метод исследования, советологи, как правило, выделяют следующие этапы развития социально-классовой структуры в СССР.

Первый этап датируется октябрём 1917 г. и продолжается до начала перехода к нэпу. Этот период характеризовался усилением социальной однородности, уравнительности на основе всеобщей бедности.

Второй этап начался с введением нэпа и характеризовался ростом имущественной дифференциации, расслоением, которое особенно усилилось в годы индустриализации, когда быстро развивались различ-

ные виды профессионально-технического образования, получило широкое распространение материальное стимулирование, открылись широкие возможности для выдвижения на руководящую работу¹. Общество носило «открытый характер» — существовала высокая мобильность населения. Этому способствовало то, что все прежние критерии, определяющие положение человека в обществе (знатность происхождения и т. д.), были отброшены, в основу был положен личный вклад каждого в общественное дело.

В результате к концу 30-х гг. в основном сложилась, по мнению советологов, новая структура, важнейшим звеном которой явилась так называемая «правлящая элита». «Возникшая структура является функциональной», — заключает западногерманский советолог Г. Зайбель².

Третий этап, охватывающий период с конца 30-х по конец 50-х и начало 60-х гг., характеризуется появлением «закрытого общества», где распределение определяется не только трудовым вкладом, но и привилегиями, т. е. обусловлено не только производительностью труда, но и статусом. Это, по определениям буржуазных «теоретиков», кастовое общество. Важнейшей его чертой является «обуржуазивание». Социальная мобильность в таком обществе незначительна и не связана, как правило, с индивидуальным вкладом члена общества.

Наконец, современному этапу совершенствования социализма советологи приписывает новый, четвертый период развития социально-классовой структуры советского общества. Существенными чертами этого периода объявляется падение роли рабочего класса, возрастание роли научно-технической интеллигенции, резкое обострение противоречий между лицами, занятыми управлением государством, и научно-техническими функционерами³. Советологи признают, что мобильность в обществе возрастает, социальное неравенство ослабляется, но утверждают, что этот процесс будто бы наталкивается на решительное сопротивление партийной «элиты». Лэйн пишет: «Современное социалистическое общество — это прежде всего технико-административное общество, где социальная позиция людей все больше определяется образованием, квалификацией и технико-администра-

---

¹ Американский советолог П. Холландер считает, что социальная стратификация в СССР была введена с установлением дифференцированной оплаты труда: «...целенаправленная рестратификация советского общества была принята в начале 30-х годов» (Hollander P. Soviet and American Society. A Comparison. N. Y., 1973. P. 214).

² Seibel H. D. Problemlage und Schichtungssystem in der Sowjetunion; Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. N. 2. 1976. S. 218.

³ Извращая содержание социальной структуры СССР, Холландер выделяет две частично совпадающие системы социальной стратификации в советском обществе. «Одна из них, — пишет он, — основана на политической власти, а другая — на особой квалификации и связанным с ней материальным вознаграждением и престижем». (Hollander P. Soviet and American Society. A. Comparison. P. 211).

тивными возможностями. Чисто партийные функционеры находятся вне этой страты»¹.

Можно выделить несколько методологических принципов, на которых основываются эти концепции. Это политический детерминизм, т. е. выведение социально-классовой структуры общества из надстроечных категорий (определение класса, страты на основе участия в работе органов власти). «Решающей детерминантой этой структуры являются не экономические факторы, не рыночные критерии, а политические и идеологические моменты», — пишет американский буржуазный социолог Ф. Паркин².

Эти политические и идеологические моменты находят выражение, как утверждают советологи, в безраздельном «командовании» средствами производства со стороны руководящей «элиты». Поэтому, считает западногерманский политолог Б. Майснер, при рассмотрении стратификации советского общества необходимо отталкиваться от позиций господства, находящего свое выражение в системе государственных должностей. При этом советологи стремятся «обосновать» наличие антагонистических противоречий в социалистических странах.

Характерным в этом отношении является следующее высказывание английского буржуазного экономиста А. Ноуа: «Руководящую страту можно формально определить как слой лиц, занимающих должности, которые считаются достаточно значительными для того, чтобы играть видную роль в утверждаемой сверху номенклатуре»³. Структура политической власти, по его мнению, и определяет стратификационную систему социалистического общества.

Встав на аналогичные методологические позиции, Лэйн устанавливает пять уровней групп, среди которых он выделяет «политическую элиту», имеющую прямой доступ к механизму выработки законов и проведению их в жизнь. Американский советолог З. Катц пишет о шести общественных группах. Он утверждает: «Существует правящий класс, или страта, сердцевиной которого является партийный аппарат, или номенклатура. Эта страта пользуется огромными привилегиями за счет всего общества в целом. Между этой группой и остальным населением существует основной конфликт в интересах»⁴.

Главный смысл этих концепций — «обосновать» вечность борьбы между группами лиц в обществе, подменить ими марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы. Общественное развитие представляется как непрерывная борьба «элит». Налицо антиисторический, антинаучный подход к анализу развития общества, абсолютизация роли политических отношений, полный их отрыв от экономики. Поли-

¹ Lane D. The End of Inequality? Stratification under State Socialism. P. 135.

² Parkin F. Class Inequality Political Order. L., 1971. P. 146.

³ Nove A. Political Economy and Soviet Socialism. L., 1979. P. 195.

⁴ Soviet Economic Prospects for Seventies. Joint Economic Committee. Congress of the U. S. Wash., 1973. P. 103.

тическое руководство обществом представляется исключительно как акт насилия, подавления меньшинством большинства населения¹.

Буржуазные идеологи представляют «власть» как некое волеизъявление группы лиц, порожденное субъективными велениями людей. В представлении этих авторов содержание власти не связано с экономическим строем общества, формой собственности на средства производства. Конечно, власть представляет собой волевое отношение между людьми, но характер этого отношения, его содержание предопределяются производственными отношениями. Форма собственности на средства производства детерминирует характер взаимоотношения классов, социальных групп в обществе; в условиях частной собственности на средства производства эти отношения антагонистические, в условиях общественной собственности на средства производства они представляют собой отношения товарищества и взаимопомощи. Политическое и государственное устройства общества закрепляют положение классов и социальных групп, права и обязанности граждан, что отражено в Конституции СССР, конституциях других стран реального социализма.

Все это показывает, что буржуазная трактовка «власти» как порождения субъективного волеизъявления несостоятельна. Органы власти социалистического государства охраняют интересы трудящихся масс. В социалистическом обществе нет классов, социальных групп, которые могут присваивать труд других благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

В настоящее время социально-классовая структура советского общества характеризуется следующими данными: в 1985 г. доля рабочих и служащих в общей численности населения составляла 87,9%, доля колхозного крестьянства и кооперированных кустарей — 12,1². В НРБ доля рабочих и служащих на 2.12.75 г. составляла 83,8%, крестьян, входящих в сельскохозяйственные производственные кооперативы всех видов, кооперированных кустарей и ремесленников — 15,4, крестьян-единоличников и некооперированных кустарей и ремесленников — 0,4, прочие группы населения составляли 0,4%³.

Различия по характеру труда и поэтому по месту в общественной организации труда являются важной социальной гранью, позволяющей выделить социальные группы внутри служащих: просто служащие и специалисты (интеллигенция в собственном смысле слова). В целом приведенные выше данные отражают принципиальные изме-

---

¹ В последнее время все большее распространение получает идея о плюрализме «элит» (вместо одной, властвующей «элиты»). И это соответствует идее о «распылении власти». Эти новые «элиты» основываются на функционализме (т. е. теории функционального плюрализма).

² Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 7.

³ Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 19.

нения в социально-классовой структуре в условиях социалистического общества. Ведущей силой общества при социализме является рабочий класс. КПСС и другие братские коммунистические и рабочие партии осуществляют руководство развитием социалистического общества, в том числе процессами совершенствования социально-классовой структуры. Развитие социальной однородности внутренне присуще социализму. В основе этого процесса лежат изменения в производительных силах и производственных отношениях, их учет путем проведения «активной социальной политики, отражающей все многообразие интересов трудящихся и направленной на последовательное утверждение принципа социалистической справедливости». В Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС отмечается: «Партия придает важнейшее значение тщательному учету в своей политике общности коренных интересов классов и общественных групп, их специфических интересов как непремennomu условию прочного единства советского общества, успешного решения задач коммунистического строительства»¹.

Буржуазные советологи пытаются «доказать», что в социалистическом обществе неминуемо появляются социальные группы с антагонистическими интересами, групповой интерес непременно противостоит общественному. Однако при правильной политике соотношение интересов отдельных групп с интересами общества в целом в своей глубинной основе определяется общественной формой собственности на средства производства. В условиях социализма групповой интерес не может стать господствующим, определяющим по отношению к общественному. Поэтому всякие клеветнические утверждения, что при социализме образуются «новый класс», «слой» управляющих или какая-либо политическая группа, интересы которых главенствуют над общественными, лишены какой-нибудь теоретической основы и противоречат реальной действительности. Так, какая-то часть специалистов (около $\frac{1}{5}$) выполняет организаторские функции. Но организаторская работа не создает им каких-либо привилегий в обществе. Она не закреплена за кем-либо навечно, не передается по наследству. Работающие на руководящих должностях совмещают свою работу по управлению с исполнительской. И наконец, у них нет существенных различий в формах дохода по сравнению с другими трудящимися. Что касается размера дохода, то он определяется, точно так же как и у других тружеников, в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Вот почему у ряда управленческих работников заработная плата на уровне рабочих высокой квалификации, а то и ниже.

Иными словами, тот факт, что ряд специалистов заняты управленческим трудом, безусловно, означает определенную социальную грань. Последняя обусловлена уровнем развития производительных

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 106.

сил и поэтому объективно необходима. В условиях научно-технической революции использование новейших достижений науки и техники в управлении требует высокой специальной подготовки, а стало быть, все большей профессионализации. Но эта социальная грань не несет в себе антагонизма. Добавим к вышеизложенному, что при социализме в управлении общественным производством наряду со специалистами также принимают участие миллионы трудящихся.

И недооценивать важность данной сферы деятельности трудящихся опасно, так как могут возникнуть негативные явления. Так, в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду говорится: «Сегодня мы должны признать, что вследствие ослабления контроля и ряда других причин обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным интересам»¹.

КПСС считает одной из своих важных задач преодоление таких явлений. Важное место в этой работе принадлежит развитию демократии. «Только через последовательное развитие демократических форм, присущих социализму, расширение самоуправления, — отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — возможно наше продвижение вперед в производстве, науке и технике, литературе, культуре и искусстве, во всех сферах общественной жизни»².

Как видим, политический детерминизм зиждется на субъективном идеализме, на искажении глубинных основ соотношения экономики и политики. По существу речь идет об отрицании закономерностей, необходимой связи всех событий и явлений и их причинной обусловленности, т. е. под флагом политического детерминизма пропагандируется индетерминизм — утверждение, что люди обладают свободой воли, их действия ни от чего не зависят.

Речь идет об отрицании положения о том, что исторический процесс общественного развития подчинен закономерности, причинности. Отрицание этого не имеет ничего общего с действительным детерминизмом. «Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Со всем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»³.

Наряду с политическим детерминизмом при анализе сущности социально-классовой структуры, проблем социальной однородности в целом в последние десятилетия все большее значение получает и

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 46—47.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. С. 25.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 156.

технологический детерминизм. В данном случае к числу основных классово-образующих критериев относят различия между людьми по содержанию труда, по профессиональному составу, в том числе по занимаемому месту в народнохозяйственных процессах.

Буржуазные экономисты — сторонники технологического детерминизма подчеркивают определяющую роль технических знаний при исследовании социальной структуры современного общества. По их мнению, стратификация «индустриального» и еще в большей степени «постиндустриального» общества конституируется возрастанием и усложнением научных знаний. Роль этого фактора абсолютизируется, одновременно игнорируются другие факторы. Данные теории являются отражением того факта, что в условиях современной НТР возросла, как никогда, роль фундаментальных научных исследований.

Принцип технологического детерминизма, примененный при рассмотрении социально-классовой структуры общества, строится на функционализме. Трудность установления глубинных причин того или иного явления нередко ведет буржуазных ученых к интерпретации фактов через понятие функции. Отсюда происходит распространение так называемого функционализма, функционального метода, отличающегося поиском лишь внешних, поверхностных связей. Сами буржуазные исследователи вынуждены признать, что понятие функции несет в себе большую неопределенность. Как пишет создатель этого метода американский социолог Р. Мертон, «функциональный анализ — это одновременно самый плодотворный и наименее регламентированный метод социологической интерпретации»¹. Буржуазного социолога настолько удовлетворяет эта «свобода рук», что он называет данный метод самым «плодотворным», обращая тем самым недостатки метода в его мнимые достоинства.

При рассмотрении факторов, определяющих социальную структуру общества, функционализм исходит из разделения труда. Поскольку оно находится под воздействием совершающейся в мире НТР, то функциональный анализ социальной структуры общества опирается на технологический детерминизм. Последовательность такова: новая технико-организационная структура производства — изменения в разделении труда — отсюда «новые» роли тех или иных групп общества. Преобразование «социальной» роли означает новую социальную структуру современного общества.

На основе абсолютизации роли образования, техники и технологии в социальном развитии современного мира построена концепция «меритократии» в «постиндустриальном обществе». Теоретики «постиндустриального общества», рассматривая вопрос о характере политического руководства, пытаются завуалировать глубинные основы, определяющие содержание власти в том или ином государ-

---

¹ Цит. по: Пэнто Р., Гравити М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. С. 238.

стве. Политическая власть представляется ими не как выражение диктатуры определенного класса, не как выражение господствующих производственных отношений, т. е. не как следствие базисных отношений, а всего лишь как результат борьбы политических групп в обществе, места и роли политических партий. Американский социолог Белл формулирует проблему отношения между политической и социальной структурами в «постиндустриальном обществе», т. е. так называемую «управленческую проблему», как одну из главных проблем.

Весь ход рассуждений представителей теории «постиндустриального общества» направлен против марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации, против исторического материализма в целом. В частности, массовой атаке подвергается марксистский тезис о социальной роли формы собственности на средства производства. Так, утверждается, что прежняя роль формы собственности как фактора, определяющего общественное развитие, утрачивается. «В новом, появляющемся сейчас обществе индивидуальная частная собственность теряет свою социальную цель». И далее, «исторической основой власти была собственность, передаваемая по наследству. Теперь собственность хоть и остается, но является другой, основой становится техническая квалификация, приобретаемая через образование»¹. Таково, как утверждает Белл, осевое изменение в обществе.

Белл подробно рассматривает социальную структуру «постиндустриального общества». Главная его цель, как он замечает, заключается в выявлении осей (стержней) социальной стратификации. И основной вывод, к которому он приходит, следующий: постиндустриализм исходит из главенства технических знаний. Поскольку задача оптимизации структуры производства является наиважнейшей, то «неизбежно в будущем обществе будет доминировать образованный класс ученых и инженеров». Компетентность определяет положение этого класса в обществе, т. е. обуславливает его авторитет, а также и уровень дохода. Профессиональный класс может быть высшим классом в новом обществе.

Как видим, Беллу свойственна функциональная трактовка понятия социально-классовой структуры общества. Он так и определяет ее как структуру ролей, предназначенную для координации действий индивидуумов с целью достижения определенных результатов. Отсюда профессия становится у него наиболее важной детерминантой класса и стратификации в обществе. Белл исходит из того, что социальное неравенство вечно, неуничтожимо.

Гносеологические корни технологического детерминизма при подходе к анализу социально-классовой структуры заключаются в том, что социальная неоднородность труда проявляется прежде всего как

¹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973. P. 115.

различия профессиональные, квалификационные, как различия в образовании, опыте работы. Поэтому порождается соблазн выдать внешнюю сторону за сущность, закамуфлировать глубинные причины, определяющие социально-экономическое содержание труда. Между тем социальная неоднородность труда и общества в целом — это вопрос не производительных сил, а проблема, порождаемая производственными отношениями, находящимися, как известно, в тесной связи с производительными силами. Эта проблема в первую очередь не распределения, обмена, потребления, а собственно производства, противоречий, обусловленных формой собственности на средства производства.

Теоретики «индустриального», а также «постиндустриального» общества сводят категорию общественного разделения труда лишь к профессиональному разделению труда, к его специализации, лишают его социального содержания, связанного с формой собственности на средства производства.

Однако разделение труда наряду со специализацией имеет и социальную сторону: обмен производственной деятельностью, что находит свое отражение в различиях людей по месту в общественной организации труда. И если первое — специализация труда — определяется техникой, достижениями в науке, то второе — обмен производственной деятельностью — в своих главных чертах детерминруется производственными отношениями. Поэтому общественное разделение труда в сфере материального производства нельзя целиком отнести к производительным силам. Оно выражает и определенные производственные отношения. Одновременно оно отражает и определенное состояние производительных сил — их специализацию. Таким образом, общественное разделение труда, отражая социальную сторону производства, детерминирует социально-классовую структуру общества постольку, поскольку оно в свою очередь обусловлено формой собственности на средства производства.

В данном случае вульгарный социологизм, рассматривающий социально-классовую структуру общества с позиций технологического детерминизма, зиждется на вульгарно-материалистической трактовке истории общества, закономерностей его развития. О его лженаучности, несостоятельности функционализма и основанного на нем технологического детерминизма свидетельствует тот факт, что главным фактором, определяющим всестороннее развитие личности, рост культуры рабочих масс при социализме, является не новая техника и технология сама по себе, а тот революционный переворот в производственных отношениях, который поставил человека труда в центр общественного развития. Научно-техническая революция лишь создает основу, но ее социальные последствия различны при социализме и капитализме. Так что хотя изменения в социальной структуре современного общества и связаны с НТР, но конкретные формы связи опосредствованы его общественно-политическим

строим, и в первую очередь характером производственных отношений.

Вульгарный социологизм нередко покоится на попытке вывести социально-классовую структуру социалистического общества из распределительных отношений. «Дифференциация социальная, — заявляет Паркин, — несомненно, определяется сферой доходов». Лэйн также считает неравенство по доходам одним из решающих показателей разделения людей на группы. Западногерманский советолог М. Е. Рубан насчитывает в советском обществе четыре группы исходя из уровня доходов. Майснер отводит этому фактору также важное место, хотя он заявляет, что «если учесть общий относительно низкий уровень жизни, то авторитет и престиж играют при определении страт несколько большую роль, чем уровень дохода»¹.

К числу основных классовобразующих признаков советологи относят материальное стимулирование. Согласно их утверждениям, отказ от уравнительности в распределении, дифференциация оплаты неминуемо ведут к социальному расслоению. Так, западногерманский буржуазный экономист В. Текенберг вводит доходы в число экономических критериев страты. При этом он не проводит никакого принципиального различия между содержанием распределительных отношений при капитализме и социализме. «Материальные и духовные блага распределяются в советском социалистическом индустриальном обществе согласно стоимостной системе, которая не незнакома капитализму и ориентирована на достижение экономической рентабельности, т. е. социально-экономические улучшения вводятся в том случае, если они прямо или косвенно содействуют повышению производительности труда»².

Между тем распределительные отношения — это составная часть производственных отношений, в них находят выражение и отношения собственности, общественного разделения труда. Они характеризуются в первую очередь не уровнем оплаты, а тем способом, которым «доставляется» доход. И именно это знаменует собой социальную грань. Сам автор вынужден был констатировать что доходы промышленных рабочих выше, чем у служащих-неспециалистов³. Другими словами, Текенберг не вскрыл реальных факторов, определяющих социальную структуру советского общества.

Марксистско-ленинская теория социальной структуры общества, включающая четыре основных классово-социальных элемента (класс; социальные прослойки, обусловленные общественным разделением труда; слой как часть класса; социальная группа), изучает в едином комплексе развитие производительных сил и производствен-

---

¹ Meissner B. Der Wandel in der sozialen Struktur der Sowjetunion//Osteuropa. Hf. 10. 1976. S. 907.

² Teckenberg W. Unterschiede und Barrieren zwischen den sozialen Schichten in der Sowjetunion. Köln, 1975. S. 4.

³ Ibid. S. 28.

ных отношений при определяющей роли формы собственности на средства производства¹.

Важно подчеркнуть, что неверно было бы в обществе, лишенном антагонизмов, форму собственности на средства производства представлять в качестве единственного критерия, обуславливающего его социальную структуру. На это справедливо указывалось в марксистской научной литературе².

Но отличие данной постановки от буржуазных концепций технологического детерминизма классов и слоев общества заключается в том, что буржуазные экономисты абсолютизируют роль профессиональных различий, рассматривают их в отрыве от формы собственности на средства производства, возводят в ранг единственной и решающей константы, в то время как задача заключается в том, чтобы дать анализ социальной структуры исходя из основополагающего фактора — общественной формы собственности и, продолжая исследование, показать внутриклассовую структуру.

Здесь важное значение приобретают социально-экономическая характеристика общественного разделения труда, НТР и изменение структуры занятости активного населения, повышение профессионально-культурного уровня трудящихся, процессы урбанизации, оказывающие заметное влияние на социальную структуру общества. Но важно всегда учитывать, на базе каких производственных отношений протекают эти процессы, так как последние определяют их социально-экономическое содержание, характеризуют социально-экономическую сторону общественного разделения труда. В противном случае не выясняются причинно-следственные связи, описываются лишь внешние функциональные зависимости.

Опираясь на рассмотренные уже нами методологические принципы, буржуазные идеологи превратно толкуют тенденции развития социально-классовой структуры СССР. Они пытаются обосновать наличие общих закономерностей, свойственных якобы и капитализму, и социализму. Так, формулируя ряд закономерностей развития современной стратификационной системы «индустриального общества», американский буржуазный социолог А. Инкельс утверждает, что, во-первых, имеет место снижение уровня дифференциации в каждой стратификационной подсистеме: происходит сокращение разрыва между верхней и нижней границами шкалы по доходам, статусу, власти, опыту и образованию, наблюдается увеличение доли итогового числа членов общества, попадающих в слой средней доходности.

Во-вторых, в современном обществе существуют, по его мнению, тенденции к равновесию как внутри стратификационной системы в целом, так и для отдельных стратификационных шкал. Инкельс

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

² Руткевич М. Н. Тенденция развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль, 1976. С. 7.

пытается доказать, что если в прошлом общество порождало противоречия, разногласия по поводу положения, занимаемого каждым его членом, то в современном обществе противоречия все более сглаживаются. Он пишет: «Существует всеобщая тенденция к минимизации различий в положениях различных групп по всем критериям стратификационной системы. Другими словами, современное общество стремится достичь эквивалентности в положении каждой группы в каждом или во всех уровнях иерархии, составляющих стратификационную систему в целом»¹.

В данной концепции социальной дифференциации в современном «индустриальном обществе» игнорируются антагонистические противоречия, приущие капитализму, проповедуется возможность «классового мира». Теория Инкельса преследует цель обоснования отрицания необходимости классовой борьбы пролетариата.

Отмеченная выше общая тенденция развития стратификационных систем относится рядом советологов и к социалистическому обществу.

Это обосновывается утверждением о «построении» в странах реального социализма «индустриального общества». Лэйн пишет: «Хотя источники системы социальной стратификации (при социализме. — Авт.) коренятся в политической власти, после революционных изменений многие модели неравенства начинают приближаться к системам социальной стратификации других индустриальных обществ»². Такой же подход присущ и буржуазным социологам Ж. Шварцу и Дж. Пизу, которые предвидят появление в будущем в СССР «меритократии», а не уничтожение остатков социального неравенства³.

Лэйн подчеркивает, что неравенство является характерной чертой социалистического общества, равно как и капиталистического: существует неравенство в контроле над богатством, неравенство политической власти, неравенство доходов и соответственно неравенство страт. При этом Лэйн сетует, что «большевистская революция не создала соответствующего общества, обеспечивающего равенство людей, общества, в котором отсутствует социальная стратификация». То же пишут Шварц и Пиз: «Уничтожение частной собственности в советском обществе не имело следствием ни уничтожение классов, ни уничтожение неравенства».

Однако марксистско-ленинская теория всегда указывала, что социализм не несет с собой ликвидацию классов, речь идет только об

---

¹ American and Soviet Society. A Reader in Comparative Sociology and Perception. Ed. Hollander P. Englewood Cliffs, 1969. P. 181.

² Lane D. The End of Inequality? Stratification under State Socialism. Baltimore, 1971. P. 132.

³ Schwartz J. S. and Pease J. Toward Complete Equality? Soviet Views on the Future of Inequality//International Review of Modern Sociology. September, 1973. Vol. 3. N 2. P. 141.

уничтожении антагонистических классов, антагонистического неравенства. Что касается достижения полной социальной однородности общества, то это связано с построением коммунизма.

Некоторые советологи подчеркивают значение социальной дифференциации как источника развития. Поэтому если вдруг установилась бы социальная однородность, то прекратилось бы движение. Текенберг считает, что в странах социализма якобы существуют две конкурирующие цели: материальное стимулирование, что связано с решением задач экономического роста, и стремление к большей однородности, обусловленное коммунистическими идеалами. Второе недостижимо, поскольку противоречит потребностям роста¹. Буржуазными идеологами социальная однородность представляется в виде некой чисто этической идеи, не обусловленной экономической основой общества, более того, согласно их утверждениям, противостоящей ей.

Марксизм-ленинизм, напротив, всегда рассматривает материальную основу движения социалистического общества ко все большей социальной однородности его членов. Именно поэтому марксистами подвергаются решительной критике различные реформистские подходы к вопросам достижения бесклассового общества. В этих вариантах в качестве средств такой цели предлагаются некая «демократизация всех сфер жизни», преодоление экономического неравенства, обусловленного классовыми антагонизмами, с помощью этической цели, посредством победы «новой морали». Все строится на иллюзии, будто всеобъемлющая демократизация возможна и без ликвидации буржуазных отношений собственности. Втуне остается тот факт, что последние как раз неминуемо порождают экономическое неравенство.

В отличие от этих идеалистических теорий КПСС дает следующую характеристику объективных основ и самого процесса совершенствования социальной структуры при социализме, в частности в нашей стране: с ростом производительных сил совершенствуются социалистические производственные отношения, повышается уровень обобществления производства. Усиливается экономическая и социальная роль общенародной собственности, происходит дальнейшее сближение с ней колхозно-кооперативной собственности. Увеличивается численность рабочего класса и возрастает его роль как ведущей силы коммунистического строительства. Колхозное крестьянство по своему социально-экономическому положению приближается к рабочему классу.

Основные направления сближения классов и социальных групп трудящихся следующие: сближение всех классов и социальных групп трудящихся по их отношению к средствам производства; сближение

---

¹Teckenberg W. Unterschiede und Barrieren zwischen den sozialen Schichten in der Sowjetunion. S. 4.

всех классов и социальных групп трудящихся по характеру труда; органически вытекающее из первых двух сближение в сфере распределения.

XXVII съезд КПСС уделит большое внимание вопросам ускорения социально-экономического развития нашей страны, совершенствованию советского общества. «На новом этапе исторического развития перед нашей партией, советским народом во весь рост встала задача всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ в целях дальнейшего продвижения к коммунизму», — отмечается в новой редакции Программы КПСС¹.

Марксистско-ленинское обществознание никогда не представляло движение социалистического общества ко все большей социальной однородности как легкий, лишенный противоречий процесс. Напротив, это процесс очень сложный. Ведь рост социальной однородности, характерный для современного этапа совершенствования социализма, означает не механическое слияние, растворение одного класса, социального слоя в другом, а возвышение каждого из них, сближение на этой основе, увеличение числа социальных перемещений. Концепции о растворении одного класса в другом — это метафизическая трактовка в действительности диалектического процесса: сближение не есть обязательно прямолинейное движение без всяческих осложнений.

Процесс роста социальной однородности социалистического общества не исключает усложнения внутриклассовой структуры, проявления противоречий. Так, научно-техническая революция, усложнение управления требуют все более высокой специальной подготовки, а стало быть, все большей профессионализации. А это может порождать технократические и бюрократические тенденции. Решающее условие их преодоления — это развертывание демократии. Социалистическое государство, расширяя сеть учреждений по повышению общеобразовательной, квалификационной подготовки, создает условия для учебы всей массы трудящихся, что уменьшает преимущества научно-технической интеллигенции.

Дальнейшая разработка этой проблемы позволит еще нагляднее показать динамизм советского общества, его неоспоримое превосходство над современным буржуазным обществом. Ведь в содержании и тенденциях развития социально-классовой структуры социалистического общества находят яркое проявление такие преимущества социалистического общества, как его гуманизм, демократизм, равенство всех членов общества по отношению к средствам производства.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 128.

ВУЛЬГАРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В основе буржуазных концепций периодизации развития социалистической экономики в СССР лежат взгляды буржуазных теоретиков на факторы исторического развития вообще, и факторы социально-экономического развития СССР в частности. Анализ этих взглядов показывает, что, по мнению советологов, развитие социалистической экономики осуществлялось якобы волюнтаристски во имя прагматических, идеологических, традиционных, а в конечном счете политических целей. Сторонники прагматической концепции¹, отвергая принцип историзма в анализе социально-экономического развития, утверждают, что было бы заблуждением искать в развитии общества какую бы то ни было закономерность. Единственной движущей силой, «фактором» развития они объявляют «прагматизм руководящих органов», реагирующих на меняющиеся внутри- и внешнеполитические условия. Сторонники идеологической² и традиционалистской³ концепций, признавая на словах необходимость сле-

¹ Nove A. *An Economic History of the USSR*. Harmondsworth, 1972; Campbell R. W. *The Soviet-Type Economies. Performance and Evolution*. Boston, 1974; Cohn S. *Economic Development in the Soviet Union*. Lexington (Mass.) and London, 1970; Zaleski E. *Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918—1932*. Chapel Hill, 1971; *An Introduction to Russian History*. Cambridge, 1976; Nuti D. M. *Socialism on Earth* // *Cambridge Journal of Economics*. 1981. N 4; Renington T. *Varga and the Foundation of Soviet Planning* // *Soviet Studies*. 1982. N 4.

² Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era*. N. Y., 1970; Bochenski J. *Marxismus-Leninismus*. Wissenschaft oder Glaube. München, 1974; Dukes P. *A History of Russia*. L., 1974; Katz A. *The Politics of Economic Reforms in the Soviet Union*. N. Y., 1974; Riasanovsky N. V. *A History of Russia*. 3-d ed. N. Y., 1977; *Soviet Economy: Continuity and Change* /Ed. by M. Bornstein. Boulder (Col.), 1981.

³ Blackwell W. L. *The Industrialization of Russia. An Historical Perspective*. N. Y., 1970; *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. N. Y., 1974; Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History*. Cambr., 1970; Ryavec K. *Implementation of Soviet Economic Reforms*. N. Y., 1975; Munting R. *The Economic Development of the USSR*. L., 1982.

дования принципу историзма, «закономерность» развития социалистической экономики усматривают в том, что она якобы представляет попытку насильственной реализации марксистских идей или осуществление «духа» народа, коренящегося в его вековых традициях. Антиисторизм сторонников прагматической концепции и псевдоисторизм идеологической и традиционалистской концепций, обнаруживающие себя уже при трактовке факторов развития, становятся особенно очевидными при характеристике буржуазными советологами этапов развития социалистической экономики. Правда, претендующая на академизм буржуазная наука пытается отмежеваться от наиболее одиозных проявлений антиисторизма. Характерна в этом отношении рецензия на второе издание монографии по истории советского общества некоего Б. Дмитришина¹, опубликованная в «Ежегоднике по истории Восточной Европы»². Рецензент, западногерманский советолог В. Айхведе упрекает автора монографии в том, что он «не избежал обычных предрассудков». Периодизация развития советского общества в его монографии формальна и представляет собой нечто вроде журналистского штампа: «экспериментальные двадцатые», «военно-принудительные тридцатые», «патриотические сороковые», «десталинистские пятидесятые» и «космические шестидесятые» годы³.

На первый взгляд кажется, что рецензент призывает автора к более объективному анализу социально-экономического развития СССР. Но это не так. Основная вина Дмитришина, оказывается, в том, что он действует старомодно, грубо, что «обсуждаемые в течение последних 15—20 лет... вопросы модернизации, критериев индустриального общества и государственных организационных форм, социалистической и несоциалистической моделей индустриализации, мобилизации традиционных социальных структур прошли для Дмитришина бесследно. Неудивительно поэтому, что в его работе не упоминаются Бергсон, Гершенкрон, Наттер, Спалбер...»⁴.

Таким образом в отличие от старой, примитивной, по признанию самих буржуазных авторов, советологии «академическая» буржуазная наука должна, привлекая на помощь модные в настоящий период теории индустриального общества, модернизации и др. дать «научную» периодизацию развития «нового... исторически ограниченного общества»⁵.

Следует отметить, что различия в подходе буржуазных экономистов к анализу факторов возникновения и развития новой социально-экономической системы обусловили определенный разноречивый в характеристике отдельных этапов развития социалистической экономики.

¹ Dmytryshyn B. USSR. A Concise History. 2-d ed. N. Y., 1971. XV. P. 584.

² Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1975. № 1. S. 136—137.

³ Ibid. S. 136.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. S. 137.

В то же время предел этому разнообразию положен самими границами буржуазного мировоззрения. Чем полнее отрицание какой бы то ни было закономерности экономического развития, тем в большей степени и ее поиски в сфере духа, традиций, идей обрекают буржуазных авторов на субъективизм и вульгарный хронологизм в оценке этапов.

Последний выражается в том, что отрицание закономерности развития, с одной стороны, и в то же время необходимость поиска какого-либо (пусть чисто формального) критерия систематизации излагаемого исторического материала — с другой, обуславливают использование в качестве такого критерия хронологии политических событий (так называемая событийная, или политическая, история) или событий хозяйственных (введение или отмена тех или иных хозяйственных актов, документов, предписаний, законов и т. п., что относится к «хозяйственной истории»).

В качестве исходного пункта периодизации экономического развития буржуазные экономисты используют внешние события, изменения, происходящие в хозяйственном механизме, что приводит к искажению сущности исследуемых явлений. Так, американский экономист Н. Спалбер считает, что «рассмотрение советских исторических фаз в виде последовательной смены социально-экономических моделей... т. е. экономического механизма¹, должно быть в основе периодизации советского экономического развития. В этом Спалбер полностью солидарен с М. Левиным², критикуя, однако, последнего за то, что он сгруппировал все модели в два постоянно чередующихся типа и тем самым обнаружил отрицаемую Спалбером закономерность³.

Такого рода «закономерность» обнаружил, однако, не только Левин. К идее циклического характера смены форм хозяйственного механизма как принципу периодизации социально-экономического развития СССР прибегают многие буржуазные советологи. «Основное противоречие социализма», выведенное А. Катцем, бывшим экономическим советником при посольстве США в СССР, в конечном счете выражается в циклической смене политически и экономически мотивированных хозяйственных механизмов⁴. Эту идею поддерживает и З. Бжезинский, развивая тезис о том, что экономическую систему социализма подрывает борьба против нее «поборников эффективного функционирования экономики». «Их успехи и поражения проявляются в циклическом характере коммунистических экономических реформ и последующих отступлений»⁵.

¹ Slavic Review. 1976. N. 4. P. 745—746.

² Levin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton, 1974.

³ Slavic Review. 1976. N. 4. P. 746.

⁴ Katz A. Op. cit. P. V—VIII.

⁵ Brzezinski Z. Op. cit. P. 80; The Process of Rural Transformation. Eastern Europe, Latin America and Australia. N. Y., 1980. P. 12; The Soviet Economy: Continuity and Change/Ed. by M. Bořništein. Boulder (Col.), 1981. P. 275.

Анализ буржуазных принципов периодизации показывает, что каковы бы ни были концепции «факторов» социально-экономического развития, при наложении их на конкретно-историческое развитие социалистической экономики в СССР они сводятся к фокусированию внимания на хозяйственном механизме. Это не случайно. Признание в качестве решающих факторов развития «прагматического поведения руководящих органов, идеологии, традиций, политики» неизбежно должно было привести к интерпретации экономической истории не как закономерной смены качественно различных состояний производительных сил и производственных отношений в их единстве, не как развития способа производства, а как «смены парадигм» управления, регулирования и стимулирования экономических процессов, обусловленной сменой «политических императивов».

Такой подход к периодизации социально-экономического развития неизбежно приводит буржуазных экономистов к ложным выводам как относительно экономической системы социализма в целом, так и его хозяйственного механизма. Социалистический хозяйственный механизм, представляющий собой систему организационных форм и методов планирования, управления и стимулирования экономических процессов, далеко не тождествен экономической системе социализма в целом. Выражая насущные потребности каждого конкретного этапа развития социалистических производственных отношений, хозяйственный механизм находится в то же время под непосредственным влиянием производительных сил, политической надстройки и других факторов. «Одному и тому же экономическому базису, одной и той же совокупности экономических законов в различных производственно-технических и политических условиях могут соответствовать различающиеся по конкретной форме — в большей или меньшей мере — механизмы хозяйствования»¹. Отсюда следует, что для правильного понимания закономерностей развития хозяйственного механизма необходим предварительный анализ этапов развития экономической структуры общества в целом. Лишь базируясь на этом анализе, можно верно оценить влияние, которое оказывают на хозяйственный механизм внеэкономические факторы.

Для исследования общественных процессов развития проблема периодизации всегда была одной из ключевых научных проблем, ибо сам по себе поиск критериев периодизации представляет не просто поиск удобной систематизации исторического материала. В основе тех или иных принципов периодизации, представляющей собой расчленение исторического процесса развития во времени, лежат представления исследователя о закономерностях этого процесса. Очевидно, однако, что это расчленение не может быть единообразным, оно зависит как от природы, так и от масштабов рассматриваемых явлений. Как отметил советский философ И. С. Кон, способ измерения

---

¹ Ольсевич Ю. Я. Эффективность экономики социализма. М.: Мысль, 1972. С. 239.

зависит от свойств самого измеряемого предмета, поэтому такой скачок, как, например, переход от одной формации к другой (и, добавим, вообще от одного этапа экономического развития к другому), не может быть измерен днями или минутами¹. Периодизация, следовательно, должна отражать закон развития, проявление этого закона в конкретных исторических условиях. В этом основное отличие научной периодизации от хронологизации, или «внешней периодизации»².

Особенно актуальной проблема периодизации становится для научной теории после победы социализма, когда общество впервые в истории получает возможность планомерно воздействовать на условия воспроизводства своей собственной жизни. Такое воздействие может быть плодотворным лишь при условии адекватного познания обществом объективных закономерностей развития своего экономического базиса. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что вся трудность и все искусство политики состоят в том, чтобы учесть своеобразие задач каждого из периодов, своеобразие условий, в которых действует партия. Такой подход имеет огромное значение и при выработке экономической политики, которая должна учитывать главные особенности каждого этапа развития страны.

Этот подход получил свое дальнейшее развитие в Материалах XXVII съезда партии, уделившего большое внимание определению задач, вытекающих из особенностей современного развития социалистического общества в СССР³.

Внимание, уделяемое политической экономией социализма проблеме периодизации экономического развития, расценивается некоторыми буржуазными теоретиками в качестве дополнительного «подтверждения» тезиса о том, что развитие социализма в СССР является «отступлением от марксистской теории». По мнению американского советолога Дж. Джилисона, К. Маркс предусматривал быстрый переход к коммунизму в странах высокоразвитого капитализма. Большевики же, унаследовав «отсталую экономику», вынуждены были, согласно Джилисону, строить коммунистическое общество, якобы искусственно создавая то, что должно было быть естественным результатом исторического процесса. «Вследствие искусственности процесса строительства социализма и коммунизма советские теоретики столкнулись с проблемой теоретического определения их движения в терминах стадий и этапов, которые были неизвестны Марксу и Энгельсу»⁴.

Эти утверждения далеки от истины. Основы научной периодизации развития коммунистического общества дали К. Маркс и Ф. Эн-

¹ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.: Соцгиз, 1959. С. 327.

² Илюшин В. А. Периодизация как метод исторического исследования (методологические проблемы). М., 1973. С. 82—83.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 93.

⁴ Gilison J. M. The Soviet Image of Utopia. Baltimore-London, 1975. P. 58.

гельс. Марксу принадлежит гениальное предвидение о необходимости переходного периода между капитализмом и коммунизмом¹, ему же принадлежат обоснование необходимости и характеристика основных черт двух фаз коммунистической формации. Ф. Энгельс также подчеркивал динамизм нового строя, указывая, что социализм не является раз и навсегда данной вещью, а, как и всякий другой общественный строй, его следует рассматривать как общество, подверженное постоянным изменениям и преобразованиям².

Эти положения Маркса и Энгельса развиты В. И. Лениным. Четко разграничив понятия социализма и коммунизма, В. И. Ленин наметил ясную перспективу задач, решение которых необходимо для достижения высшей фазы коммунизма: коммунизм, по его определению, является более высокой фазой общественного развития, которая может быть достигнута лишь тогда, когда вполне упрочится социализм³.

Критерием разграничения переходного периода, низшей и высшей фаз коммунизма являлся у классиков марксизма-ленинизма уровень развития производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений. Отсюда специфические задачи по созданию адекватной каждому этапу материально-технической базы и совершенствованию производственных отношений. Вполне закономерно, что каждый из основных исторических отрезков — переходный период, социализм и коммунизм — может иметь и, как показал опыт строительства социализма в СССР и других социалистических странах, имеет свои этапы, обусловленные как общими закономерностями строительства социализма, так и конкретно-историческими особенностями той или иной страны. Однако отличие разных уровней периодизации является принципиальным для марксистской теории.

Понимая, что марксистско-ленинская концепция периодизации коммунистического способа производства базируется на созданном основоположниками марксизма учении исторического материализма, буржуазные советологи в обоснование своей вульгарной периодизации пытаются привлечь противопоставляемые историческому материализму и широко распространенные в буржуазной экономической и социологической литературе общепериодические концепции общественного развития: теории модернизации, «индустриального» и «постиндустриального общества», «конвергенции» исторического плюрализма и др. Характерно при этом, что выбор той или иной общепериодической концепции находится у буржуазных советологов в тесной связи с их трактовкой решающего фактора социально-экономического развития СССР.

Марксистский анализ теории «индустриального общества» и тео-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 27.

² Там же. Т. 37. С. 380.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 33.

рии модернизации вскрыл их апологетическую суть и антикоммунистическую направленность. Историко-материалистической теории последовательной смены социально-экономических формаций эти теории противопоставляют свое понимание периодизации социально-экономического развития общества, базирующееся на идеализме или вульгарном материализме. Ряд буржуазных советологов, выдвигающих марксистскую идеологию в качестве решающего фактора социально-экономического развития СССР и пытающихся «интегрировать» марксизм в «западное мышление», интерпретируют марксистскую периодизацию как вариант западных теорий, а строительство социализма — как специфический метод модернизации страны: «Поскольку советские и несоветские теории развития, — пишет В. Аспатуриан, директор Центра славянских и советских исследований при Пенсильванском университете (США), — исходят из одной и той же интеллектуальной традиции, они имеют сходство во многих отношениях, а их схемы стадий развития значительно совпадают»¹. Каждая схема, по мнению Аспатуриана, имеет в общем и целом пять стадий: 1) «традиционное примитивное» состояние, которое автором коррелируется с «примитивным коммунизмом»; 2) «традиционная цивилизация», отождествляемая с рабовладельческим обществом; 3) «переходное общество», аналогичное феодализму; 4) общество «индустриальной революции» — аналог капитализма; 5) общество «высокого массового потребления» — социализм-коммунизм².

В действительности, заключает Аспатуриан, в СССР был создан «новый и эффективный способ индустриализации и модернизации, а то, что называют строительством социализма, является по существу суррогатом капиталистического развития и капиталистической модернизации»³. Подобные идеи высказывают Бжезинский, Рязановский и ряд других сторонников «идеологической» концепции.

В этом пункте сторонники данной концепции вплотную смыкаются с буржуазными экономистами, трактующими развитие СССР как продолжение индустриализации традиционно русскими методами. Глобальная схема периодизации У. Блэкуэлла включает следующие стадии: 1) доиндустриальная Россия; 2) первый рывок индустриализации, 1856—1913 гг.; 3) индустриальная дезинтеграция, 1914—1929 гг.; 4) второй рывок индустриализации, 1930—1953 гг.; 5) индустриализованная Россия. В этой периодизации не нашлось места революционным преобразованиям, а сама революция оказалась незна-

¹ Aspaturian V. V. *Marxism and the Meaning of Modernization* // *The Politics of Modernization in Eastern Europe*. N. Y., 1974. P. 8.

² Aspaturian V. V. *Op. cit.* P. 8.

³ *The Politics of Modernization in Eastern Europe*. P. 11; Brzezinski Z. *Op. cit.* P. 129; Riasonovsky N. *A History of Russia*. P. 653—654; *East European Economic Assessment. A Compendium of Papers Submitted to the Joint Economic Committee Congress of US*. Wash., 1981. P. 1—5; *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. 3. *Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856—1945)*. Stuttgart, 1982—1984.

чительным эпизодом периода «индустриальной дезинтеграции». Этот момент Блэкуэлл считает «принципиальным» для своей концепции, ибо даже для периода «дезинтеграции» Блэкуэлл нашел аналог в историческом прошлом: «Период с 1914 по 1929 г., — пишет он, — представляет своего рода промежуточный период в индустриальной истории России — смутное время, напоминающее исторический период начала XVII в., т. е. время разрушений и стагнации»¹.

Несостоятельность подобных «глобальных» схем периодизации заключается в сведении экономического развития к наращиванию индустриальной мощи страны, модернизации техники и технологии при одновременном игнорировании социальной формы развития производительных сил — системы исторически определенных производственных отношений. Каждая же такая система производственных отношений, как подчеркивал В. И. Ленин, является «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму...»².

Возникнув в результате революционного разрешения основного противоречия капитализма, система социалистических производственных отношений явилась могучим ускорителем развития производительных сил, в частности ускорителем индустриализации страны. Импульс ускоренного развития, «скачка» социалистической индустриализации заключается, таким образом, не в «традиционных методах», не в хозяйственном механизме, скроенном по традиционным меркам (как полагает Блэкуэлл и др.), и не во влиянии идеологически и политически обусловленных «императивов» (как считают Бжезинский, Аспатуриан и др.), а в новой форме соединения средств производства с непосредственными производителями, в новом основном производственном отношении, пришедшем на смену отношениям эксплуатации.

А. Гершенкрон, отмечающий, как и Блэкуэлл, три «рывка» в индустриализации России (в 90-х гг. XIX в., в 1906—1914 гг. и в советское время), тем не менее отмежевывается от модных схем периодизации. Порочность этих схем Гершенкрон видит в том, что они рассматривают каждую стадию как необходимую предпосылку следующей. Выделение У. Ростоу специальной «стадии предпосылок» в его «пятиэтажной конструкции экономического развития» Гершенкрон называет «протаскиванием в историю метафизического понятия необходимости», в лучшем случае — грубой аналогией понятия «необходимые и достаточные условия», применяемого в логических дефинициях, «а по существу — жонглерством»³.

Эта критика автора «Некоммунистического манифеста» со стороны представителя буржуазной советологии — примечательный факт,

¹ Blackwell W. L. Op. cit. P. 55.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 429.

³ Gerschenkron A. Op. cit. P. 100, 151.

ибо даже малейший намек на признание исторической необходимости грозит разрушить всю конструкцию советологических построений, основывающихся на политическом волюнтаризме как исходном пункте социально-экономического развития.

Позиция Гершенкрона находит полную поддержку у сторонников прагматической концепции. Бóльшая часть из них (Е. Залеский, С. Кон, А. Ноув и др.) не выдвигают никаких общих принципов периодизации, а тем более глобальных схем социально-экономического развития, полагая, что каждый новый этап складывается в результате непредсказуемого стечения обстоятельств. Отказ от признания закономерности социально-экономического развития и как следствие — настаивание на идее альтернативности, множественности путей развития противопоставляются марксистской теории как якобы жестко детерминированной. Любое признание закономерности подрывает, по мнению сторонников данной концепции, идею плюрализма как следствия свободного политического выбора. «Я не вижу причин, почему более или менее одинаковое положение разных стран — скажем, один и тот же уровень экономического развития должен повлечь за собой одни и те же цели, — пишет Спалбер. — Напротив, существует достаточно причин, чтобы утверждать обратное. В некоторых теориях стадий, например известной теории стадий экономического роста Ростоу, утверждается, что более или менее одинаковые мотивы влекут различные страны от одной стадии к другой... Этот детерминистский путь не менее фаталистичен, чем марксов переход от капитализма к коммунизму; эта теория игнорирует роль политики и ее способность направлять экономическое развитие»¹.

В связи с этим Спалбер выступает против всяких попыток предсказать будущее развитие — будь то в терминах конвергенции или дивергенции. И то и другое, по Спалберу, возможно как между капитализмом и социализмом, так и внутри этих систем, поскольку их различие и сходство касаются не только экономических структур, но и целей, которые ставят перед собой политические лидеры, и инструментов, которыми они пользуются для достижения поставленных целей².

Отсюда ясно, что для Спалбера лишена смысла сама проблема периодизации развития — характеристика любого этапа зависит не от объективно обусловленного, закономерного развития общественного организма, а от свободного выбора цели и критерия, по которому исследователь оценивает системы. Этот принцип Спалбер отчетливо продемонстрировал в статье «Критерий благосостояния для сравнения изменений экономических систем»³.

¹ Spulber N. *Socialist Management and Planning*. Bloomington-London, 1971. P. 169.

² Ibid. P. 189.

³ Spulber N., Furstenberg G. M. *Welfare Criteria for Comparing Changes within and Between Economic Systems*//*Weltwirtschaftliches Archiv*. Tübingen, 1974. H. 4. S. 690—704.

Изменения внутри экономических систем и между ними не могут быть определены по критерию господствующей формы собственности или идеологии, считает Спалбер. Основой классификации может служить лишь критерий благосостояния, понимаемый как та или иная степень «суверенитета потребителя». Сочетание различных форм контроля над распределением ресурсов (разных форм собственности) с разными критериями благосостояния дает различные типы чисто теоретических (никогда реально не существовавших) и реальных экономических систем (см. табл.). Полный суверенитет (высший критерий благосостояния) потребителя обеспечивают чистая теория *laissez-faire*, система А. Пигу и высшая фаза коммунизма Маркса, но они, по мнению Спалбера, никогда не существовали и не будут существовать. Период нэпа и современная экономика СССР согласно антинаучной классификации Спалбера попадают в одну графу с экономическими системами диктаторских режимов Трухильо, Сомосы и фашизма в период войны.

Таким образом, реальные экономические системы, по Спалберу, могут встречаться в разные эпохи и в разных странах совершенно произвольно, независимо от уровня экономического развития. Причем отнесение экономической системы к тому или иному типу зависит от не менее произвольно выбранного критерия, в данном случае от критерия «благосостояние».

В данной концепции отчетливо проявляется внеисторический и механистический подход ее автора к классификации экономических систем. В советской литературе уже дан критический анализ попыток рассмотрения диаметрально противоположных социально-экономических систем с позиций абстрактного критерия благосостояния. Категория «суверенитет потребителя» оказывается совершенно бесполезной для характеристики действительного благосостояния человека и общества и так же бесполезна она для характеристики различных этапов экономического развития конкретной страны. Чего стоят претензии Спалбера на академизм и непредвзятость, демонстрирует его отождествление благосостояния социалистического общества с «благосостоянием» обществ, находящихся под гнетом фашистских диктатур. Такой «академизм» может удовлетворить лишь самых махровых мракобесов.

Действительно научный подход к любым развивающимся объектам, и в первую очередь к социально-экономическим системам, требует, как писал В. И. Ленин «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Но чтобы выделить главные этапы развития такого сложного явления, как социально-экономическая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

Модели и реальные типы экономических систем *

Непосредственное владение или контроль над распределением ресурсов	Принцип благосостояния	Суверенитет потребителя	Смешанный принцип благосостояния		Суверенитет правительства
			Ограниченный суверенитет потребителя	Ограниченный суверенитет правительства	
		1	2	3	4
А. Преимущественно частное		Теория **	Экономика	Патерналистский капитализм (Испания Франко)	Аграрно-индустриальные экономики (Доминиканская р-ка при Трухильо, Никарагуа при Сомосе),
В. Смешанное (частное и государственное)		Экономическая система Пигу	Экономика США (со времени принятия Нового Курса)	Страны «Общего рынка», ранний фашизм	Военный фашизм, советский нэп
С. Преимущественно государственное		Высшая фаза коммунизма	Социализм Ланге	«Участие рабочих» (Югославия 50-х гг.)	Экономики советского типа

* Составлено по: Weltwirtschaftliches Archiv. 1974. № 4. Р. 692.

** В рамках указаны модели экономических систем согласно классификации Спалбера.

система социализма, необходимо рассмотрение изменения лежащего в основе всех общественных явлений экономического базиса общества, его производственных отношений. Только такое рассмотрение позволит дать действительно научное объяснение как глубинных процессов, протекающих в экономическом строе социализма, так и его хозяйственного механизма и различных явлений надстройки.

Положив в основу периодизации развития социалистической экономики изменения форм хозяйственного механизма, буржуазные экономисты ставят с ног на голову реальное соотношение. Развитие хозяйственного механизма при социализме представляет собой постоянный процесс приспособления организационных форм и методов планирования, управления и стимулирования производственной деятельности к потребностям развивающихся производительных сил и производственных отношений. В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, отмечается: «Совершенствование управления должно опираться на более глубокое и всестороннее использование преимуществ и возможностей социалистической плановой системы хозяйства, экономических законов, в полной мере учитывать изменения в производительных силах и производственных отношениях...»¹. Действительное выделение этапов развития социалистической экономики предполагает поэтому выделение качественных особенностей развития целостного организма — способа производства — в комплексе его составных частей, т. е. производительных сил и производственных отношений, а в рамках последних — отношений производства, распределения, обмена и потребления по мере их постепенного перерастания в отношения коммунистические.

2. ВУЛЬГАРНЫЙ ИСТОРИЗМ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СССР

Анализ практики строительства социалистической экономики в СССР, опирающейся на марксистско-ленинское учение о закономерностях становления и развития коммунистического способа производства, позволил выделить следующие основные этапы развития социалистической экономики: этап построения социализма в основном, совпадающий с переходным периодом от капитализма к социализму; этап развитого социализма и его перерастания в коммунизм.

Буржуазная наука, игнорирующая производственные отношения как экономический базис общества и подходящая к периодизации развития социалистической экономики в СССР со стороны хозяйственного механизма, неспособна осмыслить качественную эволюцию

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 147.

социалистического способа производства. Непосредственно следуя за перестройками в методах управления, буржуазные экономисты выделяют в экономическом развитии СССР первые месяцы после революции, «военный коммунизм» и нэп, переход к «экономике советского типа» (конец 20-х годов), экономическую реформу 1965 г. и период «малых реформ в рамках административной плановой системы» (конец 70-х—80-е гг.).

В качестве начального этапа в истории развития социалистической экономики в СССР буржуазные экономисты выделяют первые месяцы после Октябрьской революции как образец прагматически ориентированной «смешанной экономики», базирующейся на применении централизованного и децентрализованного хозяйственного механизма, плана и рынка, государственного хозяйствования и частного предпринимательства. Следует отметить, что всякий раз, когда реальная хозяйственная практика не вмещается в жесткие рамки той или иной определенной концепции, буржуазные авторы прибегают к аргументам, эклектически заимствованным у других концепций. Прагматическая трактовка всеми буржуазными экономистами первых послереволюционных месяцев представляет собой в этом смысле характерный пример.

Исходным пунктом для подобной интерпретации является ложный тезис о так называемой «неподготовленности» большевиков к практическому руководству экономикой страны. Так, сторонники «идеологической» концепции, утверждающие, что социалистический переворот в России — результат идеологии, объясняют прагматизм «неразработанностью» проблем социалистического хозяйствования у классиков марксизма, «отступлением от марксистской теории», заключающимся якобы в том, что революция должна была осуществиться сначала в странах промышленного Запада, а не в «отсталой» России; отсюда вытекает положение о «неподготовленности» России для социалистического хозяйствования¹. Сторонники традиционалистской концепции считают прагматизм неизбежным вплоть до наступления периода, когда традиции вновь возьмут верх над хаосом периода «революционной дезинтеграции»². Для сторонников прагматической концепции первый период так же «прагматичен», как и все остальные.

Подобные «аргументы» являются прямым искажением научного наследия классиков марксизма-ленинизма и революционно-теоретической деятельности партии большевиков. Основные черты нового социально-экономического строя были выведены Марксом и Энгельсом из анализа развития капиталистического способа производства, а такие мероприятия Советской власти, как экспроприация эксплуататорских классов, национализация основных средств произ-

¹ Bochenski J. Op. cit. S. 123; Dukes P. Op. cit. P. 228; Katz A. Op. cit. P. 3.

² Blackwell W. L. Op. cit. P. 65, 69; Russian Economic Development from Peter The Great to Stalin. P. XXIX.

водства и другие, намеченные в работах В. И. Ленина и документах партии до революции и осуществленные в первые послереволюционные месяцы, не имеют ничего общего с прагматизмом, поскольку представляют собой первые научно обоснованные шаги на пути построения социалистического общества. «Дело идет сейчас именно о том, — писал В. И. Ленин в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти», — чтобы со всех сторон приняться за практическое возведение того здания, план которого мы уже давно нарисовали...»¹

Особое место буржуазная советология отводит фальсификации сущности «военного коммунизма» и нэпа. На примере «военного коммунизма» буржуазные идеологи пытаются запугать развивающиеся страны «антидемократизмом» социалистического пути развития, нэп же служит им «доказательством» неизбежности перехода социалистической экономики к капиталистическим формам производства². Характерной чертой, объединяющей всех буржуазных исследователей экономического развития СССР, являются попытки не только полностью противопоставить «военный коммунизм» нэпу, но и оторвать его от социально-экономических преобразований, осуществленных Советской властью до лета 1918 года. Эти попытки имеют цель выхолостить общую социалистическую направленность процессов, протекавших на протяжении всего переходного периода, затушевать ее путем акцентирования внимания на перестройках методов и форм регулирования и управления экономикой страны в меняющихся внутренних и международных условиях.

Несостоятельность подобных интерпретаций очевидна. Принципы и методы руководства, известные под названием политики «военного коммунизма», были вызваны гражданской войной и иностранной интервенцией, прервавшими последовательное претворение в жизнь программы социально-экономических преобразований, намеченных Лениным и партией накануне Октябрьской революции и в первые месяцы Советской власти. Высоко оценивая опыт «военного коммунизма», В. И. Ленин, тем не менее, после разгрома иностранной интервенции и внутренней контрреволюции обосновал необходимость перехода «от «военного» коммунизма к *правильному* социалистическому

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 159.

² «Военный коммунизм», якобы пришедший на смену «послереволюционному хаосу», сторонники идеологической концепции интерпретируют как имманентную социализму форму хозяйствования, «первую модель командной экономики»; для традиционалистов «военный коммунизм» — это возврат к традиционным в России принудительным мерам, для сторонников прагматической концепции — прагматическая реакция на изменившиеся обстоятельства. Что касается нэпа, то для сторонников идеологической концепции он противоположен «военному коммунизму», а потому является «отступлением от марксистской идеологии»; сторонники традиционализма подыскивали «аналогию» нэпу в мероприятиях столыпинской реформы; прагматики же интерпретируют нэп как прагматическую реакцию на изменившиеся (по сравнению с периодом гражданской войны) условия.

фундаменту»¹. Дальнейшей конкретизацией ленинского плана построения социализма в СССР явился нэп. Учитывая, что прямой переход к социалистической системе хозяйствования невозможен в стране с многоукладной экономикой, В. И. Ленин наметил ряд переходных мер, осуществление которых должно было привести к ликвидации многоукладности в экономике и полной победе социалистического уклада. Он писал, что «новая экономическая политика *не меняет* единого государственного хозяйственного плана и *не выходит* из его рамок, а *меняет н о д х о д* к его осуществлению»². Новизна этого подхода заключалась в том, что на смену жесткому планированию периода «военного коммунизма» пришло более гибкое сочетание централизованного планирования производства и распределения в обобществленном секторе с косвенным регулированием производства, оставшегося за рамками этого сектора.

В качестве особого рубежа развития социалистической экономики в СССР буржуазные экономисты отмечают конец 20-х гг. — именно в эти годы, согласно трактовке советологов всех направлений, «потерпела крах» политика нэпа³ и экономика превратилась в «систему народного хозяйства советского типа, которая приобрела характер модели для других социалистических стран»⁴. Специфика экономической системы «советского типа» усматривается во введении якобы принципиально отличного от периода нэпа хозяйственного механизма, предназначенного для осуществления новой (также якобы отличной от периода нэпа) цели — быстрого экономического роста. Именно для осуществления этой цели, как считают буржуазные экономисты, был взят курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства⁵.

Тезис о «крахе» в конце 20-х годов новой экономической политики и ее замене жестким «командным механизмом» основывается на искажении буржуазными экономистами сущности и главных задач нэпа. Нэп в ленинском понимании — это политика, ставящая своей задачей построение социалистической экономики, политика, рассчитанная на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 381.

² Там же. Т. 54. С. 101.

³ Blackwell W. L. Op. cit. P. 86—89; Cohn S. Op. cit. P. 9, 17; Schnitzer M. G. and Nordyke J. W. Comparative Economic Systems. Cincinnati, 1971. P. 411—413; Zaleski E. Op. cit. P. 290; Katz A. Op. cit. P. VII, 15; Nove A. Das sowjetische Wirtschaftssystem. Baden-Baden, 1980; Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat (1856—1945). S. 771.

⁴ Höhmann H. H. Wirtschaftsentwicklung und Wirtschaftsreform in der Sowjetunion. Köln, 1974. S. 5.

⁵ «Отказ» от нэпа и переход к «жесткому командному механизму» сторонники разных концепций «обосновывают» по-разному. Для представителей идеологической концепции отказ от нэпа был неизбежен, так как его принципы якобы противоречили цели построения социализма; прагматики объясняют этот переход необходимостью приспособления к «новым обстоятельствам»; для представителей концепции индустриализации в духе русских традиций конец 20-х гг. — начало «нового рывка» индустриализации при помощи «традиционного» для таких рывков «командного механизма».

весь переходный период от капитализма к социализму. Нэп нельзя было «отменить»¹, он мог лишь постепенно эволюционизировать в сторону экономической политики, присущей победившему социализму. Это значит, что сам нэп имел этапы, он развивался, чего не хотят признать придерживающиеся метафизического типа мышления буржуазные идеологи. Конец 20-х — начало 30-х гг. в истории социалистической экономики в СССР знаменуется вовсе не внезапным переходом от «рыночно-капиталистического» к «командному» регулированию, а революционным по содержанию развитием вширь и вглубь социалистических производственных отношений — отношений нового типа, одержавших полную победу с завершением переходного периода.

Переломным моментом в истории развития социалистической экономики в СССР буржуазные экономисты называют реформу 1965 г., которая якобы явилась свидетельством построения в СССР «современного индустриального общества», достижения этапа, когда прежние факторы «исчерпали» себя². Поскольку же «императивы» индустриальной экономики, обобщаемые буржуазными идеологами модным термином «улучшение качества жизни», якобы несовместимы с принципами социализма, перед советской экономикой, по мнению буржуазных экономистов, один путь — эволюционировать в том направлении, в каком эволюционируют и западные страны. Экономическая реформа, якобы внедрявшая рыночное регулирование экономики и использование капиталистических принципов, обозначила, по мнению буржуазных советологов, начало этой эволюции.

Интерпретация экономической реформы 1965 г. в качестве переломного момента в истории развития советской экономики со всей очевидностью продемонстрировала эмпирический, формальный подход буржуазных экономистов к периодизации экономического развития. Характерно, что буржуазные исследователи социалистической экономики пишут об одновременном «кризисе» экономических отношений во всех социалистических странах исходя из того формального момента, что экономические реформы, мероприятия по совершенствованию хозяйственного механизма проводились во всех странах социалистического содружества более или менее одновременно. Однако для марксистских исследователей очевидно, что любые мероприятия по совершенствованию планирования, управления, стимулирования про-

---

¹ «Решительно отменяя контрреволюционную болтовню об отмене нэпа... — говорилось в резолюции июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б), — целиком отклоняя линию отступления от решений XV съезда и продолжая... наступление на кулака, Пленум ЦК заявляет, что нэп является такой политикой пролетарского государства, которая «экономически и политически... вполне обеспечивает нам возможность построения фундамента социалистической экономики» (*Ленин*)» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 352).

² Brzezinski Z. Op. cit. P. 80, 139; Cohn S. Op. cit. P. 46—47; Nove A. Op. cit. P. 371, 379; Campbell R. Op. cit. P. 173; Spulber N. Social Management and Planning. P. 191.

изводственной деятельности, будучи неразрывно связаны с определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений общества, имеют в то же время относительно самостоятельное значение. Это вытекает уже из того факта, что более или менее аналогичные мероприятия проводились в странах, находившихся на разных этапах социалистического и коммунистического строительства.

Интерпретируя комплекс мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма, проводившихся с 60-х гг., как отход к рыночному регулированию экономики, внедрению капиталистических элементов, буржуазные экономисты принимали желаемое за действительное. С самого начала проведения хозяйственной реформы все мероприятия были нацелены не на «отход к капиталистическим методам», а на создание условий, способствующих лучшему использованию преимуществ социализма. Это подтвердил опыт последующего развития СССР и других социалистических стран. В буржуазной литературе после потока восторженных заявлений о предстоящем возвращении России в лоно капитализма вновь стали появляться унылые тезисы о тенденции «рецентрализации» в СССР, о «консервативно-прагматическом» характере осуществляемых мероприятий, о том, что реформа не затронула «фундаментальных черт» советской экономики, что экономической рационализации мешает идеология и т. д. ¹.

С этими тезисами связано выделение буржуазной советологией конца 70-х—80-х гг. как особого этапа экономического развития СССР этапа «малых реформ в рамках административной плановой системы» ². В обзоре докладов советологического симпозиума, проведенного Немецким институтом экономических исследований (Западный Берлин), отмечалось: «В странах СЭВ наблюдается новая стратегия реформ: ныне, в отличие от 60-х годов, речь идет не о широко-масштабных реформах и новых концепциях, а о мелких частных изменениях экономического механизма» ³. Участники симпозиума пришли к выводу, что экономический эксперимент, проводимый в СССР, не выходит за рамки «традиционной плановой системы». Поэтому и результаты преобразований, связанных с этим экспериментом, могут иметь лишь ограниченный характер. «Коренные же реформы по-прежнему наталкиваются на внутри- и внешнеполитические, а также идеологические границы» ⁴.

В этих тезисах обнаруживаются растерянность буржуазных идеологов, невольное признание ими несостоятельности исходных ме-

¹ Thalheim K. C. Die Wirtschaft in der neuen Verfassung der UdSSR//Osteuropa. 1978. N 1. S. 24; Höhmann H. H. Limits of Growth, Limits of Change. Köln, 1981. P. 24; East European Economic Assessment. A Compendium of Papers Submitted to the Joint Economic Committee Congress of the US. P. 5.

² Wirtschaftsreformen in Osteuropa: Effizienzsteigerung oder Sackgasse?//Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung. Wochenbericht. 1985. N 8. S. 91—95.

³ Ibid. S. 91.

⁴ Ibid. S. 95.

тодологических принципов, на которых базируются их концепции факторов и этапов развития социалистической экономики в СССР. Следуя за перестройками форм хозяйственного механизма, буржуазные авторы делают «скачок» от одной системы управления к другой, не замечая качественной эволюции самого способа производства. Между тем, как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, крупные успехи в экономике, социальной и политической сферах, науке и культуре вывели нашу страну на новые исторические рубежи¹.

Таким образом, отрицание понятия способа производства — фундаментальной категории, без которой немислим подлинно научный анализ социально-экономического развития, апелляция к поверхностным явлениям социальной жизни, идеализм, предвзятая апология капиталистического строя, едва скрывааемый (а нередко и открытый) антисоветизм — все это обуславливает бесплодность буржуазной науки, неспособность осмысления ею действительной сущности этапов поступательного развития социализма на пути к высшей фазе коммунизма.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 127.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ЕГО РОЛЬ В БУРЖУАЗНЫХ И ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИКУ

1. ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛИЗМА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ЭКОНОМИКИ СОЦИАЛИЗМА

В комплексе философско-социологических идей, составляющих общеметодологическую базу политэкономических концепций, исключительно важна роль вопроса о характере взаимоотношений личности и общества, социального и индивидуального. Здесь фокусируются принципиальные положения о природе общественных связей и определяющих силах общественного развития. При решении этой важнейшей методологической проблемы сложились глубокие расхождения между воззрениями марксистских и буржуазных авторов.

Теория исторического материализма, как известно, отвергает поверхностную трактовку общества как простой совокупности индивидов. Разумеется, «первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов»¹. Однако марксизм не сводит все характеристики общества к фиксации этой неотъемлемой предпосылки. Одно поколение людей сменяет другое, обновляется и изменяется конкретный состав индивидов, а определенные формы их взаимодействия — общественные отношения, носящие объективный характер, — продолжают оставаться и сохранять свою качественную специфику на протяжении длительного исторического периода, являя собой несравненно более глубокую сущностную характеристику человеческого общества. Не завися от стремлений и воли отдельных индивидов, социальное устройство в то же время не является неким заданным свыше целеобразованием, по отношению к которому люди выступают как пассивный объект его действия².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

² Подобная точка зрения чужда основополагающим принципам исторического материализма, тем не менее критики марксизма давно и неоднократно стремились приписать ему подобное объективно-идеалистическое представление. Так, в частности, П. Б. Струве в своей книге «Хозяйство и цена» отождествлял подход Маркса к исследованию человеческого общества с логически-онтологическим методом Гегеля и схоластиков, хотя известно, что Маркс выступал с резкой критикой «логического реализма» Гегеля и построил свою теоретическую систему на принципиально иных, материалистических основах.

Маркс подчеркивал, что люди сами являются актерами и авторами своей всемирно-исторической драмы и общество отнюдь не противостоит им как «самостоятельная сила, имеющая самостоятельную историю»¹. «Определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д.»², они представляют собой объективизировавшийся результат совокупной исторической деятельности массы индивидов, и именно практика как совместная деятельность людей является отправным пунктом марксистского учения об обществе. Человеческое общество — это «совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей»³, и в его сложной, дифференцированной структуре определяющей является экономическая деятельность, протекающая в форме определенных производственных отношений, обусловленных уровнем развития и характером производительных сил. Показав, что материальное бытие — это не только «непосредственно-физический», но и «общественно-исторический процесс жизни», марксизм вскрыл объективное в самих общественных отношениях и открыл новую ступень материального мира — человеческое общество, которое стало рассматриваться не только как субъект, противопоставленный природе, но и как материальный объект, определяющий жизнь человека.

Именно система общественных отношений, обусловленная способом производства материальных благ, в конечном счете детерминирует характер и форму жизнедеятельности индивида, а также функции и структуру его личности. При этом социальное нельзя понимать как некую реальность, существующую параллельно индивиду, усматривать в ней лишь среду, в которой развертывается деятельность отдельного человека. Социальные характеристики заключены в самом индивиде, в его существе, хотя и не исчерпывают совокупность свойств конкретной человеческой личности, представляющей неповторимое сочетание социальных ролей и индивидуальных свойств. Однако политическая экономия вправе абстрагироваться от индивидуальных особенностей людей и рассматривать их лишь в качестве определенных социальных типов, так как предмет исследования экономической науки — производственные отношения — носит безличный характер. Действия экономических агентов в основе детерминированы господствующим способом производства, и корни экономических процессов следует искать не в явлениях индивидуальной жизни, а в народном хозяйстве, представляющем собой определенную целостную экономическую систему, в которой объективизировались результаты массовой экономической деятельности людей. Блестящий пример развернутого народнохозяйственного подхода к анализу экономической жизни был дан в «Капитале» Маркса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 236.

² Там же. Т. 4. С. 133.

³ Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 120.

Принципиально иные взгляды на соотношение личности и общества, социального и индивидуального характерны для сторонников индивидуалистического метода. Как принцип поведения, как социологическая концепция, в основе которой лежит признание абсолютной, ничем не ограниченной свободы личности, ее независимости от общества и государства, индивидуализм рассматривает людей наподобие неких обособленных, самостоятельных социальных атомов, общество же выступает при этом в качестве механического конгломерата индивидов. Придерживаясь подобной ненаучной трактовки и абсолютизируя ее, представители буржуазного индивидуализма традиционно утверждали, что «общественные явления следует рассматривать прежде всего с точки зрения независимых действий и свойств индивидов, преследующих цели, которые в конечном счете определяются личными интересами. Отсюда социальное выступает как равнодействующая различных сил индивидуальной деятельности»¹.

Показательно, что некоторые теоретики «социального атомизма», не выходя за рамки самых поверхностных представлений индивидуального опыта, противопоставляли индивида как действительно конкретную реальность обществу, трактуемому в качестве абстрактного, чисто теоретического понятия².

Разрыв внутреннего диалектического единства личности и общества, утверждение о примате личности над обществом в гносеологическом аспекте опирается прежде всего на абсолютизацию факта относительной автономии личности в обществе, на определенные, хотя в различных случаях далеко не одинаковые, возможности выбора человеком тех или иных конкретных направлений и форм его деятельности.

Исторически объективные экономические основы этого явления были заложены в связи с возникновением общественного разделения труда, развитием обмена, в ходе которого, как подчеркивал Маркс, личность противостоит личности, а главное — с утверждением частной собственности на средства производства. Эти процессы, порождая обособленность и относительную автономию личности, прежде всего среди представителей имущих классов, создавали объективную базу для индивидуалистических тенденций, которые в той или иной степени проявлялись во всех антагонистических формациях. Но если в античную и особенно в феодальную эпоху идеи индивидуализма с наибольшей интенсивностью выдвигались в периоды упадка этих обществ и являлись своего рода выражением, симптомом процесса разложения этих формаций, то с утверждением капиталистического способа про-

¹ Parsons T. Economics and Sociology Quarterly Journal of Economics. 1923. February. P. 322.

² Эти представления восходят к идеям одного из столпов экономического индивидуализма И. Бентама, согласно утверждениям которого общество «есть фиктивное тело, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его члены» (Бентам И. Избр. соч. Т. I. Спб, 1867. С. 3).

изводства индивидуализм превратился в один из основополагающих принципов господствующей идеологии, получив признание во всех сферах социальной жизни и обретя в капитализме свободной конкуренции подлинно адекватную себе общественную систему. Господство частной собственности на средства производства, отсутствие внеэкономических форм принуждения, распад иерархической пирамиды словных зависимостей, замененной всеобщим единообразным господством безличных сил капиталистического рынка, эксплуатация, прикрытая формой эквивалентного обмена, и свободная конкуренция создали условия, при которых «различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей»¹.

В обстановке, когда сущностные социальные связи проявляются в завуалированной, фетишизированной форме, индивидуалистические представления о «первичности» человека по отношению к обществу, о его независимости от общества приобретают характер объективной иллюзии. Как подчеркивал Маркс, «если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то и это явление точно также проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни»².

Индивидуалистические идеи выражают поверхностные представления агентов капиталистического производства, в обыденном сознании которых им противостоит «заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир»³.

Если научный коммунизм стремится вскрыть глубинные процессы функционирования капиталистического общества, то большинство идеологов буржуазии в силу своей классовой ограниченности или заинтересованности в той или иной степени традиционно сводили дело к рассмотрению и фиксации этой «наличной видимости», выдавая ее за суть явлений, культивируя и развивая данную объективную иллюзию.

В качестве методологического принципа социологическая концепция индивидуализма была широко воспринята другими общественными науками, в том числе и буржуазной политической экономией, причем именно буржуазные экономисты не просто усвоили и ассимилировали индивидуалистические идеи, но и самым энергичным образом способствовали их обоснованию и распространению. Утвердившись в буржуазной политической экономии вместе с ее становлением, индивидуалистический метод господствовал в ней в течение длительного исторического периода, оказав огромное влияние на характер и направление экономических исследований.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 710.

² Там же. Т. 3. С. 25.

³ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 398.

Развитие монополистического, и особенно государственно-монополистического, капитализма с системой могущественных корпораций в сфере не только материального, но и духовного производства, с разросшейся бюрократической машиной нанесло удар свободному предпринимательству, сузило объективную экономическую базу индивидуализма и вызвало кризис индивидуалистического метода в буржуазных общественных науках, причем в первую очередь в политической экономии. Однако распространение макроэкономического подхода на решение целого ряда важнейших экономических проблем, связанных по преимуществу с реализацией практической функции современной буржуазной экономической науки, хотя и пошатнуло позиции индивидуалистического метода, значительно сузив сферу его применения, тем не менее отнюдь не привело к его изгнанию из буржуазной экономической теории в целом. Органически связанный с частнокапиталистической собственностью на средства производства, овеванный более чем полуторавековыми традициями идеологической борьбы с противниками капиталистического строя, неотделимый от обширного теоретического инструментария, накопленного буржуазной политической экономией на протяжении целой исторической эпохи, от которого современные буржуазные экономисты не могут полностью отказаться, индивидуалистический метод сосуществует с макроэкономическим подходом, эклектически сочетается и переплетается с ним в разнообразных формах.

Определенное укрепление позиций индивидуализма наступило в связи с подъемом неоконсервативной волны, выступающей за укрепление частного предпринимательства как неотъемлемой основы эффективной народнохозяйственной деятельности, призывающей к упрочению исходных ценностей буржуазного общества. Не случайно Программа КПСС указывает на культ индивидуализма как на характерную черту современной буржуазной идеологии¹.

Одно из наиболее активных применений индивидуалистический метод находит при реализации важнейшей идеологической функции буржуазной политической экономии — в борьбе с марксистской теорией и с практикой реального социализма.

Знаменательно, что исторически сам термин «социализм» (происходящий от понятия «*sociale*» — общественный) возник на страницах французской утопической литературы как антипод буржуазного индивидуализма, в котором критики капиталистического строя видели характерную и неотъемлемую черту буржуазного общества.

Тот факт, что при социализме общественно-экономические связи выступают непосредственно, а не в скрытых, фетишизированных формах, традиционно трактовался адептами индивидуализма как навязывание ранее свободному от общества индивиду органически чуждого ему коллективизма. Характерно, что один из наиболее рьяных за-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 131.

щитников этой позиции Л. Мизес вообще провозглашал человека асоциальным по своей природе существом, тогда как еще Аристотель видел в человеке общественное животное.

Английский советолог Уайлс, заявляя, что тенденция к подавлению личности будто бы имманентно свойственна социалистической системе, утверждал: «Первопричина этого в высшей степени проста: социализм коллективен, свобода — индивидуальна»¹. В действительности же свобода человека не может быть реализована вне коллектива, вне общества, и это происходит прежде всего потому, что человеческая личность в основе своей социальна и представляет собой индивидуальное, неповторимое бытие общественных отношений. Именно коммунистический коллективизм призван создать подлинные условия для свободного развития человеческой личности, демонстрируя в полной мере тот факт, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»².

Утверждая, будто «свобода — это отсутствие ограничений для индивидуальной экономической деятельности»³, буржуазные идеологи традиционно связывают ее с господством частной собственности.

Еще со времен борьбы буржуазных теоретиков с идеями утопического коммунизма критика «коллективистской экономики» концентрировалась в значительной мере вокруг общественной собственности на средства производства. Категорически отвергая ее возможность, буржуазные идеологи, в чьей интерпретации человек как родовое понятие по существу превращался в «слепок с буржуа» и отождествлялся с «homo economicus», утверждали, будто уничтожение частной собственности является поправлением «естественных законов» и ведет к разрушению природы человека.

Современные разновидности этих естественно-правовых воззрений приобретают иногда неотрейдискую таактовку, согласно которой неугасимый, передающийся по наследству «инстинкт частной собственности» заключен в природе человеческой психики, в его подсознании, в силу чего введение общественной собственности приобретает характер психопатологической акции.

Связывая сущностные черты человека не с его активной преобразующей трудовой деятельностью, а с обладанием частной собственностью, буржуазные идеологи вступили в противоречие с реальными процессами исторического развития, и прежде всего с фактом существования на протяжении более трех тысяч лет первобытнообщинного строя, в условиях которого господствовала общественная собственность на средства производства, что было обусловлено законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

¹ Wiles P. *Economic Institutions Compared*. Oxford, 1976. P. 462.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 75.

³ Wiles P. OP7 CIT7 P. 481.

При социализме господство общественной собственности на средства производства не поглощает не только личную собственность на предметы потребления, но и производственную форму личной собственности трудящихся, на которой основаны личное подсобное хозяйство и кустарно-ремесленные промыслы. Установление общественной собственности на средства производства является не плодом теоретических заблуждений или волюнтаристических акций, а объективным требованием развития производительных сил общества, которые уже в рамках капитализма «с возрастающей мощью стремятся... к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил»¹. Не случайно в настоящее время в результате процессов развития государственно-монополистического капитализма, стремящегося приспособить буржуазную систему к новым историческим условиям, существование государственного сектора в том или ином масштабе стало достаточно обычным явлением экономики капиталистических стран, хотя его формирование часто является объектом острой политической борьбы.

В связи с этим нападки на социалистическую государственную собственность с позиций индивидуалистической аргументации несколько ослабли в среде кейнсианцев и теоретиков институционального направления, однако они в полной мере сохранили свое значение в идеологии неоконсерватизма. Так, английский экономист П. Джипсон утверждает, что «социализму присуще саморазрушение. В тех обществах, где ликвидирована частная собственность и господствует общественная собственность, атрофируется свобода воли отдельной личности и вся система является безнравственной и опасной»².

Усматривая в «homo economicus» не персонификацию капитала, а универсальное вневременное воплощение «природы человека»³, многие защитники буржуазного строя считали лишь безудержную откровенную погоню за частной выгодой, стремление к прибыли реальным стимулом экономической деятельности и обвиняли коллективистскую экономику в «противоестественности». Считая единственно возможной и рациональной экономической системой строй, основанный на частной собственности и мотиве прибыли, идеологи экономического индивидуализма давали поверхностную трактовку механизма капиталистического рыночного хозяйства, что нашло наиболее развернутую теоретическую разработку в концепциях «неоклассиков». Он выводился не из господствующей системы социально-экономических отношений, воплощенных в действии объективных экономических законов, а представлялся зиждящимся на субъективно-психологических оценках и предпочтениях, координируемых «невидимой рукой рынка».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 288.

² «Encounter». L., 1979. Vol. 53. № 4, p. 22.

³ Классовую направленность подобного рода методологического подхода вынуждены признать даже некоторые буржуазные авторы. Так, изданный в Англии «Сло-

В качестве фактора, определяющего в конечном счете рациональное распределение ресурсов и структуру всего общественного производства, выступает в этих концепциях потребительский спрос, обусловленный якобы чисто внутренними субъективными потребностями индивида.

Согласно традиционным воззрениям «неоклассического» толка свобода потребителя «не подлежит никаким ограничениям», поскольку «именно она в наибольшей мер соответствует целям индивидуального самоопределения и самореализации»¹. Отсюда тезис о нарушении «потребительского суверенитета» в условиях социализма, а сам факт планового определения фонда и структуры потребления рассматривается как попрание неотъемлемых прав личности, влекущее за собой разрушение экономики, эффективного механизма хозяйственной деятельности.

В действительности же подлинная природа личных экономических потребностей в любой формации, включая капиталистическую, не предполагает какого бы то ни было абсолютного «суверенитета потребителя», первичности структуры его потребностей и способов их удовлетворения по отношению к факторам социального характера. Экономические потребности, в том числе и личные, в конечном счете рождаются из общественного производства.

Являясь исторической категорией, экономические потребности в своей основе детерминированы уровнем развития производительных сил, их общественной формой и складываются под влиянием всей системы социально-экономических отношений данной формации, в рамках которой осуществляется конкретная определенная деятельность индивидов. Субъективные формы проявления личных потребностей, влияние личностных факторов на содержание индивидуального выбора так же, как весь комплекс обратного воздействия потребностей на производство, заслоняют от защитников буржуазного индивидуализма сущностное социально обусловленное содержание категорий личных потребностей. Причем когда буржуазные экономисты — что становится все более характерным для настоящего времени — вводят в факторы, формирующие потребности, социальные детерминанты, то дают им, как правило, психологическую интерпретацию, дополняя индивидуальную психологию психологией социальной.

В отличие от капитализма, где определяющее влияние объективных социально-экономических факторов формирования личных потребностей осуществляется на основе стихийно действующего рыноч-

---

варь марксистской мысли» отмечает, что «нормативные концепции природы человека служили выполнению важной идеологической функции. Конструируя определенные, исторически ограниченные формы человеческой жизни в качестве естественных, длительных, необходимых, они представляли рациональными и закономерными интересы господствующих социальных групп» (A. Dictionary of Marxist Thought/Ed. by T. Bottomore. Oxford, 1983. P. 215).

¹ Renn O. Verheissung und Illusion. F. a. M., 1984. S. 72.

ного механизма, при социализме этот процесс должен происходить планомерно с учетом объема и структуры общественного производства и национального дохода, его распределения, динамики и структуры платежеспособного совокупного спроса и других народнохозяйственных процессов, а также на основе анализа индивидуальных вкусов и разработки научно обоснованных норм потребления. В то же время характерно, что осуществляемая сейчас в нашей стране перестройка хозяйственного механизма требует ориентации планирования легкой, пищевой промышленности и сферы услуг непосредственно на потребительский спрос всех категорий населения.

Принцип индивидуализма вошел в основной методологический арсенал буржуазных концепций «центрально-управляемого хозяйства» и «командной экономики», в свете которых социализм представлял как нерациональная экономическая система, построенная по принципу жесточайшей всеохватывающей централизации, заменившей «естественные» народнохозяйственные связи произвольно диктуемыми административными вертикальными зависимостями. В рамках социалистической системы хозяйства, как подчеркивают авторы, разделяющие данные идеи, индивид, лишенный своей роли экономического агента, определяющего течение экономического процесса, превратился в послушный объект манипуляций центральных органов. В советологической литературе было даже пущено в ход понятие «*homo soveticus*», который в отличие от инициативного, руководящегося мотивами личной экономической выгоды индивида способен действовать лишь в соответствии с непосредственными директивными указаниями в рамках жесткого централизованного планирования.

Это положение в корне противоречит требованиям социалистического развития, тем более сейчас, когда ведется борьба с бюрократическими методами управления и всемерно возрастает роль человеческого фактора, который в контексте диалектических взаимосвязей личности и общества должен выступать как главный двигатель перестройки и в то же время воплощать в себе сдвиги в системе общественных отношений. Развертывание социалистической предпринимчивости, как отмечалось в решениях XXVII съезда КПСС, имеет исключительно важное значение для мобилизации резервов в целях ускорения социально-экономического развития страны. Хотя с позиций экономического индивидуализма социализм традиционно осуждался за то, что он якобы лишает индивида «естественных» экономических стимулов хозяйственной деятельности, однако еще основоположники марксизма подчеркивали, что «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»¹. Широкое применение при социализме моральных стимулов к труду отнюдь не исключает важной роли экономического стимулирования в подъеме и совершенствовании общественного производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 89.

Модели «центрально-управляемого хозяйства» и «командной экономики» выступают как исполненные полнейшим пренебрежением к интересам потребителей. В работах буржуазных авторов социализм часто предстает как общество, «где промышленное изобилие сочетается с потребительской бедностью»¹, где существует «жесткая модель потребления», которая принудительно навязывается потребителю сверху, не предоставляя ему никакой «свободы выбора»².

Такого рода представления не соответствуют принципам социализма. Повышение жизненного уровня трудящихся всегда рассматривалось в качестве требования основного экономического закона социализма и осуществлялось в рамках сложнейших исторических условий при наличии многочисленных неблагоприятных факторов, не говоря уже о том, что вопреки утверждениям буржуазных авторов экономически невозможно неуклонно наращивать современное индустриальное производство при постоянном игнорировании сферы личного потребления и поддержании ее на скудном уровне.

В новой редакции Программы партии ставится задача обеспечения качественно нового уровня народного благосостояния и подчеркивается, что «будут усиливаться социальная ориентация экономики, последовательно осуществляться поворот к более полному удовлетворению возрастающих потребностей советского народа»³.

Характерно, что среди самих буржуазных авторов все чаще раздается критика в адрес концепции «командной экономики» как совершенно абстрактной модели, не соответствующей реально функционирующему социалистическому хозяйству, а представители теории «центрально-управляемого хозяйства» в стремлении хоть как-то преодолеть ее очевидный разрыв с реальностью конструируют различные подтипы своих моделей, свободные от жесточайших нормативов «тотальной» централизации, начисто лишаящих индивидов какой бы то ни было социально-экономической и личностной автономии.

Своеобразным проявлением кризиса этих концепций является создание советологической концепции «второй экономики».

Если в различных вариантах теорий «центрально-управляемой» и «командной экономики», взятых ныне на вооружение представителями неоконсервативной волны, индивидуалистический метод путем «доказательства от противного» служит целям обоснования негативных характеристик социалистического строя, то в концепциях «сходства двух систем», разрабатываемых теоретиками буржуазно-либерального толка, обращение к принципам индивидуализма связывается с обоснованием идей «конвергенции» капитализма и социализма.

Курс на расширение прав низовых хозяйственных звеньев, на развитие товарно-денежных отношений и усиление экономических мето-

¹ Danniels R. Russia, Roots of Contradictions. N. Y., 1985. P. 289.

² Wilczynski J. The Economics of Socialism. L., 1978. P. 98.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 143.

дов хозяйствования, на последовательное осуществление принципа материальной заинтересованности и пр. рассматривается многими из этих теоретиков не в плане объективной потребности совершенствования экономического механизма на данном этапе развития социалистического общества, а как возврат к учету «естественных первозданных свойств и потребностей» «homo economicus».

Усиливающееся внимание к сфере личного потребления в странах социализма, расширение объема и структуры потребительского выбора также трактуется в виде своеобразного проявления индивидуалистических тенденций, роднящих обе системы.

Так, профессор Иллинойского университета Дж. Янкер в своей книге «Социализм в свободном рынке»¹ пишет о сходстве современных социально-экономических систем исходя из того, что государственная собственность на средства производства является ныне характерной чертой не только социализма, но и капитализма, а сфера потребления каждой из систем представляет собой область принятия частных решений, отвечающих стремлениям и вкусам индивидов. Основываясь на поверхностных явлениях, Янкер утверждает, что экономические механизмы в обеих системах тождественны, при этом он не видит существующих там принципиальных различий в характере и природе государственной собственности, а также и того, что сфера потребления в каждой из них подчинена в значительной степени действию разных экономических законов.

Упрощенная, субъективистская, основанная на индивидуалистическом подходе трактовка проблемы потребностей была характерна для швейцарского теоретика Г. Картезиуса. По его мнению, противоречия внутри систем «индивидуалистического» и «коллективистского» общества «просто неразрешимы», поскольку носят антропологический характер и порождаются якобы тем, что «индивиды всегда хотят больше того, что имеют»². Эта позиция используется автором для затушевывания подлинных социально-экономических конфликтов буржуазного общества и для неверного вывода об однотипности проблем, стоящих перед капитализмом и социализмом.

2. ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЛИЗМА В ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДАХ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИКУ

В сложных условиях современной действительности принцип индивидуализма в том или ином контексте используется не только

---

¹ Jounker G. Socialism in the Free Market. N. Y., 1979.

² Cartesius H. Individual and Society. Bern, 1977. P. 82.

теоретиками консервативного или буржуазно-либерального плана, но и представителями различных оппозиционных кругов буржуазного общества. В своеобразном преломлении он вошел в идеологию левого радикализма, отражающего настроения промежуточных слоев в современных промышленно развитых капиталистических странах, и прежде всего тех кругов интеллигенции, которые под влиянием процессов развития государственно-монополистического капитализма и НТР теряют свой прежний статус лиц свободных профессий и превращаются в наемных работников корпоративной машины, сохранив при этом в своем эклектическом мировоззрении весьма обширный комплекс мелкобуржуазных представлений, дополняемый совокупностью различных утопических идей.

Леворадикалы включили принцип индивидуализма в контекст своих воззрений, придав ему антикапиталистическую направленность, выступив против его различных буржуазных вариантов — предпринимательского, потребительского, карьеристского.

Апеллируя к «естественной» природе человека, они обвинили современный капитализм в ее попрании и разложении, в отчуждении индивида от свободной творческой деятельности, от природы и себе подобных, в превращении человека в послушный объект манипуляций, который в обмен на материальный достаток и потребительский комфорт готов продать свою подлинно человеческую сущность и усваивает рабское конформистское сознание и соответствующее поведение¹.

Подчеркивая разрушительное воздействие ГМК на личность, теоретики левого радикализма утверждают, что в условиях господства крупномасштабных бюрократизированных структур типичным становится так называемый «рыночный характер» — «человек без я», ориентированный лишь на то, чтобы повыгоднее продать себя. «Я тот, каким вы желаете меня видеть», — такой жизненный ориентир этого безликого индивида.

Характерный для индивидуализма принцип независимости человека от общества в системе леворадикальной идеологии нашел яркое воплощение в маркузианской идее «Великого отказа», призывающей к полному отрицанию неконформистской личностью всех ценностей, норм и институтов современного буржуазного мира.

С характерным для них социальным пессимизмом оценивая современную действительность, многие леворадикалы не видят в реальном социализме подлинной альтернативы капиталистическому строю. Абсолютизируя наличие в технико-экономических базах социализма и капитализма определенных общих черт и тенденций, вызванных развитием научно-технической революции, игнорируя глубокие ка-

¹ Не случайно некоторые авторы, отмечая индивидуалистический характер леворадикальных взглядов, характеризуют маркузианскую концепцию «одномерного человека» как «теорию развитого капитализма» (Keller D. Herbert Marcuse and the Crisis of Marxism. Hovndsmills, 1984, P. 330).

чественные различия в системе господствующих производственных отношений и по существу разделяя (но с различным ценностным коэффициентом) основные теоретико-методологические посылки буржуазных теорий «единого индустриального общества» и «конвергенции двух систем», многие идеологи левого радикализма неправомерно рассматривают социализм как сходное или даже однотипное с капитализмом общество, находящееся лишь на более низком уровне индустриального развития.

В качестве альтернативы современной «индустриальной цивилизации» как в форме капиталистического «общества потребления», так и в виде социалистического общества часто предстает у леворадикалов некое смутно очерченное «подлинно социалистическое», «здоровое», «умиротворенное» общество, сочетающее в себе принципы «коммунитарности» и индивидуализма, очищенного от буржуазного прагматизма и соединенного с гуманистическими демократическими ценностями.

Идеальное общество выступает здесь не как результат объективных закономерностей развития, а в большинстве своем как нормативное социальное устройство, вытекающее из учета подлинных потребностей человеческой природы. В духе индивидуализма личность рассматривается в таком контексте как нечто первичное по отношению к обществу, причем трактовка природы человека имеет часто биологизированную неотрейдиистскую окраску. Человеческая сущность предстает прежде всего в виде комплекса определенных инстинктов, влечений, потребностей, запрограммированных сферой подсознания, но искаженных и деформированных «репрессивной цивилизацией».

Свои надежды на построение «подлинного социализма» леворадикалы типа Маркузе связывают с проникновением в «биологическое измерение индивида», восстановлением его «естественной природы». Маркузе утверждает, в частности, что человек действительно свободного общества должен обладать утонченной чувственностью, способностью к самоуглублению, созерцанию. Обрисовав его по существу как прямую противоположность «экономическому человеку» с его неистощимой энергией и одержимостью к достижению личной материальной выгоды, Маркузе при этом лишает свой идеал активного действенного начала, неотъемлемой характеристики подлинного человека коммунистической формации, энергия которого должна быть направлена на достижение высоких общественных целей.

В качестве символов нового мира Маркузе выдвинул мифологические образы Орфея и Нарцисса, противопоставляя их образу Прометея. Если для Маркса Прометей — это «самый благородный святой и мученик в философском календаре»¹, то для Маркузе он являлся воплощением принципов эффективности, производительности, соревнования, которые, по его мнению, должны быть отвергнуты

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 154.

в подлинно свободном обществе. Определяя социализм, подобно Э. Фромму, как общество, «в котором человек относится к человеку с любовью и с которым он связан узами братства и солидарности», леворадикалы, обвиняя марксизм и практику реального социализма в «чрезмерном экономизме», часто не связывают социализм с детерминантами экономического характера и видят его основу исключительно в самой природе человека, в заложенных в ней позитивных чертах и устремлениях. Абсолютизируя роль «биологических основ социализма» и обвиняя практику реального социализма в их недооценке, леворадикалы в духе неопрейдизма усматривают существо коллективистских отношений социалистического общества в реализации «инстинкта жизни» со свойственным ему стремлением к «максимально полному объединению живой субстанции».

Многие леворадикалы, не признавая необходимым создание определенной материально-технической базы для реализации свободного гармоничного развития всех членов общества, обвиняют социализм наряду с капитализмом в чрезмерном внимании к принципам «эффективности» и «производительности». Нормативно конструируя альтернативную модель «подлинного социализма» с ориентацией на тип «умиротворенного», «созерцательного» индивида, органически и притом пассивно связанного с природой, многие леворадикалы отвергают необходимость широкого развертывания научно-технического прогресса, абсолютизируя его негативные последствия при капитализме.

Если теоретики типа Маркузе и Фромма, утверждая, что «социализм мог бы означать конец погони за прогрессом», «признание достаточности достигнутого», все же считают, что в будущем обществе следует ориентироваться на «современный промышленный метод», то некоторые идеологи левого радикализма, выступая с абсолютно утопических позиций, говорят о желательности возврата к «дотехнологическим ценностям» и считают целесообразным в условиях «подлинного социализма» развивать кустарное производство.

Подобно теоретику американского анархизма П. Гудмену они видят в этом «преодоление современного отделения работы от домашней среды», ликвидация которого должна, по их мнению, способствовать превращению труда в органическую составную часть жизнедеятельности человека, преодолению его раздробленности, развитию у индивида чувства удовлетворенности и счастья.

Превращение труда во внутреннюю потребность человека в рамках социально-экономических отношений коммунистического общества марксизм связывает с освобождением человека от физически тяжелых, утомительных производственных операций, от его прикованности к узкой системе разделения труда и особенно с интенсивным превращением науки в непосредственную производительную силу. Наивно и утопично в нашу эпоху связывать эти процессы преимущественно с развитием кустарной домашней промышленности, в то вре-

мя как именно поступательный ход научно-технической революции создает для них реальные объективные возможности.

Обвиняя «современную индустриальную цивилизацию» в том, что она устанавливает иерархию в процессе труда, и противопоставляя ей принцип прямого участия рабочих в управлении деятельностью своего предприятия, анархистски настроенная часть леворадикалов под флагом борьбы за реализацию принципов «подлинного равенства», за полное преодоление отчуждения личности в процессе производства и за ее абсолютную свободу зачастую готова ликвидировать функции управления — этого жизненно необходимого звена в системе современного разделения труда, существование которого диктуется объективными потребностями машинной техники, особенно в его современных высокоразвитых формах. Реализация подобных анархо-индивидуалистических требований в области производственной деятельности привела бы к полному развалу современных производительных сил, к ликвидации народного хозяйства как единого целого.

Несостоятельность индивидуалистических представлений об организации экономической деятельности в условиях «подлинного социализма» в полной мере проявилась и в леворадикальных взглядах на проблемы труда. Неотчуждаемый творческий труд, приносящий работнику чувство радости и удовлетворения, они настойчиво противопоставляют «принципу эффективности» или «производительности», господствующему в условиях капитализма и советского «стахановизма». Выступая против «репрессивной цивилизации», подавляющей естественные инстинкты и потребности человека, они усматривают в «принципе эффективности» один из важнейших инструментов подобного подчинения индивида чужой ему социальной воле, при этом неправомерно игнорируя специфику социально-экономической природы и целей развития различных общественных систем.

Представления леворадикалов о том, что в условиях бесклассового общества якобы возможно осуществлять производственную деятельность вне ориентации на показатели эффективности и производительности, являются насквозь утопичными; их утверждение о том, будто данные принципы противоречат решению социальных задач, лишено реального основания. Поскольку материальное производство как основа жизни человека будет существовать и при самом совершенном социальном устройстве, то общество и здесь должно быть отнюдь не безразлично к тому, как именно расходуются материальные и трудовые ресурсы. Бесхозяйственность отнюдь не должна идти рука об руку с реализацией высоких социальных идеалов. Более того, марксизм подчеркивает, что именно коммунистическое общество призвано обеспечить наиболее высокую экономическую эффективность как предпосылку совершенствования коммунистических социально-производственных отношений (в том числе и в сфере труда) и обеспечения максимально полного развития и реализации творческих сил индивида.

Производительному труду некоторые «новые левые» противопоставляют труд-игру как неперемнную черту свободного общества, где труд должен стать удовольствием. И здесь леворадикалы обращаются к идеям Фрейда, рассматривая труд-игру как проявление подлинной природы человека, как труд, освобожденный от внешнего регулирования, как выражение раскрепощенности человеческих инстинктов. Конечно, свободный творческий труд, ставший необходимой жизненной потребностью, должен приносить чувство удовольствия и удовлетворения, однако неправомерно связывать это непременно с игровым отношением к труду и совершенно необоснованно абсолютизировать эту идею. Как подчеркивал Маркс, критикуя подобные взгляды Фурье, даже наивысшие формы творческой деятельности, бесспорно, приносящие в конечном счете радость и удовольствие, не могут быть свободными от напряженных, часто мучительных поисков, сомнений, переживаний.

Неприятию буржуазного потребительства многие леворадикалы противопоставляют принцип аскетизма как атрибут подлинно социалистического общества. Они отрицательно относятся к росту материального благосостояния, считая, что оно во всех системах вызывает разрушение личности, превращает индивида в бездуховного потребителя.

«Приоритет экономического мышления как при капитализме, так и при социализме приводит к ограничению индивидуальных и общественных целей материальным благосостоянием, — подчеркивает западногерманский теоретик леворадикального толка О. Ренн. — Потребление как единственное средство достижения счастья превращает человека в *homo consumens*»¹. В действительности же рост материального благосостояния, отражающий объективные социально-экономические закономерности, рассматривается научным коммунизмом не как самоцель, а как предпосылка для всемерной активизации человеческого фактора, для всестороннего, гармоничного развития личности.

В целом взгляды леворадикалов на «альтернативное», «подлинное социалистическое» общество, неотъемлемой методологической предпосылкой которых служит своеобразно преломленный принцип индивидуализма, носят ненаучный характер и являются разновидностью современного утопического сознания.

---

¹ Renn O. Verheissung und Illusion. S. 57.

ЭКЛЕКТИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЕРЕВИЗИОНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛИЗМА

Общие для разных вариантов и этапов развития правого ревизионизма черты методологии определяются его социально-классовой базой, местом в системе антимарксистских концепций. Эта система имеет целью идейно-теоретическое вооружение сил, борющихся с социализмом и революционным процессом, при одновременном ослаблении идейно-теоретической базы революционных сил. Однако открыто буржуазные и ревизионистские элементы антисоциалистической идеологической системы выполняют эти общие задачи существенно различными методами.

Специфика правого ревизионизма определяется прежде всего тем, что он возникает и формируется в основном внутри международного коммунистического движения в рамках тех или иных компартий, ведет борьбу с марксизмом-ленинизмом не путем его открытого отрицания, «опровержения», противопоставления ему цельной логически непротиворечивой собственной теории, а посредством специфических трактовок марксистско-ленинской теории в целом и ее отдельных, в данное время выдвигающихся на передний план положений. Эти трактовки претендуют на «обновление», «исправление», «творческое развитие» марксизма-ленинизма якобы «с учетом новых условий», а в действительности они нацелены против теоретической целостности, социальной направленности, революционной сущности этой теории.

Из этого специфического метода идеологической борьбы вытекает исходная особенность праворевиизионистской методологии — при формальном признании научной марксистско-ленинской методологии фактический отход от нее посредством: а) таких «упрощений» этой методологии, которые ведут к ее вульгаризации; б) искаженных толкований важнейших марксистско-ленинских методологических принципов; в) эклектического комбинирования изолированных элементов научной пролетарской методологии с буржуазной и мелкобуржуазной, причем элементы буржуазной методологии преобладают.

Преобладание буржуазных элементов в методологии такого, в основном мелкобуржуазного, направления, как правый ревизионизм, определяется наряду с объективной их антисоциалистической нацеленностью низким теоретическим уровнем, методологической сла-

бостью открыто мелкобуржуазных концепций, рассчитанных на слои, имеющие неблагоприятные условия для образования, получения знаний.

Таким образом, характер праворевизионистской методологии, применение тех или иных подходов к оценке социально-экономических проблем определяются двумя основными моментами:

во-первых, пробуржуазной заданностью тех ответов, решений, которые ревизионизм должен дать на рассматриваемые проблемы в соответствии с его объективным положением как элемента анти-социалистической идеологической системы;

во-вторых, мелкобуржуазной промежуточной социальной опорой правого ревизионизма — шатким положением этих социальных слоев в современном буржуазном обществе, враждебностью частнособственнических элементов перспективе построения социализма и коммунизма.

Первый момент выражает в основном объективное положение праворевизионистских теорий в современной идейной борьбе, второй — субъективные устремления и настроения социальных слоев, стоящих за правым ревизионизмом. Именно этой двойкой характеристикой — коренным сходством и формальным, субъективно-декларативным отличием праворевизионистских подходов от открыто буржуазных — определяется ценность правого ревизионизма для буржуазной идеологии как ее агента в сферах, где явно буржуазные методы анализа и оценки социально-экономических проблем не имеют достаточной популярности и убедительности.

Комбинацию этих двух моментов при анализе праворевизионистских трактовок важнейших социально-экономических проблем современности, и в особенности трактовок генеральной линии развития современного мирового общества — его движения к социализму, должна раскрывать марксистско-ленинская критика. Исторически вторая из основ праворевизионистской методологии долгий период преобладала, и в современную эпоху она периодически активизируется в периоды крупных сдвигов в социально-экономическом положении средних слоев современного буржуазного общества. В то же время с нарастающей поляризацией пробуржуазная заданность правого ревизионизма приобретает главенствующее положение в формировании его методологических подходов к теории и практике социализма, что обусловлено не только объективными причинами.

Использование буржуазной методологии придает правому ревизионизму такие черты, как субъективизм, эволюционизм, индивидуалистический подход, возвеличение стихийности.

В отличие от наиболее зрелых буржуазных теорий, характеризующихся определенным стремлением к логической непротиворечивости, правому ревизионизму свойственны неопределенность формулировок, неясность позиций, обилие противоречий (явных и скрытых) как между позициями отдельных представителей, так и в рамках концеп-

ции одного автора. Полностью относится к современному ревизионизму ленинская оценка оппортунизма вообще: «Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса... вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой...»¹

У современного правого ревизионизма по сравнению с его ранними формами расширилось поле деятельности: наряду со скрытой апологией капитализма и критикой научной теории социализма современный правый ревизионизм активно участвует в критике практики реального социализма. Это обстоятельство усилило такие черты методологии современного ревизионизма, как разрыв между теоретическими положениями и оценкой возможностей их практической реализации, антиисторические, вульгарно-антропологические противопоставления неких догматических идеалов формам, определяемым реальной суммой социально-экономических условий, противопоставление отдаленных целей и современных путей движения к ним, затушевывание коренных различий между общественно-экономическими формациями, стремление противопоставить капитализму и социализму некий «третий путь», якобы свободный от недостатков как первого, так и второго.

Для современного этапа развития праворевизионистских концепций характерны также сдвиги в проблематике, перенос центра внимания на ревизию марксизма-ленинизма в области теории расширенного социалистического воспроизводства, хозяйственного механизма, проблем управления и самоуправления, благосостояния, формирования нового социалистического человека, а также в экологической проблематике.

В области методологии это вызывает — при неизменной исходной базе в виде метафизического и идеалистического подхода к действительности — заметный перекося в сторону вульгарного психологизма и одновременно обращение к абстрактным, антисоциальным схемам антропологического, технологического, а в последнее время еще и экологического детерминизма.

Значительные изменения произошли в наборе и соотношении приемов правой ревизии марксистско-ленинских положений: увеличилось разнообразие этих приемов, их приспособительные возможности. Необходимость пересмотра марксистских положений аргументируется в зависимости от конкретных условий теоретической и идеологической борьбы одним из следующих мотивов: «исходной неверностью» того или иного марксистского положения; «устарелостью положения», которое якобы было верным лишь при прежних условиях,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 392—393.

а с их изменением потеряло силу. В связи с этим правый ревизионизм присваивает себе функции обновления и творческого развития марксизма, выдвигает ряд «новаций», в том числе и в области методологии, таких, как: экологический, глобально-антропологический подход к социально-экономической проблематике, установки о «внесистемных» и «надклассовых» процессах повышения качества жизни и т. п.

На деле все эти «новации» являются разнообразными перефразировками данных ревизионистских представлений либо заимствованиями из современных буржуазных концепций. Однако это не очевидно и требует убедительного разоблачения. Наряду с ограничением марксизма во времени — отнесением его к предыдущим эпохам — широко используется и ограничение в пространстве в виде утверждений, будто открытые марксизмом предпосылки развития экономики, революционного преобразования общества действуют лишь в условиях некоторых стран, будучи связаны с уровнем или национальными особенностями их социально-экономического развития.

Распространенным методом ревизий является признание отдельных марксистских положений, но при таком истолковании, такой «конкретизации», которые в корне искажают действительный смысл. «Дальнейшим развитием» приема ложного истолкования положений марксизма является маскировка (порой весьма тонкая, трудно различимая) под марксизм таких взглядов и представлений, которые на деле чужды научной пролетарской теории, зато вполне устраивают ее праворевионистских искажителей.

Эволюция классовых позиций, идеологических задач ревизионизма, все большая зависимость его теоретических построений от практических политических установок приводит к таким характерным явлениям, как дальнейшее ослабление и формализация связей между методологией и теорией, с одной стороны, и между теорией и социально-политическими установками — с другой.

Если на ранних этапах развития ревизионизма ошибки в области методологии в значительной мере играли роль основы, из которой действительно вытекали ошибочные теоретические и социально-политические выводы, то на более поздних этапах эта связь все более приобретает поверхностный, вторичный характер. Основной реальной связью становится подбор из имеющегося ассортимента методологических подходов такого, который позволял бы с наибольшей внешней убедительностью подкрепить заранее известное прокапиталистическое «решение» данной проблемы. Решающую роль приобретает подгонка методологических посылок под заранее сформулированные теоретические положения и политические установки. При этом, естественно, выбор тех или иных методологических посылок приобретает чисто служебный, в большой мере субъективный характер.

Выбор метода при этом в немалой степени определяется теми слоями общества, для которых предназначена данная теория. Например, «непригодность» централизованного планирования для экономически

благополучных средних слоев убедительнее можно обосновать с позиций высокой эффективности рыночной конкуренции, для групп с неустойчивым экономическим положением — с антиэтатических позиций, для представителей интеллигенции — апеллируя к свободе личности... Вывод о неприемлемости государственной социалистической собственности на средства производства в разное время, в разных работах базировался на методах ложной абстракции и связанных с этим утверждениях об изначальной враждебности всякого государства (государства вообще) народным массам, на методах подмены базисных экономических отношений надстроечными (отношения политического принуждения). В настоящее время для «доказательства» того же тезиса все более активно используется технологический детерминизм, или глобально-экологический подход, и др.

В связи с заданностью теоретических и социально-политических выводов ревизионистских концепций реального социализма и несамостоятельностью их методологических основ наиболее полный и содержательный анализ методологии праворевизионистских трактовок современного этапа развития социализма предполагает рассмотрение этой методологии в тесной связи с анализом конкретного применения методологических принципов к тем или иным наиболее актуальным вопросам теории и практики научного социализма.

К таким проблемам на современном этапе, в частности, относятся проблемы формирования и развития отношений социалистической собственности, социально-классовой структуры социалистического общества, развития социалистической государственности и отношений самоуправления, народнохозяйственного планирования и централизованного управления экономикой, сочетания социалистического планирования с системой материальных стимулов и хозяйственной инициативой, природа и роль социалистических товарно-денежных отношений, возможности наиболее полного удовлетворения общественных потребностей и роста благосостояния всех членов общества. Все более активно осуществляется ревизия теории и практики научного социализма по проблемам НТР, социалистической демократии (в том числе хозяйственной), по глобальным проблемам экологии.

Основой праворевизионистских теорий по отдельным проблемам соотношения и борьбы капитализма и социализма служит общая концепция исторического развития человеческого общества и основного социально-экономического содержания современной эпохи.

В работах Р. Гароди, например, в конце 60-х гг. провозглашался отказ от ленинского понимания современной эпохи. Ее основное содержание автором усматривалось не в переходе от капитализма к социализму, а в эволюции от «слепых механизмов индустриальной цивилизации» к «цивилизации кибернетической», или к «постиндустриальному» обществу¹.

¹ Garaudy R. Le grand tournant du socialisme. P., 1969. P. 22.

Учение об общественно-экономических формациях заменялось при этом теорией стадий цивилизации, которую Гароди заимствовал из работ Д. Белла, О. Тоффлера, Г. Кана, У. Ростоу. В книге «Большой поворот социализма» (1969 г.) Гароди изображал общественный прогресс в качестве прямого, автоматического следствия прогресса в производительных силах. Утверждалось, в частности, будто НТР сама по себе создает базу для коренного «обновления» американского общества. В ходе этого обновления США смогут якобы перейти к «улучшенному капитализму». В итоге Гароди фактически присоединяется к известной методологической установке буржуазной футурологии о замене переворота в общественных отношениях переворотом в науке и технике и ненужности вследствие этого социалистической революции.

Наступившее в последующие годы обострение противоречий капитализма вынудило Гароди несколько изменить свои взгляды. На его высказываниях, относящихся ко второй половине 70-х гг. все сильнее сказываются пессимистические «алармистские» настроения, распространенные в системе общественных наук современного капиталистического мира. Однако и в этот период перспективы общественного развития Гароди оценивает, как правило, лишь с точки зрения производительных сил, а свойственные буржуазному строю пороки объявляет следствием «западной модели роста» (увеличением экономического потенциала как такового, неконтролируемым техническим прогрессом и т. д.). Из данной методологической посылки вытекает предложение Гароди о преодолении структурных кризисов капитализма (экономического, энергетического, сырьевого) за счет заимствования опыта «доиндустриальных цивилизаций». Предлагается, в частности, обратиться к опыту маоистских народных коммун, традициям африканской общины, философии гандизма. Следование «мудрости Китая, Африки, Индии и ислама» поможет якобы радикально изменить западную модель взаимоотношений людей с природой. По мнению Гароди, такой «диалог цивилизаций» будет способствовать формированию «не только плана выживания, но и оптимистического «проекта надежды» в масштабе всей планеты»¹.

Налицо явное заимствование и своеобразное «развитие» методологических положений современной буржуазной «компаративистики» о «свободе выбора» обществом той или иной хозяйственной системы, программы и целей развития, не зависящих от социально-экономической природы и структуры общества. Основанный на этой порочной исходной позиции «планетарный проект» Гароди представляет собой реакционно-утопическую программу, зовущую народы назад к отжившим или отживающим общественным отношениям. Реальная же проблема состоит не в том, чтобы отказаться от «расточительного индустриализма» в пользу законсервированных потреб-

---

¹ Garaudy R. Pour une dialogue des civilisations. P., 1977. P. 219.

ностей «традиционного общества», а в том, чтобы интенсивное промышленное развитие поставить на службу обществу и каждому его члену. Непременной предпосылкой этого является ведение хозяйства по единому научно обоснованному плану на базе общенародной собственности. Но для Гароди подобное решение глобальных проблем современности неприемлемо. Вслед за Маркузе он выступает с заявлением, будто «советская модель» экономического развития не дает в этом плане ничего нового и лишь воспроизводит ориентиры «западных моделей роста»¹. Гароди, как и западные футурологи, пороки буржуазной формации изображает в виде «спазмов индустриализма», от чьих разрушающих действий не свободны якобы и социалистические страны.

Наличие системы противоречий между производительными силами и производственными отношениями есть общая закономерность и форма развития всех известных нам социально-экономических формаций. Гароди ревизионистски «развивает» это исходное методологическое положение марксистско-ленинской теории в догму об одинаковом содержании, способе движения и общественной значимости противоречий между индустриальным производством и социальным развитием общества при капитализме и при социализме. Эта догма весьма далека от реальности. Противоречия между современной индустрией и капитализмом приобретают все более антагонистический характер, их тормозящее и антиобщественное воздействие все значительнее преобладает над движущим потенциалом.

Марксизм-ленинизм не отрицает противоречий между развитием современного индустриального производства и развитием системы социальных отношений в условиях современного социалистического общества. Это противоречия между углубленной специализацией и всесторонним развитием личности, между требованиями единоначалия и самоуправления, между критериями экономической и социальной эффективности хозяйственных решений, между массовостью производства и развертыванием многообразия потребностей и т. д. Но находясь под контролем общества, эти противоречия становятся все более активной мобилизующей силой развития как производства, так и социальной системы, их движущий потенциал все более преобладает над ограничивающим, инерционным эффектом.

Антииндустриальные толкования взаимодействия производства и общества независимо от типа самого общества толкают Гароди при определении путей движения к социализму на открытый отказ от национализации решающих средств производства². Он предлагает расчленить народное хозяйство Франции на обособленные «базовые сообщества», работающие на принципах самоуправления. Подобный

¹ Caraudy R. Pour une dialogue des civilisations. P., 1977. P. 210.

² Caraudy R. Appel aux vivants. P., 1979. P. 26; Le nouvel observateur. 1979. № 721. P. 130.

проект рассматривается как некий «третий путь» общественного развития, «несовместимый ни с капитализмом Запада, ни с этатизмом Востока»¹.

Концепциям социальной эволюции Гароди близки методологические установки другого представителя французского ревизионизма А. Лефевра. Согласно Лефевру каждое общество последовательно проходит этапы преобладания аграрного, индустриального и «городского» секторов, соответственно аграрную, или крестьянскую, индустриальную и урбанистическую эру². Утверждается, что каждая «эра», или фаза, «общественной трансформации» имеет свое специфическое «пространство». Исходным пунктом концепции «развития пространства» служит, таким образом, деление «общественных сфер» на три сектора: аграрный, индустриальный и урбанистический³. При этом последний связывается в основном с решением специфических проблем города, с удовлетворением потребностей в досуге, развлечениях или, как выражаются буржуазные социологи, с «производством впечатлений».

Теория исторических фаз Лефевра дает характеристику общественного развития в основном с точки зрения производительных сил, точнее с позиций простого процесса труда, прилагаемого последовательно в сельском хозяйстве, промышленности или сфере услуг. Данный методологический прием прямо заимствован современным ревизионизмом из буржуазной литературы. Лефевр сам отмечает этот факт, заявляя, что в его публикациях «в качестве примера берется классификация структур, выдвинутая К. Кларком и воспринятая во Франции Фурастьё и некоторыми другими авторами»⁴.

Неудивительно, что концепция Лефевра оказывается сродни буржуазно-реформистским теориям конвергенции. Правда, в отличие от идеологов буржуазии Лефевр демонстрирует враждебность не только к реальному социализму, но и к капитализму. Конвергенция приобретает негативистский характер, изображается как накопление отрицательных сторон в обеих системах, каждая из которых находится якобы на одной и той же «индустриальной стадии». Развивая мелкобуржуазный вариант теории «единого индустриального общества», Лефевр выдвигает положение, будто «государственный социализм» так же бессилён решить вопрос «человеческого пространства», как и «государственный капитализм», ибо обе системы заражены стремлением к безудержному росту, идеями «технократии» и «продуктивизма». Похожие идеи высказывались бывшим председателем комиссии ЕЭС С. Мансхолтом — одним из изобретателей теории «нулевого роста». В итоге рассуждений у Мансхолта, так же как и у Лефевра,

¹ Garaudy R. Le projet espérance. P. 1976. P. 213.

² Lefebvre H. Du rural à l'urbain. P., 1970. P. 14.

³ Lefebvre H. La fin de l'histoire. P., 1970. P. 112.

⁴ Lefebvre H. De l'Etat. 4. Les contradictions de l'Etat moderne. P., 1978. P. 45.

получалось, что экономический рост сам по себе вплотную подводит обе системы к абсолютно идентичным экономическим проблемам ограничения роста производства с целью избежать разрушения окружающей среды. Здесь, как и у Гароди, в ход идет ревизия марксистско-ленинской методологии конкретного, диалектического анализа противоречий социально-экономического развития в условиях различных общественных формаций. Противоречия, во-первых, «натурализируются», т. е. сводятся к противоречиям «человека вообще», «общества вообще», с социально-нейтральными и даже антигуманными силами техники или природы. Во-вторых, всякое противоречие изображается как антагонизм, ведущий в некий «негативистский тупик», избежать которого можно лишь системой волюнтаристских, реакционно-утопических мер, тормозящих и уродующих развитие общества.

Антагонистический конфликт капитализма и окружающей среды определяется целью капиталистического производства — получением максимальной прибыли, что неизбежно толкает предпринимателей на расточение даровых, «ничейных» ресурсов и сил природы. Известные границы этому стремлению ставят, с одной стороны, борьба масс за приемлемые условия существования и, с другой стороны, общая классовая заинтересованность буржуазии в сохранении рабочей силы, пригодной для эффективной эксплуатации.

Цель социалистического производства включает сохранение и улучшение природной среды в составе необходимых условий всестороннего подъема материального и духовного благосостояния общества.

Ссылки буржуазных и ревизионистских «критиков» на факты нерационального использования природы в странах социализма ничего не меняют в этой общей закономерности и требуют объяснения с точки зрения конкретных условий современного социалистического природопользования. В частности, следует отметить два момента: во-первых, глобальный характер ряда природоохранных мер в современных условиях сосуществования противоположных систем не позволяет реализовать их в полном соответствии с социалистическими принципами. Очистка воздуха, воды Мирового океана, охрана рыбных богатств и др. требуют всемирных усилий. Во-вторых, социалистический подход к природопользованию требует формирования особого механизма охраны природы, предполагающего принципиально новую комбинацию специализированных кадров природоохраны с подлинно всенародным участием в этом деле. Трудность и новизна этой задачи требуют известного времени для ее эффективного решения, для повышения движущего потенциала системы объективных противоречий в сфере социалистического природопользования.

Попытки изобразить «подлинный социализм» в виде общества, якобы преодолевающего общие недостатки капитализма и реального социализма, ведут ревизионистов к использованию и дальнейшей раз-

работке методологии реакционно-утопического подхода к современной социально-экономической проблематике. Основываясь на «голой негации», абсолютном отрицании обеих реально существующих систем, они не желают замечать, что высокоразвитый капитализм готовит объективные и субъективные предпосылки социализма, а практический опыт социалистических стран раскрывает многообразные методы их использования. Не случайно Лефевр считает склонность к утопизму непременным атрибутом подлинного революционера и марксиста.¹ и даже ленинские слова «Надо мечтать!» пытается перетолковать в утопическом духе.

В качестве «материала» для построения утопий Гароди использует догмы «этического» и «христианского социализма». Он открыто призывает добиваться «встречи социализма с религией», ибо, по его мнению, «фундаментальные постулаты революционного действия являются библейскими, евангелистическими»². Ненаучная трактовка социализма переходит, таким образом, в открытую проповедь идеализма.

Ревизионистская методология анализа общественной истории находит прямое продолжение в извращении генезиса реального социализма. В книге немецкого ревизиониста Р. Баро «Альтернатива» (1977 г.) проводится мысль, будто общественный строй в СССР возник на базе «азиатского способа производства», что и обуславливает якобы консервацию сверхмощного государства, гипертрофированную централизацию управления. В свою очередь польский ревизионист Л. Колаковский в духе откровенно идеалистических концепций обосновывает «государственно-тоталитарные черты», якобы свойственные советскому социализму, торжеством после 1917 г. «образа мыслей в стиле татарской и византийской традиций»³. Лефевр возникновение социализма в СССР связывает с противоречиями «аграрной», или «крестьянской», эры, а значение событий Великого Октября ограничивает открытием стадии интенсивного индустриального развития. Гароди и польский ревизионист А. Шафф также высказываются в духе стародавних меньшевистских и каутскианских теорий о «незрелости», «неподготовленности» социалистической революции в России⁴. Все это «подготавливает» ревизионистский тезис о «немарксистском» характере «советской модели общества»: Лефевр именует советский строй воплощением «государственного способа производства», Шафф пишет о «деформированном, переродившемся социализме», о системе с «фатально плохим функционированием», Баро —

¹ «Новый путь, — пишет Лефевр, — включает три измерения марксизма: прогрессизм, гуманизм, утопизм» (Léfévre H. Regulier. La révolution n'est plus ce qu'elle était. P., 1978. P. 197).

² Garaudy R. La parole d'homme. P., 1975. P. 249, 254.

³ Urban G. Gespräche mit Zeitgenossen. Acht Dispute über Geschichte und Politik. Weinheim und Basel, 1982. S. 77—78.

⁴ Schaff A. Polen heute. Wien-München-Zürich, 1984. S. 90, 145.

о протосоциализме», Гароди и Шик рассуждают о «государственном капитализме» или «государственном монополизме». Понятно, что буржуазный антикоммунизм с откровенным одобрением относится к такого рода концепциям, использует их в духе идеологической агрессии против стран реального социализма.

Гораздо труднее понять тех деятелей рабочего движения на Западе, которые наряду с признанием отдельных завоеваний Великого Октября пытаются пропагандировать идеи, весьма далекие от марксизма. Приходится, в частности, читать о том, что в происходившем до сих пор мировом революционном процессе «главными действующими лицами были не представители рабочего класса, а угнетенные, подчиненные колониальному господству массы отсталых стран, начиная с самой России»¹, что Октябрьская революция уничтожила «докапиталистическую систему с чрезвычайно низким уровнем политического, общественного и экономического объединения», ликвидировала «феодалные различия» — и только².

На этом строятся утверждения о неприемлемости советского опыта к условиям стран высокоразвитых в экономическом, социальном и культурном отношении. Утверждения о «завершении революционного периода, начатого Октябрьской революцией»³, об упадке советского общества, о необходимости искать «третий путь», находящийся где-то посередине между социал-демократией и «советской моделью», означают уже не раздувание и превратное толкование серьезных недостатков реального социализма, а прямой отказ от обобщения и использования его опыта, уход с твердой почвы реальных процессов формирования и развития социализма в область зыбких мечтаний о социализме, «который надо изобрести».

О направленности таких установок свидетельствуют выводы Ж. Элленштейна, исключенного в ноябре 1980 г. из рядов Французской коммунистической партии. «СССР, — пишет Элленштейн, — не является для нас ни моделью, ни примером, а представляет скорее антимodelь»⁴. И еще: «Социализм, приемлемый для Франции, не имеет ничего общего с сегодняшним днем Советского Союза»⁵.

«Социализм» без власти трудящихся, без общественной собственности на средства производства, без планомерного управления производством — вот «модель», противопоставляемая Элленштейном социализму, реально существующему и уверенно развивающемуся в СССР. «Социализм, каким мы его себе представляем, — признается Элленштейн, — нигде не существует. Мы по правде не знаем, каким он должен быть, мы знаем лишь наверняка, каким он быть не дол-

¹ Vías democráticas al socialismo. Madrid, 1981. P. 120.

² Ibid. P. 120.

³ Ibid. P. 158.

⁴ Ibid. P. 116.

⁵ Ellenstein J. Une certaine idée du communisme. P., 1979. P. 83.

жен»¹. Таким образом, отрекаясь от исторического опыта Советского Союза, современный ревизионизм не в состоянии представить сколько-нибудь содержательной альтернативы этому опыту.

Образцом комбинирования методологии ложных абстракций и непомерных обобщений с поверхностным ложным толкованием отношений причинности в сфере социально-экономических явлений может служить ревизионистская трактовка проблемы отчуждения трудящихся. Заимствуя терминологию отдельных, главным образом ранних произведений К. Маркса, ревизионисты фальсифицируют его взгляды по данному вопросу, сознательно исключая из его концепции подлинно научное политико-экономическое обоснование процессов отчуждения трудящихся от процесса капиталистического производства.

В противоположность К. Марксу, связывавшему основы отчуждения наемного рабочего прежде всего с капиталистической собственностью на средства производства, с целями производства при капитализме, ревизионисты, в частности Гароди, в качестве причин отчуждения указывают на авторитарные формы руководства гигантскими корпорациями, «навязывание» форм и методов труда «извне», в чем якобы проявляется «слепой механизм индустриальной цивилизации», при котором все решения о производстве принимаются «наверху» и «очень далеко» от непосредственного производителя. Сущность системы отношений, порождающих отчуждение, у них подменяется внешними формами реализации этих отношений.

Поскольку причина отчуждения оказывается вопреки Марксу оторванной от эксплуатации наемного труда, то в центр проблемы выносятся «противопоставление управляемых и управляющих»². В результате капитализм осуждается в первую очередь за то, что он якобы представляет собой центрально-управляемое хозяйство. Если марксизм обвиняет капиталистический способ производства в анархичности, стихийности, неспособности организовать общественное производство по единому народнохозяйственному плану, то ревизионистам, например Э. Фишеру, капитализм, наоборот, представляется «чрезмерно заорганизованным» строем.

В связи с этим Лефевр распространяет основание «отчужденности» на подчинение человека некоторой «системе» вообще, и государственной власти в особенности. Однако государство у Лефевра осуждается вовсе не потому, что является орудием классового господства буржуазии, а в силу того, что оно, во-первых, «определяет и устанавливает центры принятия решений»³, а во-вторых, само является «центром экономического производства и политических решений» и при этом «давит на общество всем своим весом, планирует и

¹ Ellenstein J. Une certaine idée du communisme. P. 50.

² Garaudy R. La reconquete de l'espoir. P., 1971. P. 69.

³ Lefèvre H. La survie du capitalisme. P., 1973. P. 117.

«рационально» организует общество, применяя знания и технику...»¹.

Подобный антиэтатизм анархического толка не только теоретически несостоятелен, но и прямо реакционен. Ведь здесь критикуется не просто государственно-монополистическое вмешательство в экономику, но и экономическая деятельность любого государства. Всякое государственное планирование, централизованное управление приравниваются к антиобщественному диктату, подавляющему творческую инициативу людей и коллективов в сфере экономики. Все это используется для методологического обоснования ложных утверждений, будто система производственных отношений, сложившаяся в странах социалистического содружества, не только неспособна покончить с «отчуждением трудящихся», но и, напротив, якобы способствует его увековечиванию.

Основную причину этого «явления» Шик, Гароди и другие усматривают в господствующем положении социалистической государственной собственности². Гароди, например, утверждает, что развитие государственной формы общественной собственности порождает ситуацию, при которой трудящиеся «вновь превращаются в лиц наемного труда, но теперь уже не у частного хозяина, а у государства»³.

Это мнение поддерживает и известный лидер современного ревизионизма Б. Хорват. Им утверждается, что «одно лишь существование отношения между нанимателем и нанимаемым является достаточным условием для отчуждения». Имея в виду реальный социализм, Хорват пишет, что здесь «на государственной фабрике труд, конечно же, также отчужден»⁴.

С этим положением полностью солидаризируются и другие ревизионисты. Так, Шик выступает с заявлением, будто работники государственных предприятий при социализме «чувствуют себя лишь получателями заработной платы, полностью отчужденными от собственности»⁵. В свою очередь живущий ныне в ФРГ экс-коммунист Р. Баро полагает, что отношение социалистических тружеников к «своему» государству, выступающему якобы в качестве «единого предпринимателя» и покупателя рабочей силы, «не отличается существенно от отношения работников при капитализме к «своему» концерну»⁶.

Подавляющее большинство правых ревизионистов пытаются объявить собственность социалистического государства всего лишь «первичной формой» общественной собственности, «законной и необходимой» исключительно в период «военного коммунизма» либо на начальных ступенях социалистического строительства. Но если госу-

¹ Lefèvre H. La production de l'espace. P., 1974. P. 31.

² Šik O. La troisième voie. P., 1974. P. 102; Ein Wirtschaftssystem der Zukunft. Berlin (W) — Heidelberg — New York — Tokyo, 1985. S. 41.

³ Garaudy R. Garaudy par Garaudy. P. 73.

⁴ Horvat B. The Political Economy of Socialism. N. Y., 1982. P. 87.

⁵ Šik O. Ein Wirtschaftssystem der Zukunft. S. 41.

⁶ Цит по: Nitsche H. Antwort an Bahro und Genossen. Bern, 1984. S. 35.

дарство сохраняет за собой «роль управляющего» за пределами данного периода, тогда согласно воззрениям ревизионистов «государственная собственность будет все больше отличаться от общественной собственности»¹.

С измышлениями такого рода выступали еще лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции. Ссылаясь на чисто внешнее сходство организационной структуры социалистических и капиталистических предприятий (наличие директора, прибыли, зарплаты, сдельщины и т. д.), оппозиционеры пытались квалифицировать государственные предприятия в СССР как предприятия, относящиеся к государственно-капиталистическому сектору. Гароди, Хорват и другие ревизионисты, по сути дела, лишь воспроизводят эту вульгарную «аргументацию». В условиях социализма нет эксплуататорских классов, здесь прибавочный продукт присваивается не капиталистами, а самими трудящимися. В социалистических странах никто не может монополизировать средства производства, закрыть к ним доступ другим лицам. Здесь нет безработицы, ликвидирована классовая основа отделения трудящихся от средств производства. Соглашение о найме при социализме лишь оформляет прямое соединение работника со средствами производства, определяет его место в том или ином звене общественного труда. Ссылки на это соглашение как признак «отчуждения» работника от средств производства лишены какого бы то ни было основания.

На первой фазе коммунизма сохраняют актуальность проблемы обеспечения всеобщего участия в труде, недопущения нетрудовых доходов, строжайшего учета и контроля за производством и распределением продуктов. Эти вопросы могут быть решены только сосредоточением основной массы средств производства в руках органа, обладающего политической властью и силой принуждения. Но эта власть и сила направлены не на отчуждение трудящихся от процесса общественного производства, а на планомерное создание системы условий, все более органично включающих труд каждого члена общества в систему общественного труда как творческий вклад индивида в общественное и одновременно в его собственное дело.

Симптоматично, что при попытках обосновать состояние «отчуждения работника» от средств производства в социалистическом обществе ревизионисты апеллируют по большей части к чувству неудовлетворенности отдельных граждан своим экономическим положением, играют на социальной инертности и ее проявлениях в сознании некоторых слоев населения.

Психологический аспект общественной собственности, формирование у трудящихся чувства хозяина весьма важны. Недопустимо, когда в итоге застойных явлений трудящиеся начинают относиться к государственной собственности как к ничьей, никому не принадле-

---

¹ Garaudy R. Le grand tournant du socialisme. P. 223—224.

жащей. Но задача политической экономии — не просто зафиксировать психологическую неудовлетворенность, а вскрыть ее объективные причины. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда»¹. От зрелости объективных условий, в которых функционирует общенародная собственность, зависят в конечном счете субъективное отношение трудящихся к проблеме лучшего использования и преумножения народного богатства, индивидуальный подход каждого к средствам производства как к «своим» и одновременно «общим».

Как же быть, однако, с такими распространенными пока что явлениями, как монотонный, малопривлекательный тяжелый труд, слабая вовлеченность известной части населения в процессы управления производством, бюрократизм, ведомственность, местничество, несправедливое с точки зрения высших коммунистических, а иногда и социалистических принципов неравенство в распределении и т. п.? Можно ли для обозначения этого круга отношений при социализме применять понятие «отчуждение» хотя бы в соединении с прилагательными «остаточное», «нисходящее»?

На наш взгляд, для утвердительного ответа на данный вопрос нет достаточных оснований. Думается, что формула «социализм есть преодоление отчуждения», безусловно, верна по отношению к социальному наследию капитализма, рыночной стихии. Но попытка связать отчуждение непосредственно с существующим уровнем наших производительных сил означала бы, видимо, методологическую уступку концепции «единого индустриального общества». Тем более неправомерно связывать с отчуждением трудности, которые возникают из-за неадекватных форм развития собственно социалистических отношений.

Отрицая «эвристические свойства» понятия «отчуждение» в применении к большинству проблем нашего общества, мы тем самым вовсе не призываем закрыть глаза на отрицательные явления в экономике социализма. Представляется, однако, что выработанное для принципиально иной эпохи, иных общественных условий, это понятие не приспособлено для того, чтобы отражать специфику нашего общества, его трудностей, механизм их преодоления. При капитализме отчуждение есть прямое следствие имманентных буржуазному строю законов. Наши трудности, напротив, порождены главным образом недостаточным развитием общекommunistических отношений, в ряде случаев — неполным воплощением социалистического идеала. Абстрактно общий термин «отчуждение» способен в лучшем случае зафик-

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 39.

сировать наличие у нас сложных проблем, но он вряд ли продвинет нас по пути их действительного познания.

Эти замечания, впрочем, носят попутный характер. Ведь в публикациях ревизионистов речь идет не о том, как лучше изучать экономические проблемы социализма, а о том, как их извратить.

При выдвигании своих «теорий» ревизионисты намеренно игнорируют принципиальную целостность социалистического общества, порожденную совместным трудом в рамках единого народнохозяйственного комплекса, общей собственностью на средства производства.

Методологическая основа ревизионистских концепций «отчуждения трудящихся» от средств производства при социализме заключается в глубоко ошибочной посылке, будто социалистическое государство является самостоятельным, отделенным от общества собственником средств производства, так что государственные интересы не только не совпадают, но и, как правило, противоречат интересам общества в целом. «Если государство, — пишет по этому поводу чехословацкий ревизионист Э. Лебл, — становится собственником средств производства, оно не может более выполнять своих функций: быть органом народа и зависеть от его воли... В этих условиях нация становится во всех отношениях зависимой от государства»¹.

В действительности при социализме именно государственная собственность выражает общую волю, общие интересы всех трудящихся, так как исключает использование средств производства в узких интересах отдельных лиц или обособленных коллективов.

Отмеченная выше функция принуждения не является в социалистической экономике решающей, главной. По мере упрочения социалистических отношений все большую роль в государственном управлении начинает играть хозяйственно-организаторская функция. Подобную направленность в эволюции методов государственного руководства экономикой предвидел в свое время В. И. Ленин, когда подчеркивал, что «аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»². Сохраняя функции политической организации, социалистическое государство выступает в новом качестве — как центральный экономический орган, субъект социалистического хозяйствования в масштабе всего общества.

Игнорирование этой принципиально новой роли социалистического государства, отождествление ее с насилием над экономикой составляют основной порок ревизионистских концепций в вопросе о социалистической собственности.

Отсюда вытекают утверждения ревизионистов, будто сосредоточение основных средств производства в руках любого, в том числе и

¹ Löbl E. Wirtschaft am Wendepunkt. Wien, 1975. S. 50.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 378.

социалистического, государства неизбежно ведет к полному игнорированию хозяйственной инициативы трудящихся и бюрократизму. В работах Лефевра, в частности, это выражено так: «Отличать плохое государство (государство буржуазии и капитализма) от хорошего государства (социалистического государства; государства рабочих и крестьян, народного государства и т. п.) все равно, что отличать хорошую бюрократию от плохой»¹.

Шик в свою очередь толкует о «бюрократической тирании государства», якобы имеющей место в условиях социалистической экономики².

Методологическая основа подобных нападок заключается в отождествлении форм и методов государственного управления при социализме и в условиях капитализма. Антагонистические противоречия буржуазного общества действительно порождают все возрастающее засилие бюрократов. В этом проявляется защитный механизм капиталистического строя, призванный высвободить аппарат управления из-под контроля общества, не допустить народ к власти. Экономические закономерности социализма, напротив, всецело отвечают интересам народных масс. Здесь поэтому нет нужды оберегать аппарат власти и управления от широкого участия в нем трудящихся. При социализме борьба с бюрократическими тенденциями становится все-народным делом, рассматривается правящими коммунистическими партиями как важнейшая задача совершенствования хозяйственного механизма.

Защищать социализм — не значит защищать все, что есть при социализме, оправдывать, так сказать, любой ценой сложившийся *status quo*. Методологические установки марксистско-ленинской политической экономики, верной принципам материалистической диалектики, могут основываться на вульгаризированной филистерами формуле «все действительное разумно, все разумное действительно». Всякая попытка апологетизировать бюрократические, административно-нажимные методы хозяйственного руководства подлежит осуждению и самой суровой критике.

Экономическая мысль СССР, других социалистических стран исходит из того, что реальный социализм еще не полностью воплотил в себе идеалы первой фазы коммунистического общества. Социалистический строй уничтожил классовую монополию на средства производства. Вместе с тем ему предстоит уничтожить и любое подобие социальной кастовости, элементов монополии на управление, распределение, контроль, другие социальные функции. В этом, кроме всего прочего, и состоит великая историческая миссия социализма.

Новые направления и принципы совершенствования государст-

---

¹ Lefèvre H. De l'Etat. P., 1976. P. 263.

² Šik O. La troisième voie. P. 23.

венного и хозяйственного управления сформулированы в принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы партии. Здесь, в частности, подчеркивается, что «советский аппарат служит народу и подотчетен народу. Он должен быть квалифицированным и оперативным. Следует добиваться упрощения и удешевления управленческого аппарата, устранения штатных излишеств, настойчиво искоренять проявления бюрократизма и формализма, ведомственности и местничества, без инициативных работников. Недобросовестность, злоупотребление служебным положением, карьеризм, стремление к личному обогащению, семейственность и протекционизм должны решительно пресекаться и наказываться»¹.

Ограничения, стоящие на пути полной ликвидации и невозможности бюрократии в условиях современной стадии социалистического развития, связаны как с объективными (ограничения всестороннего развития личности), так и с субъективными (тенденции к необоснованному закреплению социальной престижности) причинами. Роль Советского государства заключается в преодолении этих ограничений, сокращении их отрицательных последствий на необходимых промежуточных этапах формирования системы всенародного участия в управлении производством и обществом. Без сильного социалистического государства эти последствия не растаяли бы, как полагают ревизионисты, а приобрели бы хронический, опасный для общества характер.

Лефевру принадлежат заявления о некоем «сходстве» между собственностью социалистического и буржуазного государств. Утверждается даже, что «государственный социализм» и «государственный капитализм» входят в понятие «экономики, управляемой и ориентированной государством»², а потому должны рассматриваться как «две разновидности одного и того же рода: государственного способа производства»³. Для доказательства этих абсурдных положений Лефевр ссылается на некую общую для социализма и капитализма «стратегию», в рамках которой государство «объединяет все наличные ресурсы и направляет их на некоторые цели»⁴.

Но суть дела как раз в коренном различии этих «некоторых» целей. Ведь государственная машина капитала обслуживает эксплуатацию трудящихся, ее собственность является потому коллективным достоянием буржуазии. Наоборот, социалистическое государство непримиримо к любой эксплуатации. Государственная собственность при социализме используется в интересах всего общества, является надежной преградой на пути возрождения элементов эксплуатации. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 160.

² Autogestion et socialisme. N 33—34, Janvier-mars. 1976. P. 120—121.

³ Lefebvre H. De l'Etat. P. XXXIII.

⁴ Autogestion et socialisme. N 33—34. Janvier-mars. 1976. P. 121.

указывали, что основная экономическая задача пролетариата в социалистической революции состоит в том, «чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹. В «Критике Готской программы» К. Маркс писал и о «будущей государственности коммунистического общества», имея в виду общественный институт, следующий за «революционной диктатурой пролетариата»². Общественный характер собственности всегда связывался Марксом с централизацией средств производства в руках государства рабочего класса, сохраняющегося и на первой фазе коммунизма³.

Фальсификация взглядов классиков марксизма-ленинизма характерна и для публикаций Гароди. Правда, в отличие от Лефевра и Шика этот ревизионист не оспаривает тот очевидный факт, что К. Маркс связывал становление социализма с развитием именно государственной формы собственности. Однако согласно заявлениям Гароди В. И. Ленин якобы пересмотрел эту «схему» и создал принципиально новую «модель» социалистической собственности. При этом ленинские высказывания истолковываются так, чтобы создать ложное впечатление, будто В. И. Ленин лишь первоначально выступал за обобществление средств производства в рамках государственной организации, обращенной после социалистической революции на пользу народа, а в статье «О кооперации» он, якобы «не колеблясь, признается в ошибочности этого построения» и ратует за кооперативную форму как единственно возможную для социалистического предприятия⁴. Порочность методологического подхода ревизионистов к оценке государственных и кооперативных форм производства при социализме состоит прежде всего в отрыве этой оценки от реальных уровней обобществления труда, классовой структуры общества. В ревизионистской методологии одна форма собственности «всегда лучше» или «всегда хуже» другой.

Научная заслуга В. И. Ленина в вопросе о кооперации заключается не в том, что он будто бы отказался признать необходимость государственной формы собственности при социализме. Наоборот, В. И. Ленин всегда подчеркивал ведущую роль этой формы, а в статье «О кооперации» характеризовал государственные предприятия как предприятия «последовательно-социалистического типа»⁵.

Развивая анализ К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин сделал ге-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 446.

² Там же. Т. 19. С. 27.

³ Очевидна поэтому абсолютная беспочвенность утверждений Шика, будто «Маркс никогда не уточнял конкретную форму социализации средств производства» (Sik O. La troisième voie. P. 375).

⁴ Garaudy R. L'alternative. P., 1972. P. 127.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 374.

ниальный вывод о том, что «...раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства... находятся в руках рабочего класса... мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма...»¹.

Уже из этих слов становится очевидной полная несостоятельность попыток Гароди переиначить смысл ленинского учения о кооперации, вывести из него обоснование «кооперативного социализма». Ведь по В. И. Ленину «задача социализма — переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим»².

Современная экономическая наука не приемлет бытовавшую в известный период недооценку кооперативной собственности, неоправданные прогнозы об ее унификации, скором слиянии с собственностью государства. Кооперативы имеют у нас прочную самостоятельную перспективу, причем не только в сельском хозяйстве или торговле, но и в производстве промышленных товаров потребительского назначения, общественном питании, сфере услуг, «малотоннажном» строительстве. Кооперативная собственность способна дать новый импульс социалистической предприимчивости, состоятельности, гибкому приспособлению предложения к спросу. Вместе с тем социалистический характер кооперативов укрепляется вместе со всей экономической системой социализма, под многосторонним воздействием демократического планирования и общенародной собственности. Вне такой «экономической среды» кооперативная собственность рискует выродиться в основу группового частного предпринимательства, удовлетворяющего эгоистические интересы группы в ущерб интересам общества. Отсюда понятно, что, добиваясь упразднения «предпринимательской функции» социалистического государства, правые ревизионисты неизбежно приходят к отрицанию всякой общественной собственности, а не только ее государственной формы. Последнее особенно характерно для Шика, Лебла и других идеологов «рыночного социализма».

В ревизионистских проектах общественная собственность трактуется как чисто декларативная принадлежность средств производства всему народу. С реально-экономической точки зрения упор делается на коллективно-групповой сектор, развивающийся обособленно от государственной собственности и в противовес ей. Но такой экономический порядок как раз и означает, что национализированные средства производства используются коллективом предприятия в групповых интересах, а сам этот коллектив выступает как объект групповой собственности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

² Там же. Т. 35. С. 411.

Такая позиция далека от научных взглядов классиков марксизма-ленинизма, к которым пытаются апеллировать ревизионисты. «...Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма... — называл В. И. Ленин, — прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...»¹ На фоне этого ленинского положения особенно рельефно выступает несостоятельность любых попыток идеализировать собственность обособленных коллективов, выставляя ее в качестве «изначально социалистической» и «подлинно общенародной».

Выступления против крупного обобществленного производства, представленного при социализме государственным сектором, предопределили резко отрицательное отношение правых ревизионистов к планомерной организации общественного производства.

Ревизионисты здесь, как и в подходе к государственной собственности, активно обыгрывают формально-догматическую трактовку проблемы «отчуждения трудящихся». В частности, в публикациях Гароди сам механизм централизованного управления при социализме неизменно отождествлялся с «тяжеловесным аппаратом», с неким «Левиафаном отчуждения», порождающим якобы «горькое бессилие» трудящихся перед «неумолимыми решениями», спущенными сверху.

Но если подходить к данному вопросу по-марксистски, то окажется, что развитие планомерно организованного производства не только не ведет к отчуждению, но, наоборот, способствует все более полному устранению глубинных основ этого явления. Более того, в современных условиях развертывания системы противоречий НТР только планомерное, ориентированное на всенародные интересы управление техническим прогрессом может ослабить, а затем и полностью преодолеть отрицательные последствия узкой специализации труда, быстрого устарения квалификации в условиях ускоренного развития и обновления техники и технологии. И совершенно бессильны были бы против этих процессов локально-коллективные, никем не руководимые «ячейки» из праворевизионистских проектов «кооперативного социализма».

Внутри планомерной организации подрываются основы антагонистического противоречия между частным и общественным трудом, а следовательно, исчезает и товарный фетишизм, так как основной формой общественной связи становится не вещная, товарная, а прямая, планомерно регулируемая связь между ассоциированными производителями. Вместе с тем и сами товарно-денежные отношения приобретают новое, характерное для социализма содержание. Именно в условиях общей собственности на средства производства, в рам-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 481.

как реализации единого научно обоснованного плана «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе способно создать такую обстановку, такие условия хозяйствования, при которых его результаты всецело зависят от качества работы коллектива, от умения и инициативы руководителей»¹.

Таким образом, ведение общественного хозяйства по единому научно обоснованному плану означает вместе с тем возрастание свободы действий как отдельного индивида, так и общества в целом.

Планомерная организация, основанная на точном расчете и централизованном управлении общественными ресурсами, обеспечивает людям реальную возможность хозяйствовать со знанием дела и постепенно освобождаться от стихийных форм взаимодействия природы и общественных сил. Важное значение планомерной организации общественного производства с присущими ей принципами еще раз отметил XXVII съезд КПСС².

Ревизионисты же планомерную организацию представляют «бездушным механизмом», попирающим человеческую свободу и индивидуальность. Но в такой позиции ничего марксистского нет, а есть прямое следование анархизму с его отождествлением свободы с безграничным своеволием.

Чтобы лучше уяснить суть методологических приемов, применяемых современным ревизионизмом, обратимся к небезызвестной доктрине «кризиса планирования советского типа», составляющей сердцевину современных праворевизионистских концепций реального социализма. В обоснование этой доктрины теоретики ревизионизма приводят обычно следующие аргументы:

централизованный, директивный план не располагает системой объективных критериев: как учесть систему общественных потребностей, как наилучшим образом построить структуру промежуточного и конечного продукта, словом, план не располагает системой критериев эффективности и оптимизации народного хозяйства. Их может дать только рынок;

план не располагает необходимой информацией, ибо предприятия и объединения дают плановым органам неверные сведения — занижают производственные возможности и завышают результаты;

плановая система дорогá и громоздка, бюрократична и представляет собой тормоз принятия решений;

высшие плановые органы перегружены оперативными решениями, а потому не в состоянии решать перспективные вопросы. Перспективу можно планомерно наметить тогда, когда текущие проблемы автоматически решаются рынком³.

По мнению ревизионистов, выходом из «кризиса планирования»

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 40—41.

² Там же. С. 249.

³ Kosta Y. Neue Reformansätze im Wirtschaftssystem der ČSSR. Köln, 1985. S. IV, 6, 29.

мог бы стать переход к системе рыночной экономики, но этому препятствует «политическая система коммунизма», построенная на концентрации экономической и политической власти в руках «господствующей страты». Безысходный конфликт между требованиями «экономической рациональности», с одной стороны, и политическими установками и «идеологическими догмами» — с другой, как раз и обуславливает якобы непрерывное «нарастание трудностей», прорывающееся на поверхность в виде экономического и политического «кризиса»¹.

Что можно сказать по поводу такого рода теорий и их методологии? Во-первых, здесь сказывается обычный для вульгарной экономической теории прием — трактовать сущностные отношения того или иного способа производства исходя из тех форм, которые принимают эти отношения на поверхности. Известно, что поверхностные формы хозяйственного механизма не только не совпадают, но и часто искажают суть глубинных отношений, формой выражения которых они являются. В силу этого реальные недостатки внешнего механизма планирования не могут служить доказательством «непригодности» планомерной организации общественного производства как таковой.

Различия между представителями ревизионизма и марксизма состоят, следовательно, не в том, что первые смело вскрывают недостатки планирования, а вторые их тщательно замалчивают. Советские экономисты не являются «апологетами плана любой ценой», как это нередко представляется в ревизионистской литературе. Советская экономическая мысль при оценке роли и перспектив централизованного планирования исходит не из преходящих недостатков его нынешних форм и методов, а из решающих перспективных преимуществ планомерной организации общественного производства над рыночной. Эти преимущества многосторонни, они носят как узко-экономический, так и более широкий — социально-экономический характер.

Планомерная организация общественного производства обеспечивает занятость ресурсов, сбалансированность основных народно-хозяйственных пропорций; она способствует постепенному сближению условий труда и жизни различных слоев населения («рыночная система» рождает в этом плане резкую дифференциацию). Последнее как раз и убеждает нас в том, что только планомерная организация производства может стать экономической основой превращения социализма в коммунизм — общество без классов и без существенных социальных различий.

Планомерная организация обеспечивает решение крупных задач

---

¹ Šik O. Der ökonomische Krise des realen Sozialismus//Wirtschaft und Gesellschaft. 1981. N. 1. S. 19, 24. Fehér F., Heller A., Márkus G. Dictatorship over needs. N. Y., 1983. P. 21, 70, 104—105, 247—248, 280.

научно-технической революции. Современный переворот в науке и технике предполагает строгую увязку программ научно-технического прогресса с долгосрочными планами подготовки высококвалифицированных кадров, производства высокосложного оборудования и организации фундаментальных исследований. Полную реализацию этих требований в сочетании с более широкой реализацией прав всех членов общества можно обеспечить лишь в рамках долгосрочного плана при строгом выполнении заключаемых договоров. При этом сами эти договоры (включая централизованные заказы государства) при методологическом подходе к ним с позиций марксистского анализа по мере совершенствования социалистического хозяйственного механизма становятся все более обобщенным выражением тех исходных данных, которые направляют низшие хозяйственные звенья в высшие звенья на начальных стадиях составления народно-хозяйственного плана. Таким образом, план рождается во взаимодействии всех звеньев социалистической экономики.

По мнению же ревизионистов, планомерная организация общественного производства, как и государственная форма собственности, представляет собой всего лишь «бюрократическое извращение социализма», порожденное, дескать, технико-экономической отсталостью стран, начинавших строительство социализма «с нулевого уровня»¹. В условиях же современного этапа развития социализма планомерная организация превращается в прямой тормоз производительных сил, прежде всего в тормоз научно-технической революции. Требуется якобы перестройка хозяйственной системы в соответствии с рекомендациями теоретиков «рыночного социализма»².

Аргументация ревизионистов сводилась к пространным рассуждениям насчет инициативы масс, якобы невозможной без «права принимать решения на всех уровнях». В методологическом отношении здесь явная ревизия марксистского принципа, заключающегося в раскрытии глубинного социально-экономического содержания всякого рода правовых норм, акценте на реальные условия и возможности реализации соответствующих прав. Результатом является вульгарное, одностороннее истолкование социально-экономических последствий научно-технической революции. Последняя действительно возможна лишь в условиях роста творческих потенций непосредственных производителей. Но одновременно она выступает и мощным фактором обобществления производства. Наука — особая отрасль общественно разделенного труда для получения новых знаний — сегодня непосредственно включается в процесс взаимодействия людей с природой. При этом не только удлиняется производственная цепочка между естественной средой и обществом, но и усиливаются

---

¹ Petkoff T. Checoslovaquia. El socialismo como problema/ed. Fuentes. Caracas. 1969. P. 20—21, 35.

² Garaudy R. Op. cit. P.223—224.

взаимное сцепление ее звеньев, их созразмерность и сопряженность. Все это, несомненно, усиливает объективную необходимость планомерной организации.

В условиях же «рыночного социализма» инициатива обособленных локальных звеньев экономики в конечном счете может проявляться лишь в виде конкуренции разобщенных коллективов товаропроизводителей. Модернизация производства осуществляется здесь главным образом за счет массового экспорта технологии из-за рубежа, что порождает экономическую зависимость от заграницы, обостряет проблемы платежного баланса и т. д. Даже в капиталистических странах научно-техническая революция развивается прежде всего в той мере, в какой монополиям и буржуазному обществу удастся приспособиться к требованиям все большего обобществления и организовать крупномасштабное регулирование научно-технических исследований, а также деятельности крупных индустриальных комплексов.

Установленное марксистско-ленинской теорией принципиальное соответствие между научно-технической революцией (современным этапом в развитии производительных сил) и планомерной организацией (основной формой функционирования социалистических производственных отношений) нельзя, конечно, рассматривать как нечто безусловное, не требующее целенаправленных усилий для своей реализации. Здесь, как нигде, важно учитывать сформулированное на XXVII съезде КПСС методологическое положение об отсутствии автоматизма в обеспечении гармоничного единства между отдельными сторонами экономического базиса социализма.

«...Социалистические производственные отношения, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — открывают простор развитию производительных сил. Но для этого они должны постоянно совершенствоваться. А это значит, что нужно вовремя замечать устаревшие методы хозяйствования и заменять их новыми»¹. Эта важнейшая методологическая и теоретическая установка партии предполагает, что в рамках единого народнохозяйственного плана будет осуществлена крутая перестройка хозяйственного механизма, инвестиционной и структурной политики. Сюда относятся мероприятия по созданию высокоэффективного, приспособленного к интенсивному воспроизводству «противозатратного» типа хозяйственной системы, по концентрации капиталовложений на наиболее экономичных, перспективных для научно-технического прогресса направлениях, по первоочередному внедрению фондосберегающих технологий на базе ускоренного развития машиностроения, микроэлектроники, приборостроения, всей индустрии информатики.

Возвращаясь к методологии оценок ревизионистами социалистического планирования, отметим также традиционное использование

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 38.

ими антиисторизма. Следуя установкам неолиберального и «неоклассического» направлений буржуазной политической экономии, современные ревизионисты фактически исходят из глубоко ошибочного тезиса, будто единственно нормальным, «естественным» регулятором производства может стать только «механизм рынка». Для них первенство планомерных начал в социалистической экономике давно обратилось в синоним «тоталитаризма».

В действительности внеисторического, «оптимального» для всех времен и народов механизма пропорциональности и эффективного хозяйствования попросту не существует. Даже в рамках капиталистического способа производства насчитывается несколько типов конкретных хозяйственных механизмов: для простого товарного производства, капитализма свободной конкуренции, капитализма частномонополистического и государственно-монополистического. Характерно, что при двух последних модификациях наблюдаются прямой подрыв «свободы рынка», рост элементов планомерности, которую на новой качественной основе использует социализм. Вопреки мнению ревизионистов, планомерная организация общественного хозяйства при социализме не является плодом «политического насилия», своекорыстных устремлений бюрократов, а представляет собой закономерный результат взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Для критики отношений реального социализма правый ревизионизм широко использует заимствованные из буржуазной методологии догматические построения типа ложных альтернатив, в которых развитие, нарастание одного из явлений (процессов) может происходить лишь за счет полной ликвидации или деградации, глубокого угнетения другого альтернативного явления (процесса). Примером служит буржуазная концепция об альтернативе централизации и децентрализации управления общественным хозяйством.

Ревизионисты выдвигают против планомерной организации доводы, заимствованные у буржуазных теоретиков «центрально-управляемого хозяйства» и «командной экономики»¹. Главное в их «аргументации» заключается в подмене централизма демократического централизмом бюрократическим, в смещении плановых начал с насилием над экономикой и как следствие — в схематичном изображении «подавления местной инициативы» со стороны «управленческой монополии» центра.

Практика социалистического хозяйствования опровергает подобные взгляды, основанные на вульгарном, метафизическом противопоставлении двух неразрывных сторон единого, хотя и неантагонистически противоречивого процесса. Элементы централизации и де-

¹ Характеризуя идейные основы своей антисоциалистической концепции, венгерские эмигранты Ф. Фехер, А. Хеллер и Д. Маркуш откровенно признают: «Центральной политэкономической категорией нашего анализа является командная экономика» (Fehér F., Heller A., Markus G. Dictatorship over needs. N. Y. 1983. P. 232).

централизации находятся по мере совершенствования общественного хозяйства во все более тесной диалектической связи и взаимодействии.

Политэкономические основы радикальной реформы хозяйствования предполагают, что главным объектом централизованного планирования становится крупное производственное объединение, работающее по принципу социалистического хозрасчета и пользующееся хозяйственно-оперативной самостоятельностью. В результате низовые звенья производственного аппарата получают большую свободу экономического маневра. В то же время и производственные объединения как звенья, обладающие большой экономической мощностью, приобретают возможность на различных уровнях все более активно участвовать в разработке и творческой реализации централизованных планов. Центральные хозяйственные органы при этом сосредоточиваются на поддержании наиболее общих народнохозяйственных пропорций, управлении региональными комплексами или группами родственных отраслей.

Рассуждая о невозможности «дезагрегировать план на внерыночной основе», ревизионисты в своих интересах обыгрывают весьма острые вопросы о недостаточной «рабочей спорности», оперативности плановых органов, об эффективности их структуры. Но наряду с этим в критике централизованного планирования они по-прежнему исходят из того, что при доведении контрольных цифр до мест любая деталь и мелочь, пусть даже в обобщенном, суммированном виде, непременно должны утверждаться непосредственно центром. Сохраняется, следовательно, исходная методологическая предпосылка ревизионистской «критики» — «альтернативности» централизма и самостоятельности, общего плана и местной инициативы.

Изложенная позиция ревизионистов игнорирует те радикальные изменения, которые наметились на современном этапе развития социалистического планирования. Имеются в виду прежде всего передача пятилетнему плану функций основного планового документа с обязательным сокращением количества ежегодных корректировок, дополнение пятилетних планов разнообразными комплексными программами на более длительную перспективу, перевод предприятий и объединений на прямые длительные связи, функционирующие на базе периодически возобновляемых договоров, более активное использование в практике планирования товарно-денежных рычагов и стимулов и развитие на этой основе полного хозяйственного расчета, отношений самоокупаемости и самофинансирования предприятий и объединений.

Общий замысел состоит, следовательно, в том, чтобы разгрузить центральные плановые органы от множества мелких текущих вопросов, освободить централизованный контроль от излишней детализации, мелочности, опосредовав его стабильными плановыми нормами и нормативами, повысить роль Госплана путем концентрации усилий

на узловых проблемах хозяйственного развития (прежде всего — эффективности устанавливаемых пропорций) и вместе с тем дать больше простора хозяйской сметке, социалистической предприимчивости первичных экономических ячеек.

Метафизический подход и методология надуманной «несовместимости» централизма и хозяйственной инициативы довлеет и над построениями ревизиониста Л. Колаковского, выступающего с ложной альтернативой: централизованное планирование или материальное стимулирование. Последнее, по его мнению, возможно лишь в условиях «свободного рынка труда», что в свою очередь предполагает ориентацию на «частные интересы», «личную выгоду», а также «соревнование между трудящимися индивидуумами», которое, очевидно, включает и конкуренцию из-за рабочих мест¹. Иными словами, по Колаковскому совершенствование системы экономических стимулов несовместимо с централизованной планомерной организацией, а следовательно, предполагает отказ от единого плана.

Использование в практике социалистического хозяйствования принципов оплаты в соответствии с количеством и качеством затраченного труда помогает решению задачи оптимального сочетания интересов общества и личных интересов работника. Очевидно, что мотивы личной выгоды, так же как и материальное стимулирование в целом, нисколько не игнорируются в рамках плановой экономики. Они лишь планомерно регулируются обществом с учетом насущных проблем хозяйственной жизни.

Было бы нереалистично утверждать, что сформулированный К. Марксом принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» стал в нашем обществе повсеместно соблюдаемой нормой. Для более полного воплощения социалистического идеала необходимо, чтобы распределительный механизм служил надежной преградой нетрудовым доходам, уравниловке в оплате труда — всему, что противоречит нормам и принципам социалистического общества². Действительное соотношение материальных стимулов и централизованного плана развивается в направлении, прямо противоположном указанному ревизионистами. Применение в каждом хозяйственном звене твердых, перспективных нормативов стимулирования, поощрение эффективной и качественной работы, напряженных, но реальных обязательств, местных починов в сочетании с соблюдением приоритета общегосударственных интересов — таковы принципы взаимодействия стимулов, инициативы и плана в условиях современного этапа развития социалистической экономики.

Методологию построения ложных альтернатив активно использует современный ревизионизм, пытаясь дискредитировать марксист-

---

¹ Kolakowski L. y Hampshire St. El mito de la autoidentidad humana. La unidad de la sociedad civil y la sociedad política. Valencia, 1976. P. 19—20.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 147.

стско-ленинскую теорию и практику товарно-денежных отношений при социализме. Исходной методологической позицией при этом является тезис о неизменной природе этих отношений независимо от того, какая общественная система пытается их использовать. Жизнь показала, что механизм социалистического хозяйствования должен строиться с учетом таких отношений, как цена, премия, кредит, банковский процент и т. д. Современные программные установки КПСС исходят из того, что «в целях повышения эффективности производства, совершенствования распределения, обмена и потребления важно полнее использовать товарно-денежные отношения в соответствии с присущим им при социализме новым содержанием»¹. Однако закономерность социалистического хозрасчета — метода хозяйствования в условиях непосредственно общественного производства — предполагает, что данные экономические рычаги не существуют независимо от плана и тем более в противовес плану. Если труд носит непосредственно общественный характер, т. е. еще до начала процесса производства известно, что требуется произвести, как, с помощью каких средств и методов и сколько; если продукт создается и реализуется по плану и в соответствии с плановой ценой; если все экономические рычаги и стимулы направлены на выполнение договорных обязательств, тогда в рамках этого круга связей мы можем говорить о товарно-денежных отношениях на социалистической основе. Именно эти отношения адекватны социализму.

Правые ревизионисты вкладывают в понятие «товарно-денежные отношения» принципиально иной смысл. Большинство из них первоначально ориентировались на принцип «невидимой руки», максимальной «рыночной свободы», то есть на стихийный механизм рыночного регулирования. В этих условиях отсутствует централизованное планирование, которое, по мнению большинства ревизионистов, совершенно несовместимо с использованием товарно-денежных форм экономических связей и народнохозяйственных измерений. В более завуалированной трактовке Шика роль плана сводится к «поддержке рынка», чтобы «как можно точнее предугадать эволюцию рынка и адаптировать к ней производство»². По его мнению, планирование «должно заменять рыночный механизм лишь там, где свойственный ему метод «проб и ошибок» вызывает большие народнохозяйственные убытки и потери»³.

Очевидно, что ревизионистская концепция «экономического регулирования» либо откровенно подчиняет плановое начало рынку, либо выступает за их эклектическое сочетание при конечном первенстве рыночных критериев эффективности. Грубый эклектизм в вопросах

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 147.

² Šik O. La troisième voie. P., 1974. P. 188.

³ Šik O. Ein Wirtschaft der Zukunft. Berlin (W) — Heidelberg — New York — Tokyo, 1985. S. 57.

теории макроэкономического регулирования особенно характерен для Б. Хорвата, который формулирует свои представления об оптимальной структуре экономической координации следующим образом: «Либеральный капитализм основан на свободном рынке, что означает господство принципа *laissez faire* в макроэкономической организации. Административное планирование является основой этатизма (так Хорват именует общество реального социализма. — *Авт.*), при котором государственные бюрократы заменяют в качестве организаторов производства частных предпринимателей. Кейнсианская революция в теории экономической политики делает возможным подчинение рыночной нестабильности относительно эффективному контролю со стороны государства... Вместе с созданием государственных (публичных) корпораций и постоянно расширяющихся информационных систем типа *ex post* и *ex ante* это ведет к так называемой смешанной экономике (или «государству всеобщего благоденствия»), характерной для современных высокоразвитых капиталистических стран. Наконец, социалистическая экономика (основанная, согласно мнению Хорвата, на господстве коллективно-групповой собственности. — *Авт.*) должна характеризоваться оптимальным сочетанием всех пяти типов координационных механизмов...»¹

Методологическая порочность концепции Хорвата связана со стремлением соединить несоединимое, совместить в рамках единой «макроэкономической модели» взаимоисключающие методы регулирования. Кроме откровенного эклектизма, подобная доктрина «координационного механизма» основана на тенденциозном (в духе теории «командной экономики») описании системы централизованного планирования в странах реального социализма в сочетании с явно завышенными оценками «эффективности» государственного регулирования при капитализме.

Экономическая автономизация предприятий, неизбежная в условиях ревизионистских «макромodelей», придает товарным отношениям такой характер, который исключает сколько-нибудь серьезное сознательное на них воздействие. Всецело уповая на меры кредитного, бюджетного и налогового регулирования, правые ревизионисты игнорируют важнейшие положения марксизма о том, что сфера обращения, хотя и способна влиять на производство, не играет все же решающей роли. Если отсутствует эффективная планомерная координация прямых договорно-заказных связей, если предприятия взаимодействуют друг с другом преимущественно через «свободный рынок», значит, решающая сфера общественной жизни — материальное производство — отдается во власть рыночной стихии и анархии. Наивно было бы полагать, что одно лишь воздействие государства на сферу обращения способно обеспечить плановый, сознательно регулируемый характер такой «модели».

---

¹ Horvat B. The Political Economy of Socialism. Armonk. N. Y., 1982. P. 338.

Подчеркивая «положительные моменты» своей модели, ревизионисты, как правило, ссылаются на выигрыш, получаемый в результате более интенсивной работы отдельных, попавших в благоприятные рыночные условия производственных единиц. При этом не принимается в расчет тот суммарный ущерб, который наносит «рыночный социализм» общественному производству в целом. Недооцениваются, а то и прямо игнорируются такие статистические, выявляемые в долгосрочном плане пороки «рыночной модели», как противоречие между общественным характером труда и групповым присвоением, возрождение в связи с этим элементов анархичности, стихийности, цикличности, появление незанятой рабочей силы, инфляции, общей социальной разобщенности. Все это, естественно, отразится и на положении трудящихся.

Рассуждая о «гуманных» особенностях «рыночного социализма», ревизионисты, в частности Гароди, пытаются представить его в виде подлинного «проекта надежды», способного якобы сделать из каждого человека «созидателя» и «поэта». Однако если единственным мерилом успеха предприятия становится уровень рентабельности или валовой доходности, то в ход необходимо пускаются и такие средства борьбы за прибыль, как присвоение монопольных и рентных доходов, а также рост цен. Неизбежным следствием развития рыночной экономики является обогащение одних групп населения за счет других, а обещанная «поэзия всеобщего созидания» оборачивается низменной прозой конкуренции и борьбы антагонистических интересов.

Характерно, что и сам Гароди вынужден признавать существование некоторых «негативных», как он выражается, последствий своей «модели», связанных с «партикуляризмом предприятий» и «коллективным эгоизмом их работников»¹.

Для борьбы с этими явлениями он предлагает использовать «нечто вроде матриц Леонтьева», позволяющих «каждому производителю, каждой производственной ячейке и каждому предприятию осознать, что их секториальные решения зависят друг от друга»². При этом большое значение придается созданию «электронной агоры» — широкой системы взаимного оповещения, совмещающей последние достижения видеотелефонной связи и электронно-вычислительной техники.

Для защиты интересов потребителей предлагается создать особую «ассоциацию» по контролю за ценами, действующую «на каждом местном рынке», в каждой группе розничных торговцев или супермаркетов. Эта «ассоциация» должна не только запрашивать сведения о компонентах каждой цены (издержках производства, транспорта, обращения и распределения), но и передавать эти данные на суд об-

---

¹ Garaudy R. L'alternative. P. 239.

² Garaudy R. Le projet espérance, P., 1976. P. 115—116.

ственности, используя для этого средства массовой информации (радио, телевидение, прессу и т. д.)¹.

Гароди призывает уничтожить коммерческую тайну, запретить предприятиям произвольно вздувать цены, при этом оставить в ведении отдельных коллективов решающие вопросы планирования, распределения доходов и т. д. Несовместимость этих моментов вполне очевидна, ибо Гароди стоит за обособленное, частное производство, объективные законы которого как раз и порождают коммерческую тайну, борьбу предприятий на рынке, рост цен и т. д.

Не помогут делу и апелляции к матрицам Леонтьева. Ведь система «затраты — выпуск» рисует идеальную схему межотраслевого распределения ресурсов, исходит из отсутствия каких бы то ни было диспропорций общественного производства, т. е. с самого начала абстрагируется именно от того, с чем пытается с ее помощью бороться Гароди.

Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность возможна лишь в условиях непосредственно общественного производства, когда основные пропорции производственного процесса регулируются из единого центра. Но это условие как раз и неприемлемо для Гароди, ибо согласно его замыслам «всякий центральный орган должен иметь координирующую, информативную, формирующую, но только не руководящую роль»².

Характерна эволюция программы «правого ревизионизма». Начав с относительно «скромных» предложений по «рыночной корректировке» плановых заданий, ревизионисты заговорили затем о необходимости создания свободного рынка товаров и рынка труда³.

В последней монографии Шик предлагает сохранить в рамках «хозяйственной системы будущего» систематическое, массовое присвоение нетрудовых и в сущности эксплуататорских доходов, таких, как доходы от акций, от ценных бумаг, повышенную учредительскую прибыль⁴. Правда, он указывает на необходимость лимитировать частную акционерную собственность. Но передавать управление предприятиями тем, кто накопил больше средств, ратовать за возрождение отношений капитала, пусть даже в «нейтральной», коллективной форме — это значит усиливать жажду личной наживы, стимулировать обогащение за чужой счет.

В процессе эволюции Шик пришел также к признанию сугубо буржуазных методов борьбы за эффективность производства, включая угрозу полного банкротства и ликвидации отдельных предприятий

---

¹ Garaudy R. Le. projet espérance. P. 122.

² Ibid.

³ Šik O. Czechoslovakia: Prohibitive Odds «Reforms in the Soviet and Eastern European Economics». Toronto — London, 1972. P. 72.

⁴ Šik O. Ein Wirtschaft der Zukunft. Berlin (W) — Heidelberg — New York — Tokyo, 1985. S. 85—86.

в ходе конкурентной борьбы. По его мнению, «одной лишь возможности банкротства достаточно, чтобы своевременно предотвратить большую их часть»¹, поскольку банкротство связывалось им только с неградивостью и небрежением в работе. На деле при рыночной анархии жертвами конкуренции зачастую оказываются и нормально работающие коллективы, труд которых излишен по отношению к стихийно сложившемуся платежеспособному спросу.

Дополнительным свидетельством кризиса теории «рыночного социализма» может служить признание Шиком все новых «несовершенств» «рыночной модели», в том числе «антиобщественных злоупотреблений» (роста цен, монопольных доходов и т. д.). В этой связи он предлагает в борьбе за «оптимизацию» доходов предприятия использовать «плановые показатели распределения в масштабах всего общества»: от нормирования роста и дифференциации заработной платы вплоть до введения квот по распределению прибылей и даже особого налога на монопольную прибыль².

Легко заметить, что перечисленные «новации» по сути перечеркивают первоначальные установки «рыночного социализма». Ведь из них прямо вытекают усиление централизма, государственное регулирование пропорций, а если быть последовательным до конца, — общенациональный характер плана. Таким образом, даже в представлениях убежденных сторонников «рыночного социализма» его стихийный механизм должен во все возрастающей степени замещаться плановым регулированием производства. Это еще раз свидетельствует о том, что «рыночная модель» выработала свой исторический ресурс.

Теоретический и идеологический кризис идей «рыночного рая» под влиянием практики реального социализма, инфляционных процессов в капиталистическом рыночном хозяйстве и др. побуждает отдельных представителей ревизионизма искать иные варианты псевдосоциалистической программы. В публикациях Лефевра, в частности, в роли «социального идеала» выступает общество «гуманизированного пространства».

Под «гуманизацией пространства» Лефевр понимает преодоление кризиса городов и окружающей среды, искоренение скуки «повседневной жизни», решение проблем досуга — словом, создание условий, в которых «тотальный человек» имел бы все возможности для реализации заложенных в нем способностей. Но эта реальная проблема с самого начала поставлена ложно, так как Лефевр фактически снимает с капиталистической частной собственности ответственность за деформацию среды, окружающей человека, системы жизненных ценностей и интересов члена современного буржуазного общества. По его мнению, в настоящих условиях собственность на средства про-

¹ Šik O. Humane Wirtschaftsdemokratie. Hamburg, 1979. S. 176.

² Šik O. Humane Wirtschaftsdemokratie. S. 15—16, 637, 647, 655; Ein Wirtschaftssystem der Zukunft. S. 195—197.

изводства якобы вообще второстепенная тема, а потому читателям предлагается заняться проблематикой «качества пространства»¹. В трактовке этого вопроса концепция Лефевра смыкается с буржуазно-ревизионистским истолкованием лозунга «улучшение качества жизни» в условиях капитализма.

Роль ведущих «преобразователей пространства» возлагается Лефевром на архитекторов и урбанистов, которые хотя и действуют «в пределах существующего способа производства, но играют здесь главную роль, на них основывается будущее принципа, по которому пространство приобретает потребительную стоимость, а не только меновую»². Выходит, что капиталист, возводящий доходный дом по проекту дипломированного архитектора, как раз и решает проблему «гуманизированного пространства», ибо создает «пространственные блага» с «потребительной стоимостью».

Рисуя заманчивые перспективы «гуманизации» капиталистического общества, Лефевр «по забывчивости» не упомянул о таком препятствии, как закон стоимости рабочей силы, действие которого ограничивает личное потребление рабочего узкими рамками его воспроизводства как объекта эксплуатации. Превращение условий жизни, достойных человека, в цель производства предполагает как необходимую предпосылку ликвидацию монополии капиталистов на средства производства, а также социальных привилегий буржуазии.

Отношение Лефевра к рабочему классу и социалистической революции изложено в статье с характерным названием «Революционен ли рабочий класс?»³. В ней утверждается, что рабочий класс революционен лишь постольку, поскольку желает преодолеть «некоторые противоречия» и обеспечить «лучшее функционирование общества». Но в целом его революционные потенции якобы ограничены. Ведь рабочий класс не может сразу отказаться от нации, государства, семьи. Поэтому, утверждает Лефевр, с точки зрения «тотальной революции» пролетариат не революционен, а главный корень его «консервативности» следует искать в приверженности к экономической рационализации, к «идеологии предприятия», что на ревизионистском жаргоне означает стремление к продуктивному и эффективному труду на собственную пользу и для всего общества, к планомерной организации общественного производства. Только отказавшись от семьи, нации, государства и сознательно планируемого эффективного труда, полагает Лефевр, рабочий класс сможет стать «революционным до конца» и выполнить условия, ведущие к радикальной «перестройке пространства», так как «чтобы создать всеобщее — надо взорвать все!»⁴.

¹ Lefebvre H. Espace et politique. P., 1974. P. 235.

² Lefebvre H. Le droit à la ville suivi par espace et politique. P., 1974. P. 283.

³ Lefebvre H. La classe ouvrière est-elle révolutionnaire? // Homme et société. 1971. N 21. P. 149--156.

⁴ Ibid. P. 150.

Фактически речь идет об анархистском проекте, теоретическое «обоснование» которого держится на двух порочных положениях. Во-первых, приверженность к экономической рациональности отношению Лефевром к явлениям буржуазного характера. Во-вторых, концепция государственной собственности фальшиво трактуется как синоним «государственного социализма» и объявляется идеей не марксистской, а лассальянской.

Однако нет никаких оснований утверждать, будто ориентация на экономический рационализм есть «идея буржуазии»¹. Все зависит от того, какими критериями эта рациональность определяется и оценивается и кому она служит. Рабочий класс не отрицает рационализацию производства, а борется лишь с капиталистической формой ее осуществления и использования. При социализме рациональные методы хозяйствования становятся непременным условием все более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей каждого члена социалистического общества.

Столь же порочны и рассуждения Лефевра о государстве. К несостоятельной аргументации анархистов Лефевр сумел добавить лишь фальшивый тезис, что идея государственной собственности при социализме, идея существования государства после социалистической революции принадлежит Лассалю, а Маркс — создатель теории «отмирания государства» — якобы всю жизнь вел с ней борьбу². На самом деле Лассаль собирался создать социалистическое общество при помощи прусской государственной машины и ее бюрократии. Его концепция предполагала союз производственных товариществ рабочих и юнкерского государства во главе с реакционером Бисмарком. Естественно, что К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли эту линию резкой критике, противопоставили ей подлинно революционную идею разрушения буржуазной государственной машины и формирования диктатуры пролетариата. Что же касается учения о постепенном отмирании государства, то оно относилось К. Марксом не к буржуазной, а к будущей коммунистической государственности.

Таким образом, анализ применения праворевизионистской методологии к актуальным проблемам движения к социализму и дальнейшего развития социалистического общества позволяет сделать общий вывод об усилении эклектического и соглашательского характера ревизионистской методологии, все более явной подгонке методологических подходов при анализе актуальных вопросов современности к заранее известным прокапиталистическим и антисоциалистическим ответам на эти вопросы.

---

¹ Lefèvre H. La classe ouvrière est-elle révolutionnaire? // Homme et société. 1971. N 21. P. 154.

² Lefèvre H. Hegel, Marx, Nietzsche ou le royaume des ombres. 1975. P. 48.

Программные документы, планы социально-экономического развития, принятые на XXVII съезде КПСС и партийных съездах братских социалистических стран, являются ныне центральными объектами идеологической борьбы на международной арене. Наши классовые противники пытаются извратить смысл и цели принятых решений, преуменьшить их значение, доказать их «невыполнимость» и противопоставить им собственные измышления о тенденциях развития мирового социализма до конца XX — начала XXI века как о «кризисе социализма».

Съезды братских партий продемонстрировали социалистический реализм в действии, современное марксистско-ленинское мышление в решении экономических, политических и идеологических проблем; тем самым поставлена задача поднять и всю научно-критическую работу на уровень современного экономического и идеологического мышления.

Критика антимарксистских концепций должна быть чужда догматизма, абстрактной схоластики, ложного академизма. Она должна быть целиком обращена к человеку, к его сознанию, интересам, проблемам, к его социальному опыту, являться неотъемлемой частью всей воспитательной, идеологической работы.

Социализм в целом демонстрирует свое историческое превосходство над капитализмом, ибо подчиняет достижения НТП, всю общественную организацию производства задачам сохранения мира, роста народного благосостояния, развития культуры, возвыщения человека.

В то же время переломная эпоха ставит перед социализмом ряд сложных новых задач, связанных с перестройкой хозяйственных отношений, обеспечивающей ускорение социально-экономического развития, подъем экономики и общества в целом на качественно новый уровень.

«Объективно в экономике, да и в других сферах, — указывалось в материалах январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, — назревала

потребность в переменах, но в политической и практической деятельности партии и государства она не находила реализации... руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогло своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление, на более полное использование возможностей, заложенных в социалистическом строе»¹. В результате в развитии экономики, социальной сферы, политической области появились неблагоприятные тенденции.

Специфика идеологической борьбы на современном историческом этапе связана с тем, что буржуазные теоретики и ревизионисты стремятся извратить смысл сложных проблем, причины их возникновения и на этой основе опорочить достижения и преимущества социализма, обосновать версию о «бесперспективности» реального социализма, «исчерпании» его движущих сил.

Исход борьбы между силами прогресса и силами реакции в современном мире в огромной степени зависит от динамики экономического и политического развития стран социализма, прочности их единства и согласованности действий. Отсюда установка буржуазной идеологии на то, чтобы дискредитировать саму идею мирового социалистического хозяйства с помощью концепции «кризиса» социалистической экономической интеграции, «прогрессирующей дифференциации» хозяйственных механизмов стран — членов СЭВ, «дробления», «внутренней эрозии» социалистической системы мирового хозяйства.

Наступательная критика буржуазных реформистских и ревизионистских концепций социально-экономического развития стран реального социализма должна непременно опираться на глубокие теоретические обобщения народнохозяйственной практики, на постоянное творческое развитие марксистско-ленинской политической экономии социализма, и прежде всего ее методологии.

Как подчеркивается в решениях XXVII съезда партии и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, застой в области теории неминуемо ведет к отставанию в решении практических вопросов. В названных партийных документах большое внимание уделено необходимости разработки методологических вопросов: учению о противоречиях, проблемах реализации в каждом звене народного хозяйства каждым работником, трудовым коллективом его роли участника общественной собственности на средства производства, совершенствованию распределительных отношений, твердому соблюдению принципа социальной справедливости и др. Недопустима прокламация некоего застывшего образа социалистических производственных отношений, абсолютизация сложившихся на рубеже 30—40-х гг. форм организации советского общества, безосновательное отождествление этих форм с сущностными характеристиками социализма.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 7—8.

Только на основе решения накопившихся методологических вопросов, смелых действий в области совершенствования народно-хозяйственной и социальной практики можно успешно осуществить слом механизма торможения, преодолеть консервативный механизм управления, предотвратить появление в будущем имевших место элементов социальной коррозии, случаев отступления от социалистической морали, нарушение демократизма.

Все это входит в программу перестройки, которая решительно усилит воздействие социалистической идеологии, позволит коренным образом углубить критику антимарксистских концепций экономики социализма, их методологических основ.

Чтобы эффективно разоблачать буржуазные измышления о «нереалистичности» задач достижения победы социализма в экономическом соревновании с капитализмом, научная критика должна опираться на возможность и необходимость полной целенаправленной мобилизации всех движущих сил, интересов, присущих социализму, — общенародных, групповых и личных, всей системы созидательных форм и связей хозяйствования — плановых и хозрасчетных, централизованных и основанных на местной инициативе, натуральных и товарно-денежных. В то же время ускорение социально-экономического развития предполагает бескомпромиссную борьбу с нетрудовыми доходами, нарушениями хозяйственной дисциплины и другими деструктивными явлениями в экономике.

Критика антимарксистских концепций «тормозящего» влияния социализма призвана противопоставить им реальные процессы перестройки в социалистических странах, опровергнуть тезис наших идейных противников, будто эффективная реформа неизбежно означает отход от принципов научного социализма в направлении реставрации капитализма.

Перестройка всех сторон общественной жизни, начавшаяся в СССР, представляет собой убедительное подтверждение жизнеспособности и решающей исторической значимости для прогресса цивилизации творческого марксизма-ленинизма, революционных принципов диалектического и исторического материализма.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Глава I

КРИЗИС ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛИЗМА

1. Буржуазная идеология и метод вульгарной политекономии	7
2. Кризис вульгарной методологии и противоречия буржуазных трактовок экономической системы социализма	16
3. Несостоятельность буржуазной «критики» марксистско-ленинской методологии в анализе экономики социализма	38

Глава II

БУРЖУАЗНАЯ «КОМПАРАТИВИСТИКА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМ КОНСТРУИРОВАНИЯ АНТИНАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛИЗМА

1. Несостоятельность буржуазных теорий экономических систем	45
2. Критерии сравнения экономических систем в буржуазной «компаративистике»	56

Глава III

МЕТОДОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ВУЛЬГАРНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА В БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА

1. Технологический детерминизм — методологическая база современной буржуазной критики социализма	67
2. Вульгарно-эволюционный подход в современных буржуазных трактовках социализма	81

Глава IV

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ В БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВКАХ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Методологические принципы анализа буржуазной политэкономией и социологией социально-классовой структуры общества и их несостоятельность . . .	98
2. Критика методологических основ концепций советологов по проблемам социально-классовой структуры социалистического общества.	104

Глава V

ВУЛЬГАРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. Несостоятельность методологических основ буржуазной периодизации социально-экономического развития.	118
2. Вульгарный историзм в характеристике отдельных этапов развития социалистической экономики в СССР.	129

Глава VI

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ЕГО РОЛЬ В БУРЖУАЗНЫХ И ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИКУ

1. Принцип индивидуализма и его использование в буржуазных концепциях экономики социализма.	136
2. Принцип индивидуализма в леворадикальных взглядах на социалистическую экономику.	146

Глава VII

ЭКЛЕКТИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЕРЕВИЗИОНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛИЗМА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187

Методология фальсификаций: (О бур-
М 54 жуазных концепциях экономики социализма) /
Ю. Я. Ольсевич, А. А. Стулов, Т. Трендафи-
лов и др.; Под ред. Ю. Я. Ольсевича, Т. Трен-
дафилова. — М.: Экономика, 1987. — 191 с. —
(Критика бурж. идеологии и ревизионизма).

Книга представляет одну из первых попыток всестороннего ис-
следования несостоятельности методологических принципов анти-
марксистских теорий экономики социализма. На основе критического
анализа буржуазной англо-, германо- и франкоязычной литературы,
включая источники 80-х годов, раскрываются эклектичный характер
методологии буржуазных авторов, метафизический подход к иссле-
дованию.

Для научных работников, преподавателей общественных дисцип-
лин, пропагандистов и лиц, самостоятельно изучающих политэкономю
социализма.

М 0603010300—035 27—87
011(01)—87

ББК 65.018

Монография

**Юлий Яковлевич Ольсевич,
Александр Александрович Стулов, Тончо Трендафилов и другие**

МЕТОДОЛОГИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Зав. редакцией **Б. А. Мясоедов**
Редактор **А. В. Лобова**
Мл. редактор **Т. В. Медведева**
Худож. ред. **В. П. Рафальский**
Техн. ред. **О. К. Ли**
Корр. **А. С. Рогозина**

ИБ № 2800

Сдано в набор 11.12.86. Подписано в печать 21.08.87. А 06307.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,16/11,51 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л.
13,84. Тираж 12 000 экз. Цена 85 к. Зак. № 119. Изд. № 6310.

Издательство «Экономика»
121864, Москва, Г-59, Бережковская наб., 6.

Диапозитивы изготовлены на фабрике «Детская книга» № 2 Рос-
главполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград,
2-я Советская, 7.

Отпечатано с диапозитивов в типографии им. Котлякова изда-
тельства «Финансы и статистика» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 195273,
Ленинград, Руставели, 13.

85 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА